

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР,
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Анатолий Бицуев
Адам Гутов
Хачим Кауфов
Виктор Котляров
Магомет Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Тауби Бегретов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Таов
Альберт Тюбеев
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

5. 2010

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

Книжные новинки

Эфендиев К. К.

Годы, события, люди:
В 2 т. – Нальчик: Издательство
М. и В. Котляровых, 2010. –
Т. 1. – 428 с.

Издание осуществлено при
финансовой поддержке *Ж. К. Во-
логирова*, председателя Государст-
венного комитета по тарифам;
С. М. Лисовского, генерального
директора «Кавказрегионгаз»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Быть может, я никогда не взялся бы за нелегкий труд воссоздания подлинной картины своего жизненного пути, не обходя при этом без должного внимания сколько-нибудь значительное из того, что происходило непосредственно вокруг меня, в родном селении, в безмерно дорогой и милой моему сердцу Кабардино-Балкарии, в нашей огромной, после Октябрьской революции ставшей одной из самых могущественных держав на Земле, стране, в мире в целом, и, отдавая дань уважения большинству из людей, с кем я учился и рос, служил в Красной армии, работал, повседневно общался, откровенно высказывая в то же время слова не совсем приятные, а порой даже пренебрежительно-презрительного характера по адресу тех, кто, на мой взгляд, заслужил их своим поведением в обществе, в тех или иных жизненных обстоятельствах. Да, скорее всего, не взялся бы, если бы не настоятельная просьба внука – Азамата Кумыкова, в день вручения ему за неделю до его шестнадцатилетия красного диплома об окончании с отличием Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова.

Позже он неоднократно напоминал мне об этом, а я то отшучивался, то отделялся очередным обещанием, хотя сам уже осознавал желательность ознакомления нынешней молодежи с нашим далеким и совсем недавним прошлым.

Трудно действительно начинать нелегкое дело, если даже созрело сознание его необходимости; нужен чувствительный к нему толчок, должно произойти какое-то необыкновенно яркое событие.

Аскер ДОДУЕВ**Человечность и вечность**

Говорить о настоящем поэте – это подобно тому, что говорить о горах или о морях. Сверкают себе вдаль. Одни в белой папаше, другие в лазурной синеве, и волнами бьются о берег. Прохлада с гор – их дыхание, а волны – биение сердца моря. Когда мы восходим на вершину, понимаем и чувствуем ее высоту. Когда отплываем от берега в даль, мы более понимаем и принимаем глубину моря.

Кайсын Кулиев – он и море, и гора. С их глубиной и высотой, с их вечностью.

Кайсын Кулиев.
Фронтные годы

Я не могу сказать: «Мне все равно,
Что будет в мире после нас твориться!»
За кладбищем, где тлеть мне суждено,
Пусть сад цветет и дальше колосится!

Ты, мир, меня жалел не больше всех.
Когда уйду, других жалей и радуй.
Пусть дождь идет, и пусть шумит орех
Листою за кладбищенской оградой.

Я не скажу: «Пусть мир летит с основ,
Когда я буду истлевать в могиле!»
Из мира уходя, подобных слов
Ни мой отец, ни мать не говорили.

(Перевод Я. Козловского)

«Выдающийся», «великий», «знаменитый»... Одному Богу угодно знать, каких слов можно находить бесконечное множество в его адрес. Это не такое уж и хитрое дело. Но, когда речь заходит о нем, силы таких слов, я думаю, тают не в сердцах, как снежинки на ладонях поздней весны. Его творчество, его поэзия – есть символ его человечности, его доброты, его мужества. Когда мы говорим о поэзии Кулиева или о его человечности, почему-то приходят в голову одни и те же мысли, одни и те же суждения. Почему это так? А это потому, что то, о чем он писал, и его человечность имеют одни корни, дающие одни побеги. Эти корни

уходят далеко – в глубокие раны и старую боль своего народа и родной земли. Не потому ли поэт говорит: «Мы вместе служим своей земле, мы рубцы одной и той же раны».

Голос Кайсына – голос его народа. Он мог вместить все наши тревоги в свое сердце, а сердце он нес на виду, и добром, и теплом своим вдохновляя нашу силу. Мы ценим и любим Кайсына Кулиева не только за это. Мы отдаем ему дань своей душой еще за то, что он нас раньше и любил, раньше нас и ценил.

Следы ранений на камнях видны,
А в душах человеческих сокрыты.
Своей не замечаем мы вины,
А в грех чужой стреляем, как джигиты.
Скалы холодной раненую грудь
Бинтуют предрассветные туманы.
Когда б ты смог мне в душу заглянуть,
Еще б одной не наносил бы раны.

(перевод Н. Гребнева)

У каждого из нас в голове, где-то в подсознании, если хотите, в крови, те мысли и чувства, что и между строками стихов Кайсына Кулиева. Но только он их сумел первым выразить доступным и понятным поэтическим языком, возвышая все это до высот родных Чегемских гор.

«Каждая пуля на войне поражает сердце материнское...» Начиная от истоков жизни на земле, сколько было войн, сколько пролито крови, сколько погубленных и искалеченных судеб?! Все эти беды несет в себе и за все это страдает сердце материнское. Все мы это понимаем, но изначально сказал Кулиев, который прошел весь ад самой жестокой и самой кровопролитной войны в истории человечества, но остался чутким и добрым, человечным и мужественным.

Вот так, этому злу и противостоит поэзия Кайсына Кулиева, непримиримо, как материнские сердца, наполненные ненавистью к любому злу и любому выстрелу в любом уголке земного шара. Придут такие времена, – а они, я уверен, настанут, – когда сумеем пристыдить словом и придадим этому слову его изначальный смысл, после чего голос поэта зазвучит по-новому и будет слышен далеко за пределами России, в сопровождении благодущия и света.

Быть может, есть люди, которые скажут: не слишком ли много мы говорим о Кулиеве и о его поэзии? Ответ однозначный: у подножья большой горы ее вершину нельзя увидеть. Чем дальше от нее, тем шире и более статно, другим ракурсом раскрывается гора. Говорить и писать о Кайсыне Кулиеве – это работа не только одного поколения – на расстоянии еще больше манит высота. Другие поколения еще глубже и разносторонней раскроют поэзию Кулиева. Время всегда все расставляет на свои места.

Все лучшее на свете поэт сравнивает с вечными горами. И я хочу воспользоваться этим приемом, когда речь заходит об упреках насчет частоты разговора о Кайсыне. На высокие горы тысячи лет, летом и зимой, падает

снег. Это вечный закон природы, как течение реки, цветение яблони. Но от снега горы выше не становятся, лишь только ручьям дают новые силы, что начинают свой долгий путь с ее склонов. Тысячи лет наполняют море дожди, тысячи рек впадают в него. От этого тоже море глубже не стало. И у меня нет задачи возвысить или углубить поэзию Кулиева. Это просто не получится. Мои слова – словно дождевики, что капают в море, и снежинки, что падают на гору. Меня просто заставляют говорить о нем его беспредельная широта души, бесконечная доброта его сердца.

Как хочу я, чтобы вернулся
мой друг, что погиб за Отчизну,
точно так же, как он, я хочу
заслонить своим сердцем
тебя от печали и боли.
Пусть будет больно
лишь только сердцу моему.

(подстрочный перевод)

Как можно остаться равнодушным к поэту, который сумел выразить такую боль, такую веру; к его творчеству, окрыленному тонким чувством и глубинной мыслью?! Но почему-то сегодня люди смотрят друг на друга не иначе как волчьими глазами. Где и когда мы растеряли теплоту, чуткость, милосердие? Не знаю. Но все это продлится до тех пор, пока мы будем сторониться настоящей, высокой и человеческой поэзии.

Неужели мы способны объединяться только лишь категориями, лишь племенами, что присуще некоторым хищникам, видя друг в друге начало зла и недостатка. При таком развитии событий человек остается один на один со своим извечным бездольем и несчастьем без опеки, без участия с чьей бы то ни было стороны в его нелегкой судьбе, особенно в нашу непростую эпоху. Сегодня немало тех, кто стыдится и робеет подставить плечо идущему рядом, который находится в неодолимом горе и печали и любит народ до беспамьятства, любит Родину, ее камни и реки, любит так, что даже не пожалеет своей жизни для всего этого. Крик таких слышен далеко, к нему еще добавляется грохот от биения в грудь кулаками. Но все знают и видят – не слепые и не глухие – шума всегда много от пустых барабанов. На парадах впереди – барабанщики, а гвардия тихо идет позади... Помочь тому, кто в безвыходном положении, не быть чужим, совершить благодеяние – есть само мужество, есть сама человечность. Верность народу, преданность родной земле начинается с отношения к людям, к отдельно взятому человеку. Кайсын Кулиев это знал и разделял боль каждого, принимал как свою, покуда билось его чуткое и емкое сердце.

Ты скажи на милость, человек,
Чье лицо покрыто черной тенью,
Что с тобой случилось, человек,
Где решил искать ты утешенья?

Перед тем, как разойтись нам прочь,
Сетуя на дождь и непогоду,
Чем, скажи, могу тебе помочь,
Что мне сделать, брат, тебе в угоду?

Я в одну, а ты в другую даль,
Мы уйдем, и разлучит нас вьюга.
Стал я старше на одну печаль.
Ты – на одного богаче друга.

(перевод Н. Гребнева)

Конечно, Кайсын отлично понимал, что у всякого человека есть свое укромное место под небом и своя высокая звезда на небе. Он людей боготворил, ставил выше себя и своей поэзии. Он возносил их и тем самым приближал к себе. Возвышая людей, поэт исцелял их сникший дух и дарил им новую надежду его ожиданиям.

Поэзия Кайсына Кулиева не назидательна, она ненавязчиво приглашает на беседу. Этот диалог обретает такие оттенки, объединяя человека и поэта со смыслом бытия, открывая ранее неизведанные, потаенные углы человеческой души. Это непринужденное и бесхитростное общение настолько доверительно, что откликается на переломах судьбы, на подступах к перевалам жизненных дорог. Беседа эта сокровенная, разговор по душам – это естественный диалог, это верный и естественный путь любви одного поколения к другому, одного человека к другому.

Оставаться человеку человеком помогает и содействует свобода. Но та же самая свобода способствует возможности уронить и навсегда потерять человечность. Это зависит от того, что мы имеем в виду, что мы подразумеваем под словом свобода. «Что хочу, то и делаю, что хочу, то и говорю...» Люди с таким представлением о свободе далеки от ее истинного значения. Вместе с настоящей свободой рядом находится ее сиамский близнец – Долг.

От того, как исполняется долг, напрямую связано и отношение человека с окружающим миром. Кто живет одной свободой, тот не очень-то значительный, играет не очень-то важную роль на земле. Дерево, что растет привольно, без внимания садовника, часто не дает ожидаемых плодов, дичает.

Ссылаясь на окружающих, отдельных личностей, многие опускают руки. Не составляет большого труда найти уважительную причину, чтобы отойти от долга, забыть или возложить его на другие плечи.

Это та колея, с которой не могут сойти безответственные, равнодушные люди. Колея, что ведет в никуда. Так дела не делают. Если каждый из нас, как Кайсын Кулиев, сделал бы то, что причитается ему, все было бы по-простому – открывались бы другие прозрачные горизонты, наделенные порывом, надеждой и вдохновением. «Жизнь дала нам полно долю нашу. Позади много опасных и тяжелых мостов. Оплакали потери и на свадьбах плясали. Я свой груз нести не дал никому». Так звучит подстрочный перевод одной из строф Кайсына Кулиева...

Есть и те, которые, где попало бросая свой груз, издали судят, кто что и как несет, за ширмой складных и красивых фраз уходя от несложных и неотложных дел. Но сполна, в полном объеме, пользуются всеми благами, используя доверчивость людей. Есть и те, которые выше всего ставят все личное и, оторвавшись от них, уходят на приличное расстояние. А настоящий поэт и настоящий гражданин всегда с народом, и не стыдится его, и с ним не держит какую-либо дистанцию. Особенно когда тяжело и больно людям. В такие дни больше всех страшной и больней большим поэтам. Молния первыми поражает самые высокие деревья. Эта мысль еще раз выверена сложной, но яркой судьбой Кайсына Кулиева.

«Я – поэт много горя повидавшего народа,
Многие дни мои были темны, словно ночи.
Через мосты, что были тоньше струны,
Прошел я вместе с народом,
И огонь, что зажгли мы, бураны тушили».

(подстрочный перевод)

Да, тушились огни в очагах. Их тушили бураны. Но горели раны, искрились от боли глаза, от которых заново разжигали пламя, чтобы согреть тех, кто рядом и в беде. Зажигали без упреков и злобы.

На небосклоне литературы Кайсын Кулиев – та звезда, что указывает путь сбившимся с него и тем, у которых дорога только начинается. Кайсын Кулиев – это та звезда, от которой исходит не только свет, но и тепло.

«У бедного народа поэт не может быть богатым. Тень от дерева связана с его величиной», – говорил Кулиев. Хочется ему возразить и сказать: нет, Кайсын, народ бедным быть не может, когда у него есть такой поэт, как ты!.. А если поэт и вправду тень своего народа, то ты тень ранней ее зари – предвестницы солнечных лучей.

В городе Нальчике стоит памятник поэту. Увековечен его образ для грядущих поколений. Отраднo, что он поставлен на проспекте имени Кайсына Кулиева, на проспекте добра и мира, как сама Кабардино-Балкария и образ ее людей, которые ставят выше своих высоких гор лишь только совесть и честь, которым служил ее славный сын Кайсын Кулиев и продолжает служить его вечная и человеческая поэзия...

Борис КУДАЕВ,
ведущий специалист
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук

БАРО РОМ

Рассказ

С моего любимого места я оглядел ресторан – столик стоял в дальнем левом от сцены углу зала. Сцена отсюда выглядела, как обшитая черным бархатом шкатулка с драгоценностями – это сверкали яркие костюмы цыган. Сегодня пятница. Если спросить человека несведущего, он скажет, наверное, что лучшие, самые доходные дни для ресторана – суббота и воскресенье. Увы. Суббота и воскресенье – дни, когда самые щедрые – и «залетные» и постоянные клиенты с утра ходят по саунам и бассейнам, водят своих чад по аттракционам, игровым залам и боулингам (в зависимости от их, чад, возраста), а жену по магазинам и бутикам. А вечерами они сидят дома или ходят с семьей к родителям или в гости, демонстрируя свою непоколебимую приверженность семейным устоям (а их, устоев, как я и перечислил, только в обратном порядке, три – родители, жена и дети). Понедельник на работе – тяжелый день – и вовсе не с перепоя, а потому, что дел и бумаг за уик-энд скопилось невпроворот, да и на рабочую неделю надо весь коллектив настроить. Вторник, среда и четверг – пик рабочей недели, – ответы на бумаги, совещания и встречи с партнерами, работа до полного отупения – основа благосостояния. А вот вечера четверга и пятницы – наши дни. Жену уведомляют о необходимом для дела совещании – с небольшой выпивкой по завершении (не путай, дорогая, с важной встречей с партнерами или, господи пронеси, с чиновниками из налоговой или противопожарной службы, – это уже с большой выпивкой и возможными злоупотреблениями типа поездок на чью-то дачу. Но это – в пятницу!). Чтобы жена не ждала мужа домой очень рано, она субсидируется для проведения девичника с подругами или отправляется с домработницей на закупки продовольствия и деликатесов для приема гостей в субботу или воскресенье. Такой вот «модус вивенди» принят у нас, и ресторатор должен это знать и понимать. Казалось бы, как просто, а у меня ушло на эту простую последовательность целых два месяца (вам повезло – я написал «последовательность», а не «алгоритм» или, не приведи господи, «парадигму») – преодолело желание изъясняться на обыч-

ном русском языке. А соблазн воткнуть иностранный термин велик, потому что я рестораном занимаюсь волею судеб всего ничего, а книжки иностранные читаю всю свою жизнь. Валерий Гуршев – успешный бизнесмен, строитель, депутат горсовета – предложил мне заняться арендой ресторанных залов. Наверное, была задумка – после длительной аренды приобрести один (или не один) ресторан – ведь чаще всего договоры о длительной аренде плавно перетекают в право приобретения арендованного имущества... Фу, как скучно это все звучит сейчас. Но тогда шли лихие 90-е, собственность переходила из рук в руки быстро и не всегда понятно... Вот и начали мы с аренды громадного зала ресторана гостиницы «Нарт». Да и не аренда это была даже, а своеобразное антрепренерство. Как говорят в Одессе – «таки все началось с Рабиновича». Замечательный скрипач ресторано-цыганского разлива, Вениамин Домбровский, посоветовал нам организовать досуг посетителей ресторана – если еду и питье считать их основным занятием... Короче, кухня делала свое дело – кормила клиентов, буфет их поил, а мы развлекали. Девушки кордебалета – теперь это называлось ритм-балет – танцевали на сцене, меняя наряды, оплаченные Валерой, и макияж за пять минут, пока конферансье рассказывал анекдот, устраивал аукцион, разыгрывая какой-нибудь приз, или иным способом утомлял публику. Особенно любили аукционы, когда торг шел за корзины с шампанским и клубникой (летом) и шампанским с шоколадом (зимой). За такую корзину платили втридорога. Успех этого мероприятия обеспечивался очень просто – шампанского не было в меню. И официанты его не подавали – до розыгрыша. За вечер девчонки танцевали десять-двенадцать композиций. В зале наша сотрудница донимала клиентов льстивыми предложениями: «Подарите вашей прекрасной даме букет роз – я же опытная, я щедрых кавалеров вижу в зале вот прямо сразу!» Так вот. Но мы с Валерой только начинали этот бизнес, нам было не до воспитания и постановки сценической речи цветочниц. Пусть этим занимается профессор Хиггинс. У него с лондонской цветочницей один раз здорово получилось. А все наше время занимали танцовщицы. Нет, вы не угадали! Они отнимали у нас все дневное время освоением тонкостей танцевального дела. Колготки, оказывается, должны у танцовщиц быть со швом (это сексуально), но без двойного плетения наверху, у пояса (без «трусиков», иначе взбрыкивать ногами нельзя – возникает подозрение, что танцовщица – в рейтузах). А наша фирма «Дружба» из-за сотни пар не хотела перенастраивать автоматический станок, который делал колготки. Да еще они должны были быть не только черными, но и белыми – это уже не настройка, а технология. Некрашенная нить в трикотажной промышленности стоит дороже крашеной и хуже идет по всем направляющим изгибам станка – парадокс! А вечером надо было торчать у них постоянно на виду, как полицейский на перекрестке – иначе одна могла стащить и запрятать колготки другой в очередную корзину с шампанским, вторая могла эту бутылку шампанского выдуть на раз-два-три, а третья танцевала не то, что надо, а то, что выгодно демонстрировало ее соблазнительные формы любимому клиенту за центральным столиком во втором ряду, который от этого воодушевлялся до того, что рвался на

сцену танцевать джамболлайю прямо с куриной ножкой в левой руке и бокалом спиртного в правой. А еще каждую неделю надо было выкроить время и место для трех репетиций – репертуар требовал обновления. И когда мне показалось, что мы все преодолели, и все наладилось, произошла удивительная вещь: колготки находились сами собой, костюмы не рвались и даже вовремя попадали в химчистку, шампанское никто не пил (по крайней мере, пока звучала музыка), и девчонки перестали делать подлянки друг дружке. Я широко вздохнул и приготовился пожинать плоды своих трудов. Господи, я ведь даже термина такого не знал тогда – «шоу-бизнес»! Ну, не знал я тогда, что такого не бывает, потому что такого просто не может быть никогда! А истинную причину мы с Валерой скоро узнали – оказалось, мы не умеем составлять контракты. В том, который мы подписали с танцовщицами, не были четко прописаны штрафные санкции за нарушение контракта – и они, отточив у нас свое мастерство и набрав нужное количество костюмов (дорогих, поверьте), укатили танцевать в ночном клубе сначала в Дубровник, в Югославию, а потом в Афины... Пришлось начинать все с начала. В «Нарте» с нами говорить уже не хотели, надо было искать другой большой зал. Вот так и получилось, что с цыганской программой мы очутились в ресторане «Долинск» – не на улице Шогенцукова, а в большом, рядом с универмагом «Долинск». Ресторан тогда процветал, и наше предложение организовать цыганское шоу прошло легко. Домбровский нашел цыгана-клавишника (я бы поклялся, что таких людей на свете нет – и был бы не прав). Герасим Рукавишников подростком повредил себе позвоночник и посвятил все время освоению синтезатора, который ему купили вскладчину многочисленные родственники. У его двух братьев и сестры оказались замечательные голоса, и через пару лет семейный квартет стал выступать на свадьбах и юбилеях Александровки, еврейской колонки и нальчикского полусвета. Там они и встретились с Вениамином. Его скрипка пела и плакала так по-цыгански, что цыгане считали его за своего. А уж они нам подсказали, кого нам пригласить на места танцоров, – муж и жена Красавины цену заломили непомерную, но после продолжительных торгов с употреблением большого количества полусладкого шампанского («Мой Коля мне поклялся водку больше не пить, а я кислого не люблю!») – ударили по рукам. Правда, Коля выговорил себе в качестве реквизита дорогие ковбойские сапожки («они в танце топают славно!»), которые у нас почему-то называли «казаки». Никаких договоров цыгане подписывать, конечно, не захотели – они подсознательно боятся всяких документов, которые могут ограничить их свободу. На вопрос: а как же мы будем оформлять наши отношения? – хором отвечали: «На честном слове!» На том и сошлись. Честное слово цыгана – вещь, конечно, хорошая. Но беспокойная. То Герасима на свадьбу переманили, то Коля слишком усердно доказывал благоверной, что горькую он ни-ни, только полусладкое... Выручал Домбровский. Когда он ходил по залу, склоняясь со скрипкой к сидящим гостям, они забывали про то, что им еще и танцы обещали... Так дело и шло. Клиентам программа нравилась, наличие мужчин-цыган на сцене удерживало наиболее активных посетителей от исполнения цыганочки

«с выходом», а после рвущей сердце мелодии Домбровского букеты цветов «для вашей дамы» шли нарасхват. Короче, наш табор уходил в небо уже к 10 часам вечера...

Но... я же говорил, что в шоу-бизнесе так не бывает. Или бывает, но недолго.

Заартачился танцор Коля (танцевал он действительно классно; он даже настаивал на слове «солист» в нашей рекламе – «их вон сколько, а я один!»).

Что он имел в виду, я так и не понял – когда пела Варвара с братьями, Коля с женой подпевали, а когда Коля с женой танцевали, братья Герасима так поводили плечами и притопывали, а сестра так играла огромным и многослойным подолом своей юбки, что казалось – весь театр «Ромен» уместился на нашей небольшой сцене.). Так вот, наш солист вдруг заявил, что ему «скучно каждый день, как проклятому, ходить на работу. Каторга это! Еще неделю – и все!» Ни вежливые уговоры Домбровского, ни мои напоминания о честном цыганском слове не помогали. Программа была на грани срыва... Вот тут Валера и вспомнил, что у цыган есть барон. «Говорят, он в Прохладном живет, поезжай!» Рукавишниковы с явной неохотой рассказали, как его найти, и я поехал. Прокручивая в уме возможные варианты предстоящей беседы, я представлял себе кого-то, напоминающего Будулая.

Мне сказали, что у него во дворе особняка стоит настоящий цыганский шатер. «Двухкомнатная квартира. С удобствами!» – подчеркнул Герасим.

Когда я объяснил охране, что я по делу о нальчикских цыганах, меня проводили. Не в шатер, а в особняк. Но, проходя мимо, я глянул на «шатер», и что-то екнуло в груди – в джунглях Бангладеш я жил в точно такой двухкомнатной палатке – спальня, рабочая комната и ванная. Ошибиться я не мог. Фирма «Беннетон» специализируется на производстве товаров для состоятельных путешественников – от рюкзаков и чемоданов до палаток с брезентовыми ваннами и надувными кроватями. Непростой шатер у барона! Фирма...

Через большой холл мы прошли в библиотеку, где ждал меня хозяин. Его предупредили по радию или по телефону. Он стоял у журнального столика в углу комнаты, все стены которой были закрыты книжными полками от пола до потолка. Мой наметанный глаз определил, что книги на большей части полок подобраны не по цвету и размеру – эти книги действительно читали.

И тот, кто их читал, не был похож на Будулая. Не усы, а усики, не борода, а бородка – просто дань традициям. Холеное лицо и ухоженные руки, дорогая простота домашнего костюма. Вот тебе и цыганский барон! Мы пожали друг другу руки и назвались. И, как бы в подтверждение моих мыслей, он негромко произнес: «Я не пью до вечера, но Вас могу угостить хорошим шотландским виски или лучшим из наших марочных прохладненских коньяков – что предпочитаете?» Соблазн был – я заметил за стойкой бутылку редкого «Гленфиддич». Но... Когда мы сошлись на минеральной воде, он подошел к угловому бару, достал бу-

тылку Перье и наполнил два бокала. Тут он тоже обманул мои ожидания: я втайне надеялся, что он допустит какой-нибудь дешевый или показной жест – позвонит в колокольчик, дернет за шнур – позовет прислугу... Нет, был один нюанс – на столике у пепельницы я заметил «Житан» – французские сигареты с танцующей цыганкой на пачке – но и он улетучился. Мой собеседник еще раз показал свою проницательность – не дожидаясь моего вопроса, он вскользь пояснил: «Курю редко, но люблю крепкие. Раньше курил кубинские сигары или “Лихерос”, а теперь вот перешел на французские... Так что у Вас за проблема?»

Когда я рассказал ему о наших делах, он неожиданно задал мне вопрос, которого я никак не ожидал: отдал ли мне Коля деньги за ковбойские сапожки и носил ли он их в повседневной жизни? Увидев мое удивленное лицо, он пояснил:

– Между вами не было письменного договора или контракта. Но если Николай Красавин принял от Вас сапожки и не собирался возвращать деньги, то из этого следуют два вывода: раз он не возвращает деньги, то он сапожки не купил, а раз он их не носит вне сцены, то он их и подарком не считает. Он их приносит и надевает в ресторане перед выступлением – значит, это реквизит. А применение реквизита доказывает, что он обязался исполнять обязанности танцора. Это – вещественное доказательство, и я ему посоветую не нарушать уговора.

На мои слова о том, что я надеялся на авторитет цыганского барона, но не ожидал в его лице встретить такого справедливого судью, он улыбнулся:

– Хорошо, если бы все проблемы нашего беспокойного народа решались так легко. Да и не барон я вовсе. Это – один из мифов о цыганах. По-цыгански «баро» – значит, важный, влиятельный, а «ром» – значит, цыган. «Баро ром» – важный, влиятельный цыган. Это словосочетание звучит похоже на «барон», вот и укоренилось во многих языках. Барон – вассал государя, а цыгане никогда не были ничьими вассалами. Свобода для нас превыше всего. Но свобода не значит – безответственность. Поезжайте с миром, не обижайте артистов, которых набрали в труппу, а они свое слово будут держать... Будут!

С моего любимого места я оглядел ресторан – столик стоял в дальнем левом от сцены углу зала. Сцена отсюда выглядела, как обшитая черным бархатом шкатулка с драгоценностями – это сверкали яркие костюмы цыган.

Задушевные звуки музыки и проникновенные голоса, медленно набирая силу и незаметно, от куплета к куплету, ускоряя ритм, звучали в притихшем зале.

Молодая ночь набирала силу. Табор уходил в небо...

Мусса БАЙДАЕВ

Заветы предков

Тропа в горах дается нам с трудом.
Там людям и орлам как мать – свобода.
И горы – это наш родимый дом,
Где мы живем под кровлей небосвода.

И пусть в Балкарии тропинки гор круты,
Мы восхожденья знаем все секреты.
Есть в каждом горце чувство высоты,
На этой высоте – отцов заветы.

Крепки заветы – родину беречь,
Правдивым быть, не избегая сечи,
И выше золота ценить родную речь,
Что сберегли в веках для нас предтечи.

Детей любить, на зло идти с мечом,
Не брать слова для клятвы, что убоги,
И в темноте кромешной быть лучом,
Что из ущелий выведет к дороге.

Отцовский дом и прочен, и богат.
В нем нет меня? Беду мою поймите:
В судьбе был ветер – он и виноват,
Мой курс заставил изменить в полете...

В долину я спустился с отчих гор,
Оброс друзьями новыми помалу.
Но чту обычаи я предков до сих пор,
И мне они – как посох аксакалу.

«Будь добр с людьми, гостеприимен, прост, –
Передаю заветы предков сыну, –
Ступай по жизни смело, в полный рост,
Не гни по-рабски перед чином спину.

Лень, озлобленье, страх гони кнутом.
Злой силе нерушимо строй преграды...»
В любом завете, мудром и простом,
Родной народ для всех оставил клады.

...Нежданный дождь в горах обрезал путь,
И тяжесть туч нависла надо мною,
Уже перелилась частично в грудь
Мою и стала немощи виною.

И гром погнал к селению, назад.
В лицодохнула резкая прохлада.
Дождю, грозе и тьме мой взгляд не рад,
Зато душа во мне ненастью рада.

И всех заветов здесь не перечить,
Что сжились с нашим сердцем и простором,
Но среди всех – завет особый есть,
Вся красота, бессмертье гор в которм.

О нем все помнят дочери, сыны
В любых селеньях милого Кавказа, –
Пускай легенды горской старины
Не обмелеют в нас до глубины
Обыденного скучного рассказа.

Байдаево мое, я вновь с тобой!
Меж гор поселок с горстку... Сын природы,
Я вновь хожу знакомою тропой,
Где я летал в мальчишеские годы.

Крылатый, резвый, шумный человек,
Любил я шум дождя и водопада.
Теперь мне ближе нрав равнинных рек –
Душа твоей тропинке тихой рада.

Но, видя в синеве небес орла,
Она лететь за ним уже готова,
Чтоб расспросить: а как идут дела?
Семья орла по-прежнему здорова?

Здесь ветерок настоян на меду,
И жить здесь по-особому охота.
Я сердцем рвался к отчему гнезду,
Где горы дали крылья для полета.

Не похвалюсь я в жизни синевой,
Моя судьба ненастьем зим богата.
Но не потух очаг наш родовой –
Он сбережен рукой старшого брата.

Теплый вечер спускается в горы,
Высь огней золотистых полна,
И глядит на земные просторы
В тихом свете улыбки – луна.

Грустно-грустно на пару с луною
На лугу проводить вечера.
Неужель ты не хочешь со мною
Говорить о любви до утра?

Помнишь, пел для тебя я когда-то,
Я сто песен спою тебе вновь –
Как я стал, словно птица, крылатым...
Отрастила мне крылья любовь.

Ты любишь мать свою? О нежной страсти
Скажи и ей – имеешь ты права.
Пусть даже ты словесных дел не мастер,
Все ж подбери ей лучшие слова.

Не обижай живого человека,
Тем более, когда роднит и кровь...
И пусть ее не видел ты полвека
Иль более – скажи ей про любовь!

Для ласки сердце матери готово.
Но помни: и в далеком кишлаке
Родная мать должна услышать слово
Лишь на ее, на кровном, языке, –

Что с молоком тебе дала когда-то.
Но если речь заводишь на другом,
То чувство, что ты выскажешь, – не свято,
Хоть речь завел о самом дорогом.

Мухамед НАФЕДЗОВ

СРОКИ СЧАСТЬЯ

Глава из повести

Скучная все-таки штука – жизнь. Не попадавшему в цепкие сети одиночества этого не понять.

Юноше стало тесно в темной комнате, и он подошел к растворенному окну. Он и звезды, никого и ничего более. Вон та, самая далекая звезда – моя, решил он. Потому что она тоже одна и как бы в стороне от других. А может, виной тому ее высокомерие? Ведь она ярче других... Неужели и ему предстоит вековать одному, как той печальной звезде?

Не оторвать глаз от маленьких небесных светил. Если долго смотреть на них, можно заметить их движение. И время движется, сокращая его, Заура, юность и жизнь. Он и не жил еще толком, а уже настрадался вдоволь. Да и впереди виднеются лишь новые испытания... Такова доля бывшего детдомовца.

Поскорей бы закончились каникулы. Вернутся сокурсники – опустевшее общежитие вновь наполнится жизнью. Но ждать еще целых две недели.

Надо попытаться заснуть, завтра рано вставать. Лег, но сон не идет. Смертельно соскучился по Дине. Взял с тумбочки сотовый телефон. Двенадцатый час. Звонить, пожалуй, поздновато. Может, смс-ку послать любимой? А что он напишет?... «Спокойной ночи, сладких снов». А вдруг разбудит? Ничего. Написав послание, он немного успокоился и вскоре задремал...

История сиротской жизни Заура была банальна. Он не испытал ни материнского тепла, ни отцовской заботы, да что не испытал – родителей своих он и не видел никогда. А сами они, сами успели хоть взглянуть на него, или швырнули в этот чуждый мир и растворились во времени?

Нет у Заура ответа. В жизни всякое случается, но не приведи бог ни одному ребенку пережить то, что выпало ему.

Как говорят, выживший становится мужчиной. Сироту жизнь побила как следует, но зато и закалила. Он часто вспоминает, как сжималось его сердечко всякий раз, когда в детском доме появлялись незнакомый мужчина или женщина. А вдруг это моя мама? Или мой папа? И они пришли за мной... Он готов был идти за кем угодно и куда угодно, только бы ощутить присутствие бросивших его родителей. Да что там, шагнули бы в пропасть – и он бы за ними!.. До чего жестоки были они, эти двое. Как могли бросить свое беззащитное дитя? Он этого, конечно, не помнит, но сотрудники детдома навсегда запомнили тот день.

Писк младенца первым услышал сторож. Выйдя во двор, он не сразу разглядел сверток, смерклось уже. На возгласы сторожа сбежался персонал. Развернули сверток. На ручке новорожденного увидели привязанный клочок клеенки с надписью: «Шаков Заур Хизирович. 27.06.85 г.».

Жизнь берет свое, и вот уже какие-то планы на нее у Заура начали сбываться. Он студент, учится, как и мечтал, на медицинском. Нелегко, конечно, без поддержки, но ничего, он иногда подрабатывает, а иначе нельзя. Устает порой здорово, но греет его убеждение, что настанет время, когда воздастся ему за все прошлые невзгоды. Рано или поздно.

Сегодня он уже отработал. Медленно идет через парк. Несмотря на жару, здесь, под густой листвой, всегда прохладнее. Потому, наверно, дни напролет не смолкают в парке молодые голоса. О, вот и свободная скамейка. Присев, тут же подумал о Дине. Как ее здесь не хватает. А телефон на что? Он послал вызов – нет ответа. Попробовал еще раз. Ага, услышала.

– Привет, Дина!

– Привет.

– Чем занимаешься?

– Да так, ничем. Сижу дома, скучаю.

– А ты выйди, в парке погуляем.

– Не знаю... Сейчас у мамы попробую отпроситься, перезвони мне.

– Ладно, пока.

Он ждет, волнуясь. Выйдет или нет? Вообще-то виделись они с ней всего несколько раз. Искорки между ними пробежали с первой встречи, но до главных слов до сих пор еще не дошло. По телефону он еще может с ней поговорить о разном, а лицом к лицу теряет дар речи. Он часто вспоминает первую встречу. Это было на вечеринке в честь дня рождения девушки Резуана, его соседа по комнате. Зашедшая с опозданием девушка так и приковала к себе его взгляд. Длинные вьющиеся светло-каштановые волосы, черная кофточка с глубоким вырезом. Джинсы и высокие каблуки подчеркивали стройность фигуры. А кожа ее была так нежна – казалось, можно воду в ее горлышке увидеть, когда она будет пить. Сияющие голубые глаза, не знающие краски волосы... Бывают же такие куколки, всего им дано сверх меры.

Все вдруг заметили, что Заур не может отвести от нее глаз. Ему стало стыдно, он покраснелся и опустил голову.

Но робость свою он все же преодолел в тот вечер. Едва зазвучал медленный танец, он собрался с духом и пригласил ее. А там и вовсе осмелел – выпросил у нее номер мобильного.

Сегодня они встретились. Прошли широким проспектом Ленина, свернули на Советскую, потом через сквер к гостинице «Нарт». Новый Дворец бракосочетаний как раз рядом. Здесь, как всегда, было многолюдно. Кивнув в сторону счастливых молодоженов, Заур сказал:

– Ты хоть знаешь, Дина, какая из тебя красивая невеста выйдет?

– Разве некрасивых замужество может сделать красивыми? – с лукавинкой ответила она.

– Это ты некрасивая?! Не говори так, вдруг услышит кто, поверит еще.

– Да ты шутник.

– А я и не шучу... Эх, был бы я поэтом, я бы в стихах поведал миру о твоей красоте!

– Да, хорошо, что ты не поэт. А был бы художником, тогда что?

– Я бы и тогда не растерялся.

– Это как?

– Нарисовал бы твой портрет золотыми красками на небе, чтобы все видели!

– Нет-нет, я против. Хочешь, чтобы меня сглазили?

– Я и об этом позаботился. Я бы амулет от сглаза рядышком пристроил.

Шутя и смеясь, они незаметно вышли к озеру.

– Ой, сколько народу! Словно нанесли их сюда корзинками да высыпали в кучу!

– Там скамейка под деревом, пошли сядем.

– Красота какая! Искупалась бы сейчас...

– Так в чем же дело?

– Ну да! – замотала она головой. – Разве приличная девушка станет купаться при всех?

– Вообще-то... сейчас многие не обращают внимания на такие вещи, – ответил он, чтобы не спорить.

– Красиво здесь, да? – повторила она. Набрав горсть камушков, стала бросать их в воду.

– Дина...

– Что?

– Я хочу сказать тебе...

– Говори.

– А ты не обидишься?

– Не знаю, смотря что ты собираешься сказать.

– Ну, обещай, что не обидишься.

– Ладно, обещаю.

– Честное слово?

– Честное, честное! – девушка нетерпеливо топнула ножкой и пристально посмотрела ему в глаза. Он смутился еще больше и покраснел. Но отступить было поздно.

– Дина... я... люблю тебя.

Теперь настал ее черед краснеть. Помолчав с минуту, Дина тихо сказала:

– Заур... не лучше ли нам остаться друзьями? – Не дожидаясь его ответа, она медленно пошла по заманившей их сюда тропе. Юноша медленно двинулся вслед за ней.

Подобные слова Дина слышала не впервые. Напротив, она успела привыкнуть к признаниям и даже усомниться в их искренности. И у нее выработалось свое отношение к ним: «Почему это парни хотят убедить нас с помощью сухих слов? Пусть делами доказывают свои чувства! Да и вообще, истинная любовь не нуждается в словах!». Дине самой нравилась ее убежденность, и она не собиралась от нее отказываться. Потому, на-

верно, она до сих пор серьезно не встречалась ни с кем. Ну не встретился ей тот, единственный человек. И вот теперь появился Заур, способный, как ей казалось, согреть ее сердце. Он и вправду необычный, другой, непохожий на всех. Только она все еще боится довериться своему чувству. Да и не знает она еще, что ворочающееся на самом доньшке девичьего сердца беспокойство есть не что иное, как любовь...

Она не оглядывается, он идет следом, не пытаясь ее догнать. Так дошли до автобусной остановки. Она остановилась. Приблизившись к ней, он, все так же не поднимая глаз, спросил:

– Тебе больше нравится... так, как ты сказала?

– Да, – тихо проронила она.

– А если я так не хочу? – осмелев, он прямо взглянул ей в лицо.

– А если у меня парень есть? – вдруг выпалила она. – До свидания! Не дожидаясь ответа юноши, села в подъехавшую маршрутку.

Скоро она была у своего дома. Набрала код, массивные ворота разъехались, открыв вид на огромный двор, совершенно пустой, если не считать двух охранников, выложенный мраморной мозаикой и украшенный аккуратными газонами и клумбами. Трехэтажный дом казался безлюдным. Дина вошла в холл. Дома был отец. Заметив, что он задремал, она тихо выключила домашний кинотеатр и поднялась к себе по просторной винтовой лестнице с ажурными перилами. Дом напоминает дворец времен древнегреческих властителей. Что ж, имеющий деньги живет на широкую ногу, неимущий тоже живет, но по-своему, едва сводя концы с концами. Таких особняков немало появилось в наше время в маленьком Нальчике, да и в пригородных селах. Зарабатывалось бы такое состояние честным трудом – ради бога, но только невозможно это. С пресловутой «перестройкой» настало время хапуг. Мажид, отец Дины, был одним из тех, кто вовремя попал в струю, сумел открыть водочный цех и разбогател.

Такова жизнь. Кто идет на сделки с совестью и обрастает жиром, кто идет к заветной цели хоть и прямым путем, но очень долгим, и в конце концов все же достигает ее. Да, жить на свете сложно – и в то же время просто!..

На скамейке во дворе девятиэтажки виднеется темный силуэт. Его слабо освещает молодой месяц, напоминающий ломтик дыни. После палящего дневного зноя с наслаждением подставляешь лицо прохладному ветерку. Недвижно простоявшие под палящим солнцем деревья ожили вдруг, зашуршали листвой, напоминая, что жизнь только начинается. В такие вечера не хочется заходить в дом.

– Ох-х-х, – раздается со скамейки долгий, тяжелый вздох, никак не вписывающийся в этот сияющий вечер. Что с человеком? Может, жизнь ему опостылела, и сейчас взвешивает он на весах целесообразности свое прошлое и будущее? А может, его обидел кто? Удивительно, сколько людей на этой земле – столько и мыслей, столько и оценок жизни... А что, собственно, удивительного? Ведь не бывает же двух людей, даже внешне похожих, почему же мы ищем у них похожие мысли? А этот

парень на скамейке – может, он всего лишь пришел на свидание и ждет свою девушку?

Неспешно подошел пожилой мужчина, устало опустил на скамейку. Вытащил пачку сигарет, протянул случайному соседу. Тот мотнул головой.

– Не куришь? И правильно... Как зовут тебя, парень?

– Заур.

– Заур. За-ур, – по слогам повторил незнакомец. – А меня Османалий, можно просто Олий.

Парень промолчал, но на рукопожатие ответил. Крепкая рука! Заур поднял голову и всмотрелся. Незнакомцу на вид за шестьдесят, широкие плечи выдают в нем человека недюжинной силы, по крайней мере в прошлом.

– Из какого села? – снова спросил мужчина.

Заур замялся, потом соврал:

– Из Баксана.

– Вот, хотел спросить тебя кое о чем.

– Спрашивайте.

– Отчего такой смурной?

– Мало ли, жизнь жестокая штука.

– Негоже так говорить молодому человеку. Вот молодежь, вы не понимаете своего счастья! Эх, мне бы в ваше время жить!

– Вы тоже были молоды, отчего же так не жалуете свое время?

– Знаешь, молодой человек, это всегда так – чем старше человек, тем чаще оценивает он прожитую жизнь, где не так сделал, не так ступил. Если было что хорошее – хочется помнить об этом, а что-то и вернуть назад. Было что-то плохое – коришь себя: ах, если бы можно было повернуть вспять и все исправить. Но о прошлом тужить – все равно что после дождя бурку надевать, сам знаешь. Но главное-то не в этом. В детстве, в юности нам все в радость, потому и пролетают молодые годы быстро, как и все хорошее в жизни.

Заур оставался безучастным. Он вполуха слушал философствования незнакомца, а сам все думал о своей любви – неужели у них ничего не выйдет?

– Да ты расскажи мне, если у тебя беда какая, глядишь полегчает. Может, помочь чем смогу.

– Нет, не беспокойтесь, все нормально.

– Ну, как знаешь. Ты ко мне заходи иногда, я тут рядом в школе сторожем работаю. Скучно одному.

– Загляну как-нибудь.

– Заглядывай. Будь здоров, парень.

– И вам спокойной ночи.

Заур остался один. Заходить в дом неохота. Все мысли о Дине. Неужели все девушки такие жестокие? Зачем же она встречалась с ним, подавала надежду, если сердцем была холоднее льда? Ему этого не понять. Забыть о ней сил нет. Но разве можно согреть камень в объятиях...

Что ж, придется ему пережить и это, в конце концов это не первая, и,

видно, не последняя драма в его жизни... Да, легко сказать «пережить». С неохотой поднявшись со скамьи, он побрел в общежитие. Прошел мимо вахты, нажал кнопку лифта. Опять не работает! Хоть бы неделю кряду работал, все электричество экономят!

Ворча, поднялся на шестой этаж. Комната зияла пустотой. Лечь и попытаться заснуть. Да куда там, не идет сон, и все. Закрыть глаза и гнать прочь мрачные мысли!.. Зуммер телефона заставил его вздрогнуть: время за полночь, с чего бы это? На табло высветилось имя друга: «Резуан».

– Ты чего среди ночи? Откуда ты?

– Привет. Спускайся – увидишь. Мы тут на улице.

– Вернулся! Тебя что, не пускают?

– Да нет, все нормально.

– Тогда поднимайся.

– Я не один, понимаешь?

– Ладно, я сейчас.

– Пошустрее.

Заур подскочил, накинул одежду и бегом спустился по лестнице. Ожидавший на крыльце друг порывисто обнял его:

– Ну, здорово, брат!

– А на что тебе брат, засел в своем Тереке и про всех забыл. Или тебя ваши терские девчонки не отпускали, а? Если что, я и Асе могу настучать в лучшем виде!

– Мы, парень, не городские, как вы, в селе работы хоть завались.

Сена на целый год накопили. Ох, и надоело же мне это сено, гляди, все ладони стер. Я-то думал, уеду в город – отдохну от сельских забот. Как бы не так!

– Ладно, хватит ныть, ты лучше познакомь меня с этим парнем.

– Этот парнище – Тимур, он мой двоюродный брат. Из Чегема.

– Очень рад. Заур Шаков.

– Вы тут постоите, я скоро, – заторопился Резуан.

– Шаковы и в Чегеме есть, ты не из наших?

– Н-нет, не чегемский.

– Неподалеку от нас живет Шаков Хизир, не слыхал?

– Нет, не припоминаю... – У Заура пересохло во рту. – А может, и слыхал. Расскажи про него.

– Да живет через улицу от нас. Он у нас в школе ОБЖ преподавал. Добряк, только вот выпивает.

– Так сильно пьет?

– В школе, бывало, завалится в класс, самого ноги не держат, языком еле ворочает. А теперь и вовсе под забором валяется.

– И на работе его терпят?

– Да выгоняют, потом передышку сделает чуть – и снова берут, жалко ведь человека.

– И семья у него?

– Да, два сына и дочка, она недавно замуж вышла... А что так спрашиваешь, знаешь, что ли?

– Нет, вряд ли...

«Неужели он, – подумал Заур. – Хотя вряд ли. Мало ли Хизиров на свете...»

– Ну что, приглашай гостей! – весело сказал Резуан, вернувшийся с полной сумкой.

– Я-то думал, ты тут свой, – пошутил Тимур.

– Нам главное тебя как-нибудь провести через вахту, – не обращая внимания на прикол, продолжал Резуан. – Кто дежурит?

– Горбатая, – сообщил Заур.

– Плохи дела. Самая вредная. Что делать будем?

– Иди ты, попробуй, скажи, только что приехал, мол, с братом. Может, сжалится. К тебе она вроде лучше относится.

– Попробую, – вздохнул Резуан. – Молитесь за меня.

Он скрылся за старой массивной дверью. Но вскоре появился с видом неудачника.

– Разве с этой ведьмой договоришься? Я и просил, и деньги предлагал, и бутылку.

– Есть выход! – обрадовался Заур. – Помнишь окно на первом этаже, в конце коридора? Там решетки нет.

– Зато он закрыто всегда.

– Нет же, все лето нараспашку. Идите туда.

Парни залезли в окно, стараясь не шуметь, и на цыпочках направились к лестнице, а Заур преспокойно зашел через дверь...

– Уф, слава богу, наконец-то дома, – облегченно выдохнул Резуан. – Два месяца не был в этой комнате.

– Только не говори, что скучал, – пошутил Заур.

– Я бы посмотрел, как ты не заскучал, если б все лето косою махал в поле, – огрызнулся Резуан. – Тима, чего стоишь, выгружай все из пакета, ставь на стол.

Накрыли стол на скорую руку, наполнили пивом стаканы до краев. Не особенно охочий до спиртного Заур сегодня отказываться не стал. Может, и вправду можно тоску утопить в стакане? Вот уже третья большая бутылка на исходе, парни слегка захмелели, и все проблемы им кажутся ничем.

– Ну ты сегодня в ударе, – удивился Резуан. – Прямо не узнаю тебя. Все пиво вылакал!

– От вас не хочу отстать, – улыбнулся и вправду повеселевший Заур.

– Ребята, давайте спать, – взмолился Тимур, – три часа уже.

– Ладно тебе, не каждый день так встречаемся, – хлопнул его по плечу Резуан. – Тебе что, сон важнее друзей?

– Давайте и вправду отдохнем, – поддержал Тимура Заур. – Завтра не поднимемся ведь.

– Ладно, ваша взяла, – сдался Резуан, который и сам устал. – Постелим Тиме на кровати Харуна. Кстати, как он, не появлялся?

– Звонил пару раз. На море собирался вроде, может, и сейчас там. Во всяком случае, по телефону недоступен.

Наконец легли, и через минуту комната наполнилась храпом Резуана.

Заснул и Тимур. И Заур снова остался один. Он думал о незнакомом однофамильце. Может, это и есть отец? А если и так, что он, Заур, должен делать? Искать с ним встречи? А нужно это ему?..

Позднее время и выпитое взяли свое, и Заур забылся беспокойным сном.

Проснувшись утром, он обнаружил, что друг уже на ногах. Гость еще спал. Резуан всегда вставал раньше всех. Веселый, рослый, с лучистыми серыми глазами на смуглом лице, он пользовался большим успехом у девушек, да и сам, по правде, не упускал случая поймать зазевавшуюся рыбку на свою удочку. Конечно, любил он Асю, а вот хранить ей верность у него не всегда получалось – по причине молодости и бесконечного обаяния.

– Доброе утро, ранние пташки! – громко продекламировал он.

– Чего расшумелся?

– Да вот, говорю, не спится вам совсем, чуть свет на ногах.

– Оставь свои шуточки, вспомни, когда легли.

Заур встал, пошел умыться. Когда он вернулся, Резуан встретил его вопросом:

– Как у тебя с Диной?

– Никак. Она меня отшила.

– То есть? Расскажи.

– Нечего рассказывать. Сказала, у нее другой есть.

– И ты, конечно, поверил и тихо отошел в сторонку, – с издевкой продолжил Резуан.

– А что мне оставалось делать?

– Что делать! Во-первых, если верить Асе, Дина сама к тебе равнодушна. Значит, дело в тебе. Вот скажи, ты признался ей в своих чувствах?

– Да, конечно.

– И как?

– Известно, как, сказал, что люблю ее.

– Вот так сразу и сказал.

– А как еще? – Заур начал сердиться.

– Постой, не кипятись. Во-первых, ты поторопился, нельзя было вот так сразу все ей вываливать. Думаешь, она тебе так сразу взяла и ответила взаимностью, или призналась тебе? Нет, брат, с девушками все не так просто. Сухими словами...

– Это не сухие слова!

– погоди, дай сказать. Тебе бы пофилософствовать сначала на темы взаимоотношений между людьми, о твоих взглядах на жизнь, ну, одним словом, попытаться ее заинтересовать, покорить ее сердце. А знаки внимания? Уверен, что ты не догадался хотя бы цветочек подарить ей, или там конфет каких-нибудь. Девушки это ценят!

– И что мне теперь делать? – с надеждой спросил Заур.

– Что делать? Ты все испортил, – ответил Резуан, и Заур грустно опустил голову. – Ладно, не падай духом. Сегодня же встретишься с ней, так, мол, и так, прости, если чем обидел, не хочу тебя потерять, и далее в том же духе, понял? Помиришься, а там видно будет.

- Думаешь, она захочет со мной встретиться?
- Куда денется! На крайняк у нас есть Ася, она что-нибудь приду-
мает.
- Что бы я без тебя, пройдохи, делал?
- Без меня ты мог бы остаться без Дины, только и всего. Но, пока я
жив, ты ее не упустишь.
- Все, хватит об этом.
- Хватит, так хватит. Надо этого соню разбудить, ему в село ехать.
А я не поеду сегодня, мы с тобой должны с нашими возлюбленными
встретиться.

На широком балконе третьего этажа Дина поливает цветы. Их сме-
шанный аромат она чувствует всеми своими порами, она часто нюхает
их, вбирая в себя запах до глубины души. Может, потому она так взвол-
нована, может, красота цветов переполняет ее счастьем? Или виновато
новое пленительное чувство?.. Почему он выбрал именно ее? Столько
девушек кругом. Но именно ей он сказал эти слова. А она... она, наверно,
обидела его, он даже не перезвонил с тех пор. Но не могла же она сразу
ответить согласием.

- Дина, к тебе подруга, – услышала она голос матери.
- А, это Ася, наверно. Пусть поднимется сюда, мама.
Ася появилась на балконе неслышно и обняла подругу:
- Приветик. Ты что тут одна скучаешь?
- Разве я одна? Со мной бог и эти чудные создания, – ответила Дина,
продолжая любоваться цветами.
- Пошли лучше погуляем.
- Настроения нет. Давай лучше дома посидим.
- Да ну, дома! – возмутилась Ася. – В такой вечер сидеть дома пре-
ступно.

Они медленно прогуливались по скверу, потом присели на скамейку.
И как бы совсем случайно на аллее появился Резуан.

- Смотрите-ка, кто тут! – обрадовался он. – Не помешаю? Нет, если вы
тут парней каких-то ждете, так и скажите, мешать не буду.
- Ладно тебе, никого мы не ждем, – сказала Дина. – Присаживайся.
Он подсел к Асе, потом, словно вспомнив что-то, вскочил:
- А чего мы тут сидим? Тут кафе недалеко, пойдете!
- Дина замаялась. Ася крепко взяла ее под руку.
- Пойдем, пойдём, нечего жалеть его карман.

Они свернули на улицу Ногмова. Навстречу шла группа парней, и
среди них «оказался» Заур.

- Салам алейкум, – поздоровался он с Резуаном, – и девушкам привет.
Куда направляетесь? Может, и меня с собой возьмете?
- Спроси сначала, куда мы идем, – ответил Резуан.
- А мне все равно, лишь бы с вами.
- Тогда присоединяйся, мы направляемся в кафе кинотеатра «Фо-
рум».

Сидя рядом с Диной, Заур бросал на нее мимолетные взгляды, но старался не быть навязчивым. В какой-то момент он встал и вышел, вскоре вернулся с четырьмя билетами на руках.

– Что это? – удивились спутники.

– Сейчас фильм начинается. Пойдем?

– Но уже поздно, – запротестовала Дина. – Домой пора.

– Не часто мы выбираемся, – сказала Ася. – Лично я «за». Ну чего ты боишься, эти молодцы не позволят нас украсть.

– Им-то я и не доверяю, – рассмеялась Дина. – Что помешает им самим нас украсть?

– Ну, знаешь ли, рано или поздно это должно случиться, так что они, думаю, украдут нас аккуратнее, не грубо так, верно я говорю?

– Боже сохрани, разве мы осмелимся вас тронуть, – поднял руки Резуан.

– Мы что, такие страшные? – Ася изобразила обиду.

– Дело не в этом, просто мы боимся, как бы вы сами нас не украли.

Так что, пока все целы, пошли в кино, опоздаем.

После сеанса они вышли вместе со спешащей толпой. Резуан с Асей шли впереди, держась за руки. Заур с завистью посмотрел им вслед. Они с Диной шли молча. Наконец он решился нарушить молчание:

– Дина, я обидел тебя тогда? Прости меня.

– Ничего обидного ты не сказал, – тихо ответила девушка.

– Чтоб доставил девушку в целости и сохранности, – через плечо приказал Резуан. – А я свою дражайшую провожу.

– Будет сделано, – ответил Заур.

Дина подумала с досадой, что Ася не должна была бросать ее, могла бы хоть попрощаться. Однако промолчала.

Время позднее, автобус или маршрутку ждать – не дождешься, да и такси не видно. Оно и к лучшему, можно пройти пешком. Заур был рад, что до улицы Советской не так уж и близко, он успеет поговорить с ней.

– Посмотри, – сказал он, – возле Млечного пути, чуть в сторонке, есть звездочка. Видишь?

– Вижу, – отозвалась она.

– Я часто наблюдаю за ней. Она кажется мне грустной. А все потому, что она одна, она сторонится других, она заняла место выше других. Если бы рядом с ней были и другие звезды, ей было бы гораздо легче и веселее жить. Ты не находишь?

– Возможно.

– Да нет, не возможно, а точно. Ведь и у людей так же. Самый сильный человек в одиночестве может зачахнуть.

– Почему ты так думаешь?

– Я бы сказал тебе, но ты не поймешь. Трудно понять то, что тебе не нужно.

– Нет, – она слегка кивнула, – скажи, я все пойму!

– Знаешь, можно весь мир иметь в друзьях, но если нет любви – ты все равно один. Я не хочу быть тебе другом, я не могу. Не могу себя об-

манывать. И тебя тоже. И в то же время не хочу терять тебя. Прошу тебя, будь моей луной, моим солнцем на земле!

Они остановились. Зыбкий свет уличного фонаря освещал безмолвные фигуры молодых людей.

– Заур, я... я тоже... не хочу, чтобы мы расстались... – она слегка кивнула, ощутив жар в груди.

– Тогда... будь спутницей моей жизни. И никто не сможет нас разлучить.

– Я не знаю, Заур...

– Мое сердце переполняет любовь. Это не пустые слова, поверь. Как много я носил в себе, боясь высказать, а сегодняшний день будет вписан в историю моей жизни золотыми буквами.

Сам того не ожидая, он взял девушку за руку. Она вздрогнула от неожиданности, но руку не отняла. Так и продолжали они идти, рука в руке. Какая теплая, мягкая, думает Заур. Он ощущает биение ее пульса, его сердце настраивается на это трепетное биение, и вот теперь у них одно сердце на двоих, пока у них соединены руки, но когда это закончится – закончится и жизнь... Неужели судьба сможет разъединить это единое живое существо...

– Как я люблю такие лунные ночи, – заговорила Дина, – посмотри, эту луну словно повесили на своде неба вместо большой лампы, чтобы освещать дорогу в ночи.

– Знаешь, что ты мне напомнила, я прочитал недавно, что наши предки, выселенные с родной земли, общались с соотечественниками с помощью луны.

– Как это?

– Например, разлученные влюбленные давали друг другу слово: я буду смотреть на луну и видеть тебя, а ты будешь видеть меня, и будем переговариваться. Так они хранили любовь.

– Много пережили адыги... Не могу без слез читать Баграта Шинкубу, помнишь, как он описал переселение убыхов? Страшно представить эту картину: ожидание у моря, голод, чума... А герой романа, дед Зауркан, последний носитель языка – это же какой кошмар, когда никто больше, даже твои дети, не понимают твоего языка!

– Да, нашему народу пришлось и это пережить.

– Как ты думаешь, признают когда-нибудь, что российская империя совершила настоящий геноцид по отношению к адыгским народам? Мы и сами порой не осознаем этого, да и в истории об этом не пишут. Поражаюсь, как сумел наш народ выжить и сохраниться, после всего, что с ним случилось?!

– Знаешь, о чем надо тревожиться сейчас? Раньше война уносила людей, а теперь мы сами себя губим – водкой, табаком, наркотиками и прочими ядами. А что мы делаем с нашим языком? Да мы стесняемся говорить на нем, теряем с каждым днем. Теряем обычаи, этикет, которыми славились на весь мир. Лично я считаю, что мы на краю пропасти.

В сумочке у девушки зазвонил телефон.

– Да, мама. Я скоро, уже иду.

– Волнуется, наверно.

– Конечно, это же мама.

– Помнишь поговорку: пусть не случится со мной то, о чем думает мать, а сбудется то, о чем говорит жена? Мать о хорошем не думает: вдруг что случилось с сыном, вдруг его убили, вдруг утонул, и все в таком роде. А жена? Она думает: гуляет где-нибудь, вернется, ничего с ним не случится... Ты прости меня, я тебя заговорил сегодня.

– Нет, что ты, мне было очень интересно. И откуда ты все знаешь?

– Жизнь чему хочешь научит, Дина, только смотри вокруг внимательнее... Это все ладно, главное – сможем мы завтра встретиться?

– Не знаю даже... До начала занятий всего четыре дня, я и приготовиться не успела, хотела завтра по магазинам походить.

– Тогда ближе к вечеру?

– Посмотрим...

Наступило молчание. Понимали ли двое, что только от них зависит, разгорится ли вспыхнувшая любовь в полную силу, или потухнет, как искра без воздуха? Ликующая от счастья душа юноши витает в облаках, и сейчас ему свято верится в вечную любовь, которой не страшны преграды. И кто бы смог его сейчас убедить, что бывают на свете люди счастливее него? Еще бы, ведь с ним рядом самая красивая девушка в мире. Забыто все – и горькое детство, одинокое отрочество, есть только здесь и сейчас. Он жизнь готов отдать, только бы не упустить свое счастье. Он все еще держит ее руку, и бьется в них одно сердце на двоих. Он исподтишка наблюдает за ней. Ее лицо в лунном свете еще прекраснее, глаза ее сияют – то ли отражая луну, то ли от счастья. Она тоже бросает на него быстрые взгляды. Да, он очень симпатичен, высок, строен, смуглое лицо с глубоко посаженными серыми глазами выдают человека серьезного и много думающего. Правда, молчалив слишком, разве что разговорится немного, вот как сегодня.

– Пришли. Вот мой дом.

Слегка ошалевшими глазами он рассматривал дом Дины.

– Я... и не знал, что вы... так живете.

– Как – так? И какое это имеет значение?

– Да нет, я просто так, к слову... Значит, я жду тебя завтра в шесть у медколледжа?

– Договорились. Пока!

– Пока! Доброй ночи.

Он провожал ее взглядом, пока она не скрылась за разъехавшимися воротами. Потом неторопливо пошел своей дорогой. Закончилась улица Советская, он машинально свернул на Чернышевского. Днем здесь не проехать, не пройти, до того напряженное движение, а в такой поздний час улица непривычно пуста, лишь редкие машины проскочат или случайный пешеход пройдет стороной. Вот и «пяточок», целыми днями кишачий студенчеством. Это целый город молодежи. Но сейчас Зауру встретился лишь бедный забулдыга, подваливший шатающейся походкой:

– Брат, мне тут... на транспорт не хватает... не выручишь, брат?

Знает Заур, что на бутылку собирает попрошайка, а отказать не может. Тот переходит на радостный визг:

– Вот так выручил, брат, дай бог здоровья!

«Еще одна пропащая душа, – с горечью думает Заур. – Какую беду заливает он вином, кто знает. И сколько таких же в городе, под каждым забором».

Возле общежития его окликнули по имени. Он увидел в темноте человека, но не признал.

– Заур, – повторил голос, – это ты, или я обознался?

– Нет, не обознался. А вы кто?

– Я Олий, не узнал?

– А, теперь вижу, – он узнал своего недавнего случайного собеседника, сторожа из соседней школы. – А что вы здесь делаете в такой час?

– Внука жду, сейчас выйдет. Он поступил сюда в этом году, сейчас я покажу его тебе, так ты окажи услугу, присмотри за ним.

– Конечно. А на каком он факультете?

– На историческом.

– Наверно, хорошо в школе учился, раз такую специальность выбрал?

– Хорошо-то хорошо, а без денег теперь знания ничего не решают.

– Ну, зачем же так?

– Просто знаю, что родители потратили цену машины, чтоб его в университет пристроить. Это он, если даже закончит учебу, при нынешней-то зарплате вовек не отработает эти деньги.

Заур не знал, что ответить.

– Ну... не всегда же так будет, что-то же изменится.

– Как бы хуже не стало, а на лучшее я не надеюсь. Пока среди нас такие люди без стыда и совести, у которых лишь деньги на уме – на что надеяться?

Заур промолчал. Ему и самому приходилось платить за оценку. Бывало, всей группой собирали деньги и сдавали вместе с зачетками.

– Знаете... есть, конечно, единицы, в отаре не без хромой овцы, но есть и другие, честные преподаватели.

– Вот если бы взяточников сразу хватали – да в тюрьму, тогда бы задумывались, прежде чем руку тянуть.

– Да, вы правы. Только многих вынуждает брать сама жизнь – на их зарплату семью не прокормишь, вот и начинается, потом это входит в привычку... Что и говорить, все знают, что большинство поступает сюда за деньги. На вступительных в списках абитуриентов уже отмечено, кого следует проташить, а кого срезать.

– Вот потому и не поднимется никак наша страна, – подытожил старик.

– Такова жизнь, – поддакнул Заур, – но, к счастью, честных людей на свете намного больше.

Наконец подошел к ним внук Олия – совсем еще юнец, а хочет казаться мужчиной хоть куда, за таким глаз да глаз... Не наигрался еще.

Заур никак не мог отделаться от мыслей о родителях, которых никогда не знал. Какое это, должно быть, счастье, называть кого-то «папа», «мама». Никакая удача в жизни не скрасит горечь одиночества. «Но у меня есть Дина», – одергивает он сам себя. Только тещь себя – не тещь, а нет у него ни единой родной души за спиной. Чего бы он не отдал, чтобы узнать, что есть у него сестра или брат. Вспомнилась вдруг давнишняя сценка. Он с ребятами из интерната играл на улице. Возле ларька стояла молодая женщина с маленькой девочкой. «Мама, я хочу это, купи то», – хныкала девчонка, мать обещала, что купит в следующий раз, видно, денег не хватало, а та все хныкала. Наконец мать купила ей мороженое и утащила от ларька. Заур смотрел им вслед и думал: «Была бы у меня мама, я бы не приставал с просьбами, а сам накопил бы денег и купил ей что-нибудь». Учился он тогда классе в пятом или шестом...

В кругу друзей он забывал о своем положении. Но не проходило ночи, чтобы он не задумывался о своей сиротской доле. И чем старше становился, тем чаще и тяжелее он думал об этом. Бывало, он даже плакал по ночам, и слезы эти были то холодны от ненависти, то полны тепла и нежности к незнакомым родителям. Воспитатели у них были в основном добрые люди, хотя были среди них и жестокие. Память избирательна, она старается сохранить все хорошее и забыть все плохое. Но какие-то моменты навсегда врезаются в память. Никогда не забудет он, как двое маленьких детей – он и его друг – зашли в детдомовский буфет, подошли к стойке, и Заур взял из тарелки две булочки. Его поймала за руку повариха Зулима и давай лупить.

– Оставь его! – раздался вдруг голос медсестры, – зачем бьешь ребенка?

– Не защищай этого ублюдка! Он вор, – кричала Зулима.

– И что он такого у тебя украл?

– Вот, булки стащил!

– Он маленький ребенок, многого еще не понимает. Иди, малыш, подожди меня у двери.

Никогда бы не подумал Заур, что эта тетя в белом халате, которой он боялся больше всех – ведь она им уколы делала! – может оказаться такой доброй. Сколько она ему добрых слов сказала в тот день, он не забудет никогда в жизни.

Прошло больше месяца с начала занятий. Завтра начинаются рейтинги. А в субботу он едет в Чегем с Тимуром, упросил познакомить его... с тем самым. До субботы еще три дня, чем ближе этот день, тем больше он волнуется. Иной раз нет-нет да задумается: зачем ему это? Зачем искать того, кто выкинул его из своей жизни?.. Но ведь он столько лет ждал этого, не отказываться же теперь. Хоть в лицо ему взглянуть...

– О чем задумался? – отвлек его зашедший в комнату Резуан.

– О завтрашнем рейтинге, – соврал Заур.

– А что, до сих пор не начали?

– Нет, завтра первый.

– И что сдаешь?

– Античную.
– Греческую или римскую?
– По греческой у нас в прошлом семестре экзамен был, а теперь – римская.

– Ясно. Вергилий, Овидий, Гай Юлий Цезарь. Интересные ребята. Ну-ка, кто сказал «ars longa vita brevis»?

– Цицерон.

– Гляди-ка, знает. Одного не пойму, зачем вам, медикам, античная литература? Столько изучаем лишнего, никогда ведь не пригодится.

– Ошибаешься, лишнего на свете ничего нет. Человек должен знать все. Вот хоть слова Цицерона, что ты привел: «Жизнь коротка, искусство вечно». Что, медик имеет право отказаться от культуры? Мы должны помнить о наследии далеких предков, о той сокровищнице, которая дошла до нас. Не будет культуры, не будет языка – не будет и народа. И потом, не забывая, в арсенал доктора входит и слово.

– Ну, завелся, хватит, будь по-твоему.

– А у вас что было? – спросил Заур.

– Физкультура.

– Ну что, порядок?

– Знаешь, что сказал препод? Подзывает меня и говорит: «Соберешь с группы по двести рублей – всем поставлю сразу и рейтинги, и зачет».

– И что, другие согласились?

– Куда денутся. Сегодня уже часть сдали, завтра другие донесут. Но ничего, мы ему покажем.

– И что вы ему покажете?

– Мы с одним пацаном на пару деньги собираем. Так вот, в тот момент, когда я буду ему взятку давать, он его на телефон сфоткает.

– Ищи дураков! Он же увидит.

– Да что он в телефонах понимает, он старик.

– И кто он, тот, кто собирается жить вечно?

– Как кто? Хапова не помнишь?

– А-а, этот, пузатый.

– Во-во.

– Ну, поглядим, как у вас получится... У нас тоже была одна такая, Амина Хизировна Хамурзова, полная такая тетка, не помнишь?

– А почему была, ее что, уволили?

– Да, таких уволишь! Просто у нас она больше не ведет. Так вот, она ни за что без денег не ставила. Самое обидное – ты знаешь тему, а оценку получить не можешь! Что делать, ее методистка собирала вот так же зачетки с деньгами.

– Гнать бы таких в шею, а еще лучше – сажать!

– А ты знаешь, что многие радуются такой системе. Для тех, кто не учится, легче просто заплатить. А страдаем мы, простые, бедные, старательные студенты. Так-то!

– Э, ладно, нам все равно ничего не изменить...

Татьяна ПОДЫМАН

Жизнь вторгается в жизнь!
Смерти места здесь нет!
Пламень любви, зажгись,
Не удержи рассвет!

Жизнь ценней, чем любовь?
Что же любовь молчит?
И вытекает кровь!
И не спасут врачи!

Боль сильнее, чем боль,
Что не пришла еще!
Будет все так, доколь
Ты не укрыт плащом.

Тем любить не дано,
Кто не встречал рассвет,
Кто не испил вино
Иль не оставил след!

Плащ роковой души,
Ты не гаси закат.
Счастьем меня души –
Не отводи свой взгляд!

Как я понять хочу,
Что не дано понять!
Кажется – по плечу
Звуков нестройных рать!

Душу из ста узнай!
Ценность души есть что?
И разыщи тот рай.
Что ж все пока не то?..

Звуков анклав звучит!
Сердце замри и пой!
Но подбери ключи
Только к душе одной!

Заштопать наскоро судьбу?
А может, утопить во рву?
Дать жить и воздуха глоток?
Позволить сделать первый вдох?

В край тех надежд, где даль чиста.
Ну, почему одна из ста
Плутает зыбкою тропой
И не найдет свой водопой?

Ее израненная грудь
Стон издала: «Прости-забудь!»
Простить страдания Христа?
Но почему одна из ста,

Я в руки нитку – и зачем
Судьбу лагаю из проблем,
Из света, солнца и дождя?..
И где-то в ней ищу тебя:

Из ста дорог наперекор
Мне расстелила свой шатер?
Она смеялась мне в лицо
И не пустила на крыльцо,

Ищу с пороками и без...
Вдруг расступился темный лес,
Меня в объятия свои
Позвал – меня ты позови!

Зови, чтоб было на разрыв!
Зови под шум плачущих ив!
Под гул воды и солнца зной!
И всем смертям наперебой!

Как ты меня не разглядел,
Не рассмотрел мою ты душу?
И твой непознанный предел
Уже ничем я не нарушу.

Смогла я вторгнуться туда,
Где голос пел другие песни...
Где не любовь живет – беда,
И где дурные бродят вести!

И небо желчно на меня –
Дождь острых стрел огнем небесным! –
Тебя любя, меня любя,
Уничтожало бессловесно...

Мою измученную грудь
Оно поило чем-то новым...
И я молю себя: «Забудь!»
Но душу жжет мне лист кленовый!

Осенний след живет во мне,
И лето горечью безмерной
Не утопает в тишине,
А ранит так проникновенно!

Растаять капелькой росы,
Что летнего боится жара...
А сердце гулко, как часы
Напомнит мне: «С тобой мы – пара».

Карнавал

Это новый виток.
Это жизнь или сон?
Карнавала каток
В плену погружен.

Океан так велик!
Всплеск – и в лодке пробой...
Чей-то праведный лик
В мир вошел неземной.

Но не лица видны,
Только маски одни.
Тонут в море вины
Ускользнувшие дни...

Для чего жизнь ему?
Потерялся он там
И, ступив на корму,
Что-то шепчет ветрам...

А каток кружит все...
Это сон или жизнь?
Пеленой окружен
Карнавал дешевизн...

Кто я? Земная просто женщина.
Устала вмиг от бурь и гроз,
Но в церкви я с тобой не венчана.
Очисти мне душу от заноз!

Зачем пою я стансы громкие?
Да что б излить мне душу всю.
Идти не хочется задворками.
Я в полный рост любовь пою!

Сердца и души наши разные,
Не все дано предугадать,
Что тело поразит прокажою,
Ну, а с души чего ж нам взять?

От всех болезней мы излечимся,
И только раны на душе...
Напрасно в этой жизни мечемся,
Ведь время отдохнуть уже...

Земная я, тобой любимая,
И повенчает нас рассвет.
И лишь душа моя ранимая,
Как прежде, излучает свет.

На горизонте вспыхнет радуга!
Взорвется песней сонный лес:
«Ты в этой жизни все же радуйся
И поднимайся до небес!»

Фатима МАХОТЛОВА

ХРОНИКИ АМАЗОНОК

*Глава из повести **

– Как невыносимо это пение птиц! Уши бы свои отрезать и кинуть собакам! – негодовала Кира.

Амазонка никак не могла сосредоточиться, все отвлекало ее от охоты. Так и придется уходить с пустыми желудками. Даже Селена не могла отыскать себе ничего съестного.

– Ничего не поймаешь, отдам тебе пленника, – обнадежила своего барса Кира. Амазонка и сама не знала, пошутила она или нет. К тому же Кира не была уверена, питается ли Селена человечинной.

Нет, охотиться было невозможно, природа была слишком возбуждена, и не могла понять, что Кире и ее верной боевой подруге нужно поесть. Шум, звуки природы распугали всю живность.

– На этот раз мы здесь лишние. Пошли, солнце.

И они направились обратно, только не в сам лагерь, а чуть левее – там было легче подойти к реке. Все вещи были при ней, и возвращаться ей на поляну не было смысла.

Амазонки верили, что вода смывает как телесную, так и душевную грязь, помогает забыть, хотя бы на время, все тяжкие мысли. Даже я не возьмусь описывать то, что сейчас чувствует Кира. Нужно в чем-то очень сильно провиниться, чтобы получить такое наказание. Может, она что-то неправильно думала, как-то не так поступила? А может, все, во что она верила, и все, к чему так упрямо стремилась, – ложь. С такими «тяжелыми» мыслями она приближалась к реке. А Селена ступала за ней с предельной осторожностью, чтобы не спугнуть мысли хозяйки.

Спустя четверть часа они достигли берега реки. Уже темнело, становилось холодно. При виде холодного потока страстное желание купаться быстро испарилось. Да и одежда не высохнет. У нее была и другая одежда, но об этом она упрямо решила не вспоминать.

Киру привлек всплеск воды, она посмотрела в реку – и чуть язык не проглотила. Животное из семейства кошачьих решило искупаться по собственной воле! Да, чудеса творятся здесь...

Кира с криком бросилась в холодную воду. Что за удовольствие! Холодная, чистая вода приняла Киру в свои объятия. В тот же миг она забыла обо всех заботах, и как ребенок резвилась вместе с Селеной.

Они ни о чем не подозревали, и вряд ли заметили, что все это время за ними наблюдали чьи-то настроенные глаза, полные черной тоски.

Да, хороший выдался вечерок! Впервые за это время Кира улыб-

* Продолжение (см. № 6, 2009)

нулась. Во время купания они забыли о голоде, но как только вышли из воды, урчащий живот напомнил о себе.

– Охота не удалась, и взять не у кого, – с сожалением сказала Кира.

Селена тихо заурчала и потерлась головой о ногу хозяйки. Кира уже перестала удивляться, тому, что любимица понимает все, что она говорит. Как будто они разговаривают на одном языке.

Лицо Киры обдал прохладный ветерок. Стало еще холоднее. А может быть, это мокрая одежда заставляла острее почувствовать холод. Внезапно Селена остановилась, встала как вкопанная и прислушалась. Затем вздернула хвост и убежала.

– Стой! – опомнившись, закричала Кира.

Девушка не на шутку испугалась. Селена ведет себя так только в крайних случаях. Кира крепко ухватилась за копые и побежала в том же направлении, что и она. Амазонка никак не могла найти этого непредсказуемого барса. Она кричала во весь голос, что крайне неосмотрительно с ее стороны, но никак не могла отыскать Селену.

Кира остановилась – усталость не такое чувство, которое легко можно выкинуть из головы. Она присела на камень, который щедро оброс мхом, и огляделась: высокие деревья, колючая трава, камни – большие и скользкие, как улитки. Ничего особенного, ничего такого, что могло бы напугать. Что же тогда произошло!?

Она, не зная, что еще можно сделать, стала вглядываться вперед, в заросли... несколько раз ей померещилось мерцание. Она закрывала глаза и открывала, но никак не могла убедиться в том, что увидела огонь или что-то похожее. Хотелось утолить любопытство. И она направилась через дикие растения к огню...

– Возьми меня с собой! Я один среди тысяч красавиц, – уже в сотый раз Виссарион умолял взять его с собой в одну из крепостей амазонок. Этими назойливыми просьбами он пытался развеселить Младу. В обычной жизни он серьезный человек, только вот девочку ну очень рассмешить хочется. Млада чуть не свалилась с барса.

«Бедный мальчик! Представляю, что бы с ним сделали тысячи одиноких женщин!»

– Милая моя, – обратилась к ней гоблина.

Млада сморщилась, ее коробило словосочетание «милая моя».

– Я могу вас попросить называть меня Мла...

– Тшшш... – перебила ее гоблина. – Не называй своего имени! Не стоит этого делать, не нужно беспокоить лес, поверь мне.

Руфь говорила шепотом и все время сильно сутулилась и морщилась. Это вызывало неприятные ощущения, как будто ей что-то противно. Но, помимо этого, поведение гоблины напоминало ей повадки ручных хорьков, которых они содержали в конюшне: когда те выходят из клетки – так же озираются и прижимаются к земле.

Странное поведение гоблины не оставляло Младу в покое. У нее не

проходило опасливое ожидание подвоха. Присутствие же Виссариона, напротив, создавало ощущение надежности.

Их поход продолжался до самого вечера. Но чуть раньше им встретился дриад, которого почему-то звали Сотник. Сказать «встретился» – это ничего не сказать, точнее – он вывалился из-за кустов.

Это было уже к вечеру, группа из четырех существ (не осмелюсь назвать гоблина человеком) направлялась через «Перевал грешников» к закрытому городу. Внезапно из-за единственного куста вывалился дриад. А за кустом послышался развязный смех остальных.

– Ах вы, поганцы! Что творите, пост же, а не забегаловка! – крикнул им обиженный дриад, тряся кулаком.

А те заржали еще громче. Млада и ее спутники стояли и не знали, что делать. Да и Руфь узнала об этой засаде, видимо, только сейчас. Она не знала, можно было бы просто пройти или нужно доложиться.

– Руфь, а кто это?

– Не знаю, милая моя. Но если судить по одежде, то это царский воин, я точно не вижу, но если на его одежде вышивка бордового цвета – то это обычный охранник.

Млада всмотрелась в одежду:

– Кажется, это серебряная вышивка...

Гоблина ахнула. Решительней всех оказался Виссарион, именно он обратился к солдатам:

– По какому праву вы здесь? – как приближенный к самой Царице, он мог позволить себе подобный тон.

Дриад быстро повернулся в их сторону. Все веселье мгновенно стерлось с его лица, украшенного шрамами, самый значимый тянулся от глаза до подбородка. Скорчив воинственную гримасу, Дриад обратился к путникам:

– У меня к вам только два вопроса: кто вы и куда направляетесь? И вообще, что вас привело к утесу грешников?

Виссарион показал три пальца и с усмешкой пояснил:

– Это три вопроса. Правильно ли я понял, что на третий необязательно отвечать?

Дриад смерил его испепеляющим взглядом. А за кустом послышалась возня, и на помощь первому явились еще два воина.

– Сотник, у тебя проблемы? – спросил тот, что был справа.

– Так что, вы ответите на заданные вам вопросы? – в голосе Сотника послышалась угроза.

Виссарион вскинул брови, когда услышал имя дриада.

– Предводитель сотни? – спросил молодой человек.

– Чужак! Здесь нужно отвечать на мои вопросы, – сказал Сотник и надвинулся на длинноволосого молодого человека.

Слова дриада явно затронули Виссариона, он схватился за оружие, но мать вовремя его остановила, положив свою руку на его меч.

– Я – Руфильда, бронзовая гоблина, десятая из десяти гоблин на служении у Священной Девы.

Бровь дриада удивленно поползла вверх, кажется, он только сейчас увидел ее.

– Протяните вашу руку, пожалуйста.

Млада посмеялась над дриадом, изменившимся в лице. Стражник взял левую руку Руфильды и поднял рукав.

Дриад Сотник откашлялся.

– Прошу прощения. Вы можете пройти. Вот только девочку мы не пропустим, тем более с этим, – он дернул подбородком в сторону Ахилла.

Млада медленно слезла с барса, готовая защищать своего любимца.

– Тшшш... успокойся милая, без тебя решим.

Руфь порылась в карманах своего балахона и вынула оттуда свиток, скрепленный печатью. И протянула его дриаду.

– До чего же пронизательна наша Дева! – радостно сказала гоблина.

Дриад удивился еще больше, как будто сегодня день сюрпризов. Он внимательно изучил свиток и поднял на Младу свои оценивающие глаза. Затем поклонился ей так, что его серые волосы достали до земли.

– Извините меня. Прошу вас пройти.

Млада искоса взглянула на дриада, не понимая, что заставило его извиниться. Воины снова засели за кустом, однако Руфь тотчас подозвала одного из них.

– Мне нужно кое-что узнать, – тихо сказала она. И сразу же, не дожидаясь ответа, продолжила: – Зачем здесь устроили засаду? На пустыре.

Дриад немного замаялся, как будто размышлял, стоит ли говорить.

– Да вы не бойтесь, все-таки я прислужница нашей царицы и умею хранить секреты, – поторопила его гоблина.

– Мы здесь поджидаем наследника Северных земель. Он представляет большую угрозу. Чем именно, не могу сказать, сами не знаем, – обиженно пробормотал он, как будто дулся на то, что посвящает свое драгоценное время неизвестно чему.

– Что могло его сюда привести? – озадаченно спросила Млада, имея в виду наследника.

– Не знаю, это всего лишь записи в Книге Смертных, – сказал воин.

Гоблина резко кашлянула, предупреждая, чтобы он не сболтнул лишнего, и торопливо попрощалась:

– До скорой встречи.

Она направилась к мосту, который ведет к утесу. А Млада и Висса-рион поплелись за ней, а что же им еще оставалось?

Кира бежала быстро, вытянутыми руками защищая лицо от веток. Ее не оставляли в покое мысли о потере любимицы. Селена – ее друг и воспоминание о беззаботной жизни, которой у нее больше не будет.

Кира почувствовала жгучую боль, она сначала не поняла, где именно, но через некоторое время схватилась за ногу, она вся была в крови...

Но все равно пыталась идти дальше... Ее мучила сильнейшая боль, ей казалось, что ее заживо бросили в костер.

– Это же всего лишь царапина, всего лишь царапина...

Она обхватила руками ствол небольшого дерева и, чувствуя непреодолимую слабость в мышцах, медленно скатилась на землю...

– Ешь красавица, ешь.

Он погладил макушку животного, чистого, но немного потрепанного и мокрого. Сам он уже давно поел и теперь наслаждался обретенной свободой.

Сейчас он чувствует себя хорошо, но за пять минут до этого он думал, что навсегда останется зайкой. Он никогда не забудет, как барс выпрыгнул из-за кустов, набросился на него, оттолкнул к дереву, а затем подскочил к мясу, которое он крутил на вертеле. Конан еле-еле забрал у барса свой ужин и оторвал ей приличный кусок. Теперь и она тоже наслаждалась жизнью. Но все-таки у нее почему-то нервно подрагивали уши. Не доев последнего куска, она с резкой неосторожностью дернула головой в сторону, откуда пришла, и зарычала. Но зарычала она как-то странно, со скулением. И так же внезапно исчезла, как и появилась. Конан, не задумываясь о том, что делает, побежал за ней. Пробежал он не мало, и в последний момент потерял барса из виду.

– Вот, демон! Так и знал, что нужно было оставаться на месте!

Конан присел отдохнуть и стал прислушиваться к голосу природы, к единственному, чему он доверял. Разве могут обманывать деревья, в которых живет дух?

Он погрузился в тишину, это безмолвие испугало бы любого новичка. Он слышал шепот ветра, шелест листьев. Все было одноцветным, отсвечивало сиреневым. Нечувствуемый, невидимый ветерок кружил листья в медленном танце, их пение трогало за душу, заставляя забыть обо всем и следовать за ними. Все это было настоящим лицом природы. А все, к чему мы привыкли: опавшие листья, осыпавшаяся кора, кривые корни, торчащие из почвы – это простая видимость. Душа природы – никогда не стареющая красота. Здесь любой получит помощь, просто нужно сделать все то же самое, что и Конан, – поверить в жизнь этих деревьев, под этой жесткой корой кроется настоящая жизнь, не такая бурная, как у людей, а одухотворяющая, успокаивающая. Заглянув в душу природы, любой сможет найти себя, и не только... Но это удастся не каждому. Человеку, когда-либо навредившему природе в силу циничных целей, природа никогда не позволит познать себя. Дорога сюда для него навсегда закрыта, во всех мирах... душа природы все помнит, у нее невозможно заслужить прощения...

Наконец Конану удалось получить ответ на свой вопрос. Листья закружились вокруг него, их шелест был беспокойным, намекал на опасность. Лань из бледно-рдеющих полупрозрачных листьев позволила себя оседлать и с невероятной скоростью понесла его меж деревьями. Конан

даже не попытался держаться, он знал, в этом мире ему ничего не грозит. Здесь смерть не властна. Ему оставалось только запомнить дорогу. Лань резко заворачивала, глаза не успевали сосредоточиться на одном предмете. Таков характер у природы! Когда в нее вмешивается инородный предмет, она не любит медлить, а делает все мгновенно, чтобы скорее исторгнуть из себя вмешательство. Последовал последний поворот, наконец, эта скоростная лань остановилась и внезапно испарилась из-под него. При приземлении ему показалось, что он прыгает с вершины горы, хотя расстояние между его ногами и землей было не больше детского прыжка. Он удачно приземлился на две ноги и одной рукой удержал равновесие. Затем огляделся. Странно, куда это он попал? Розовый рай исчез, вокруг был один мрак. Скукоженные деревья и опавшие листья. Быть такого не может! В душе у природы ничего не меняется. Максимум один раз в тысячу лет станет на один листик больше или меньше...

Конан резко обернулся, сердце забилося так, будто он успел поучаствовать в конной пробежке. Он был готов поклясться Афиной, что кто-то коснулся его плеча.

Но нет, показалось. Конан тыльной стороной ладони смахнул пот со лба. Так недолго и с ума сойти.

Если верить тому, что говорил наставник, все то, что сейчас происходит, – не к добру... Что-то случилось, но с кем? Пытаясь найти ответ на свой вопрос, Конан направился в ту сторону, откуда почувствовал прикосновение. Он был уверен, что это знак. Здесь ничего случайно не происходит. Конана все время то бросало в жар, то в невыносимый холод, так что все тело костенело. Конан даже задумался, не подхватил ли он болезнь «скорбящей богини».

Ему было трудно передвигаться, такое чувство, что он ходит по дну океана и вода сковывает все движения...

Конану послышался рык, очень знакомый. Значит, он идет в правильном направлении. Конан прибавил шагу и вскоре достиг того самого места, где по его расчетам должно находиться искомое. Ему послышался шорох, а затем скуление. Конан обошел небольшое дерево и увидел белого барса – своего недавнего сотрапезника. Барс, припав на передние лапы, лизал ногу человека, а когда повернулся к нему, Конан увидел кровавую морду. Ему показалось, что зверь собирается пообедать им. Он закричал угрожающе, тем самым нарушив равновесие между мирами. Начался обвал, и этот мир выкинул его из себя.

Конан схватился за голову, ему казалось, что еще чуть-чуть, и она разлетелась бы на куски. Он прилег на землю и отдышался. Только некоторое время спустя он осознал, что вернулся в реальность. И сразу же водопадом на него нахлынула уйма вопросов. И первый из них: правда ли то, что он видел? Если да, то нужно бежать и спасти человека. Конан с большим трудом поднялся и побежал по той дороге, которую указала лань. Он без труда вспоминал все повороты, ориентируясь по кустам и деревьям. Они не похожи друг на друга. Это только так кажется с перво-

го раза. Но если приглядеться, то сразу поймешь, что они такие же, как люди – неповторимые.

Конан добежал до назначенного пункта и на ходу вытащил нож из потайного кармана. Барс был на том же месте, как ему и привиделось. Конан подбежал ближе – и застыл. На земле лежала та самая девушка, которая скрутила его недавно и оставила одного на неизвестной поляне.

– За что?! – сетовал на судьбу Конан, тем временем удивляясь тому, как ведет себя барс. Одна лапа зверя была на бедре у девушки, другая – на голени. Не переставая, барс слизывал с раны кровь подозрительного цвета. Конан медленно подошел и попытался приподнять девушку, барс был не против, только напрягся, готовый набросится на него при любом неосторожном движении.

Он отнес девушку в лагерь и уложил на свой плащ под деревом. Она была без чувств, и попытки привести ее в сознание не имели никаких результатов. Затем Конан внимательно осмотрел царапину.

– Какая-то она странная, как будто прожгли, – сказал, смутно припоминая, что уже видел что-то подобное этим царапинам. Но воспоминания остались расплывчатыми. Конан наклонился, принялся к ране и резко отскочил. – Метка Афродиты!

Метнулся к костру, поднес к нему палку, обмотанную тканью, и зажег ее. Затем, не теряя ни минуты, побежал в заросли – искать нужные травы...

Девушка смотрела на них пристальным взглядом. Затем заговорила. «И века не прошло», – подумала Лия.

– Отправляя вас на площадь, я не сомневалась, что сильные мужи помогут вам расстаться с жизнью. Я же предупреждала, вам не следует появляться здесь, где презирают амазонок. Дочери амазонок. Так вы себя называете? – с насмешкой спросила девушка.

Дыхание Лии стало затрудненным и учащенным. Алла наблюдала за ней пронизательным и жалящим взглядом. Лия не осталась в долгу. И когда закончилась битва между двумя уничтожающими парами глаз, Алла как будто добивала ее, участливо спросила:

– На этой площади месяц назад казнили трех амазонок. После недели пыток, – добавила с наигранной жалостью. – Это были твои сестры?

Лия безразлично дернула плечом.

– Может быть.

Алле, видимо, не нравилось такое холодное и безразличное поведение пленницы. Лия подняла на нее усталый взгляд. Ее утомила дерзость собеседницы. Она заметила, что ее сестра потихоньку приходит в себя. Пелагея чуть приоткрыла глаза, но было понятно, что сейчас в голове ее полная бессмыслица. Еще через минут пять Пелагея опомнилась и стала озираться по сторонам, наконец, поняла, что к чему, и оценивающе взглянула на Аллу.

– Ну что, проснулась, амазонка! – усмехнулась та. – Что будем с вами делать, дочери старых дев? – продолжила с издевкой.

Это был уже перебор, Лия не выдержала:

– Закрой рот, рабыня. Мухи вокруг подыхают от твоего испорченного дыхания.

Лицо Аллы побагровело. Сестры довольно переглянулись. Алла занесла короткое копье, но ее сбил с толку хрипловатый смех. Оглянувшись, Алла увидела на кровати живого и здорового Канта. Он, оказывается, давно очнулся и внимательно подслушивал разговор.

– Ладно, Алла, угомонись, – сказал он и прокашлялся в кулак.

Кант уже присмотрелся к ним: внешне похожие, понятно, что сестры, только вот взгляд девушки с развязанными руками уж очень колкий, а у второй – проникновенный, пытливый. Наряд, как и описывала Алла, диковатый, слишком свободный и открытый, позволял оценить силу и красоту их тел.

У одной девушки, с жалящими глазками, волосы доставали до лопаток и были собраны в косу ото лба. У второй волосы были распущены.

– Кто вы такие? – спросил он прямо и просто.

– Мы не обязаны отвечать. Делайте, что хотите, – хмуро сказала Пелагея.

Кант продолжил молча изучать их внешность. Алла не выдержала такого долгого молчания.

– Это те девчонки, которым я указала дорогу к городу.

Кант оскалится и взглядом заставил Аллу замолчать и сесть подальше. Затем обратился к девушкам.

– Меня зовут Кант. Обыкновенный рыбак.

– Лия. Обыкновенная рядовая, – представилась Лия, понимая, что терять нечего.

– Пелагея, – нахмурившись, сказала ее сестра.

Кант прищурился, он уже долго не сводил взгляда с браслета на левой руке Лии выше локтя. Он схватил за ее руку и сдернул браслет. Лия от неожиданности оторопела.

– Верни немедленно, – с угрозой предупредила она. – Браслет амазонки. Я ничьей жизни не пожалею ради него.

Кант поднял на нее ошарашенные глаза. Словно дикое животное, защищающее свое потомство, – так она сейчас выглядела.

– Откуда он у тебя? – спросил Кант, поглаживая широкий браслет с ржавыми разводами.

– С рождения. То есть с того самого дня, как я взяла в руки первое оружие, – ответила Лия.

– Здесь чего-то не хватает, – покачав головой, сказал Кант. Он повернулся к Алле и по-детски улыбнулся. – Если это то, о чем я думаю... – и он просиял, и вновь уставился на браслет. – Знаешь, однажды мы обнаружили затонувший корабль, каких необыкновенных вещей там только не было. Глиняные таблички из Египта, которые, поверь, заслуживали

внимания... – Не веря чему-то, Кант замотал головой. Взгляд его переместился на амазонок и затуманился: в голове у него явно что-то созревало. – Мы знаем о беде, постигшей вас. Сегодня пала ваша столица. Терять вам нечего, – сказал сестрам. – Вы пойдете с нами.

И откуда у них эта драгоценность? Во всех летописях, которые он изучал последние два года, упоминается этот браслет. Почти во всех... С самого раннего упоминания об амазонках и до их первого поражения ничего не говорится, ничего подобного, а потом – раз, и появляется хранительница браслета, проклятого двумя великими богами.

– Имена, которые вы мне назвали, истинные? – как будто имея основания не верить, спросил он.

– Да, – коротко и в унисон ответили они.

– Я очень долго изучал историю этого браслета, и могу поклясться, что он настоящий, только вот слишком новый. Я представлял его себе древним, ветхим, готовым рассыпаться при одном прикосновении. А здесь... – Кант поднес браслет к глазам и покрутил в руках. – И вообще, мне кажется, что тут только одна половина, чего-то здесь не хватает...

Пелагея напряглась.

– Почему тебя так сильно волнует этот браслет? – не выдержала она. – Всего лишь подтверждение, что Лия – амазонка.

– Если все то, что я изучал, правда, то я спасен...

– Кант! Это же все миф, бред! Неужели ты веришь в эту чепуху?! Вернемся со мной, у нас много дел! – вскочила со своего места Алла. В глазах у нее появился зловещий колдовской огонек. – Я поняла! Ты просто оттягиваешь момент! Зачем ты обещал, если не хочешь выполнять? – теперь на ее глаза навернулись слезы.

Кант смотрел в окно, в его мыслях горько прозвучало: «Очень даже хотел выполнять... До сегодняшнего дня...» И в сердце его защемило, и все тело отозвалось болью. Это было и приятное чувство, и невыносимое, с чего бы так?..

Когда от окна взгляд его вернулся к собеседнице... Аллы в комнате уже не было. Только девушки смотрели на него с полным недоумением на лицах.

Альберт НОТКИН

Из Поля Верлена

Переводы с французского

Тишина

Дробит листва луны лучи,
В их кружевах весь лес стоит
В тиши ночной...

Лишь голос твой
Да ветра вой –
Средь черных ив...

Пруд, синевой их отразив,
Застыл в ночи.
Мы помолчим...

В сиянье звезд
Забвенья миг
К нам негой грез
С небес слетит,
Обнимет нас...

Блаженный час...

Соловей

С протяжным криком раненной жар-птицы
Воспоминаний боль ко мне стремится,
И, пожелтевшей откружив листвою,
Ручьется сожаления рекой.
Над ней склонилось сердце древом,
Пьет влагу обнаженным нервом,
И голосов нестройный хор
Ведет печально перебор
Всего, что в памяти нетленно...
Звук умолкает постепенно,
И в наступившей тишине
Трель соловья летит ко мне.
Как животворную водицу,
Струит эпиталаму птица.

Ночь мрака тайного полна,
Флюоресцирует луна,
Меланхолична тяжесть лета,
Призыв оставив без ответа,
Лишь легкий ветерок обронит.
Струится песнь и древо стонет...

Час пастуха

Пляшут туманы на спящем лугу,
На горизонте тусклый диск луны.
Лишь чей-то всплеск нарушит тишину,
Да тростники движения полны.

Стемнело, светляки зажгли свой свет,
Спокойно птицы в гнездах спят своих,
И тополей размытый силуэт
Рядами призрачными встал вдали.

Прносятся мыши летучие прочь.
Крыльями воздух застывший секут,
Криком эфир наполняя, но тут
Всходит Венера – и это уж ночь...

Песня осени

Под сенью крон
Осенних
Скрипок стон
В сердце ожил,
Растревожил
Душу он...

Мир бледнеет,
Смертью веет
В этот час.
Лед памяти
Начал таять –
Плачу я...

Судьбы ветер
Меня вертит,
Я ухожу.
Былое стерто,
Как лист желтый –
Кружу...

Анзор АПШЕВ

Затворник

Глава из романа

Было 5:17 утра, зарождался новый день – пятница 17 июня 2039 года. На горизонте, на фоне гор, голубоватое безоблачное небо начинало окрашиваться ярко-красным, алым, лиловым цветами, удивительная игра красок оповещала о восходящем солнце.

Наступил миг предрассветной тишины, когда ночные шорохи затихают, а звуки дня еще не заиграли. Величественные горы и холмы Сихотэ-Алиня будто выстраивались в ряд, отряхивая с себя расступавшуюся мглу, горделиво возвышаясь над тайгой.

Лес, казалось, зашевелился, деревья и кустарники потянулись к солнцу, покачивая кудрявыми макушками. Разнообразие растительного мира и обширная гамма оттенков зеленого цвета невольно наводила на мысль о таинствах, происходящих в укромных его уголках. За внешнее сходство лесов Приморья с тропическими их называли «джунглями умеренного пояса».

Просыпался и животный мир этих «джунглей»: пятнистые олени, уссурийские тигры, медведи, волки, лоси, белки... Зашуршали насекомые, засновали, засуетились рябчики, глухари, дятлы, кедровки, синицы, мешая отдыхать уставшим после ночного бдения совам. Тайгу огласило залиvistое птичье пение. Складывалось впечатление, что и река Усури потекла с большим энтузиазмом.

«Вскоре эта волна пробуждения нахлынет и на город, – подумал молодой парень, находившийся в этот момент в лесу. На нем была лишь одна набедренная повязка. Он стоял, широко раскинув руки и задрал лохматую голову вверх, вдыхая могучей грудью чистый свежий воздух и слушая нарастающий гул дикой природы. – Ради подобных восхитительных мгновений стоит жить», – произнес он тихо, окидывая взглядом кроны деревьев, их прихотливый завораживающий узор. Впервые за последнее время он был счастлив.

За письменным столом, на своем рабочем месте, сидел коренастый, крепкого телосложения мужчина лет сорока пяти. Его темные и взлохмаченные волосы ниспадали на округлое с правильными чертами лицо. Прямой нос и полные губы выдавали его неусидчивость и стремление к действиям; двухдневная щетина и узкие, со сверлящим взглядом, красные глаза указывали на усталость. Одет он был, как положено каждому

миротворцу, в бежевую легкую рубашку, в брюки из крепкой синей ткани и черные туфли фирмы «Саламандра». Синего же цвета пиджак с соответствующими его званию погонами на плечах и темный изящный галстук висели на спинке стоящего рядом стула.

Мужчина, бодрствующий в столь ранний час, был не кем иным, как инспектором бригады миротворцев – Виктором Михайловым. Откинувшись на спинку стула, уперевшись ладонями в край стола, он сидел неподвижно. Его глаза были устремлены в темный угол обширного помещения, куда не попадал свет настольной лампы, и лишь рельефная грудь вздымалась и опускалась в такт ровному дыханию.

Виктор мысленно вернулся в недалекое прошлое – в 2017 год. В то время люди хотели верить, что добрые помыслы и мечты все же сбываются. 27 октября того года было закончено возведение небольшого особенного города. С ним связывались большие надежды. Это было одно из решений правительства, которое считалось действительно безупречным. Благодаря представителям власти Приморского края был осуществлен первый в сложившихся обстоятельствах шаг на пути к светлому будущему. Люди наконец осознали, что они своей неразумной деятельностью уничтожают природу, а вместе с ней и себя – человечество.

Ими был построен городок, и название ему дали подходящее, без долгих раздумий, – Мечта. Именно мечта воплотилась в Мечту! На севере городок окаймляла река Уссури, на юге он граничил с лесным массивом, переходящим в холмистую равнину. С западной стороны простирались бескрайние долины, пересекаемые лесной цепью, край которой терялся у озера Ханка. Местность для строительства города была выбрана замечательным образом!

Мечта содержала в себе необходимые и достаточные условия для процветания, кроме заводов, фабрик и других предприятий, экологически вредных как для здоровья жителей, так и для целостности и чистоты окружающей среды.

До 2032 года город оправдывал возложенные на него надежды. В его недрах текла размеренная жизнь умиротворенных благополучием жителей. Мечта распахнула двери для людей разных национальностей, рас и вероисповеданий, здесь не было ни предрассудков, ни амбиций.

Но, к сожалению, людям свойственно ошибаться. Безупречных людей нет, как нет идеального мира. Реальность не бывает даже приближенной к идеалу. С 2035 года в городке все пошло наперекосяк, и мало-помалу его поглотили коррупция, мошенничество, разбой...

Виктор Михайлов никак не мог понять, чего не хватало этим людям, почему они выбрали путь преступности. В городе практически любой мог найти работу по душе. Есть места, где можно с пользой провести досуг, отдохнуть, позаниматься спортом. Не устраивает? Пожалуйста, на полях выращивают рис, сою, развито огородничество, садоводство... Инспектору ничего не оставалось делать, как искать ответы на свои вопросы самому. Собственно, этим он и занимался, находясь в девятиэтажном белом прямоугольном здании, над входом в которое висела красивая табличка с надписью: «ОМОПП – Организация Миротворцев по Охране Право-

порядка». Так теперь называлась милиция. Это здание, как и все главные учреждения, находилось в центре Мечты. «Мечты, которой, по-видимому, не суждено было осуществиться», – подумал Виктор.

Весь первый этаж занимал участок миротворцев. Огороженные стеклом кабинеты были погружены во мрак. Лишь в одном из них мерцала тусклая лампочка на столе Михайлова. Он решил просмотреть досье, имевшиеся на каждого гражданина, досье тех, кто поселился здесь с 2032 года, – чтобы попытаться вычислить носителей вируса «нечисти». Это оказалось неблагоприятным и кропотливым занятием, из-за которого ему приходилось работать и в неурочное время, что он сейчас и делал.

Он опять просидел на своем рабочем месте всю ночь, перечитывая кипы формуляров, бланков, делая пометки в своем потрепанном блокноте. Случайно Михайлову попала под руки папка, заведенная на семью Старковых. Она не относилась к числу тех документов, которые он пересматривал, так как супруги Старковы поселились в городке в числе первых, при его основании. Они к тому времени как раз и поженились.

Виктор не мог отложить эту папку, не прочитав ее еще раз. Эта семья, вместе с родившимся у них сыном, действительно была прекрасна во всех отношениях: в житейском плане, в наличии культурных, моральных и духовных ценностей. И надо же было такому случиться – именно их постигло несчастье. Перед глазами инспектора, на столе, лежало раскрытое досье на их несчастного сына – Андрея Старкова.

Лишь когда первые лучи солнца стали проникать сквозь окна в помещение, рассеивая сумрак, Виктор Михайлов вернулся к действительности. Выключив настольную лампу, он тряхнул головой, словно отгоняя нахлынувшие и поглотившие его тревожные воспоминания. Подняв руки и сладостно потянувшись, инспектор решил дочитать досье и закончить на сегодня с бумагами.

«Андрей Старков: Дата рождения – 01.09.2018 г. Место рождения – РФ, Дальний Восток, Приморский край, Мечта. Национальность – русский. Рост – 178 см, вес – 78 кг (данные на январь 2039 г.). Брюнет. Темперамент – флегматик-меланхолик (интроверт). Характер – волевой, но покладистый.

Особенности поведения: человек Востока. Преданность религиозной философии и системе психофизического тренинга. Уважителен, скром, добр. Дитя природы, уважающий ее в любой ипостаси. Затворник, неразговорчив, мало показывается в городе. Увлечения: чтение книг и занятия спортом.

В 17 лет потерял родителей, по сей день не может оправиться от потрясения».

Завершив чтение, инспектор закурил «Нашу Марку», – сигареты, которые он предпочитал всем остальным. Сделав глубокую затяжку, он стал вспоминать события четырехлетней давности. Тогда Андрей испытал страшное горе, его психике был нанесен сокрушительный удар. Весной 2035 года в тот злосчастный день он вернулся домой из школы и обнаружил разбросанные по квартире вещи, сломанную мебель и выбитые окна. Родители оказались мертвыми. Экспертиза показала – разрыв сердца от

чудовищного потрясения. За отсутствием свидетелей преступления и подозреваемых уголовное дело через несколько месяцев зашло в тупик и было закрыто. Закрыто, но не для Виктора, который пытался раскрыть его для себя, для успокоения своей совести.

Докурив сигарету, Михайлов бросил взгляд на фотографию Старкова. «Надо будет навестить парня, – решил он, убирая папку в нижний ящик стола. Подойдя к окну, инспектор отметил, что уже рассвело. Городок скоро оживится ежедневными делами и заботами, и здание миротворцев вновь наполнится размеренной, рутинной работой. – ...Неплохо бы выпить кофейку для бодрости», – подумал он, направляясь к умывальнику. Часы показывали 5:32 утра.

День как день

Уже почти год, как в Мечте появился загадочный герой, чьи доблесть и отвага не знали границ, который творил чудеса в своем стремлении помочь людям. Этот человек появлялся, будто из-под земли, в тот момент, когда кому-либо была необходима помощь, и исчезал с глаз долой неизвестно куда. Благодаря этим внезапным появлениям на улицах городка было предотвращено множество несчастных случаев, разрушений и ситуаций, которые могли иметь плачевный исход.

Люди, живущие в этом городе, наглым и совершенно нескрываемым образом притеснялись богатыми и зажиточными, власть имущими согражданами. Подобное встречается повсюду. Люди, начиная выделяться из общей серой массы простых смертных, приобретают так называемую «звездную болезнь». У них появляется мысль, что они могут стоять выше закона, им все дозволено, что всегда можно откупиться той или иной суммой хрустящих бумажек, не неся наказания за свои противозаконные действия. Ведь закон писан, как они думают, для обывателя, для бедного трудяги, кое-как сводящего концы с концами. Этот трудяга никогда и не ропщет на судьбу и выпадающие на его долю напасти, у него и времени на это не хватает. Вот именно для защиты подобных людей у миротворцев объявился настоящий помощник, снимавший с них определенную долю их нелегкой ноши, в последнее время навалившейся на них особенно ощутимо. Многим хотелось узнать героя ближе, поговорить с ним, поблагодарить, наконец. Но «ангел-хранитель» был неразговорчив, неуловим и бескорыстен. Выполнив свою нелегкую работу, он поспешно ускользал от восторженных взглядов очевидцев.

Никто даже не представлял, как выглядит этот человек и где он обитает. Горожане окрестили его разными прозвищами, не имея возможности узнать истинное имя. Незнакомец успешно скрывал свою личность под зеленой монашеской рясой, вследствие чего он становился еще загадочнее, таинственнее. Более наблюдательные могли заметить лишь черное облегающее трико да темную матерчатую маску на лице героя под зеленым капюшоном. Все это рождало в среде горожан множество кривотолков.

«Зеленый монах», «Дикарь», «Спаситель» – каких только названий

не придумали жители города для своего героя. Но наиболее распространенным, прижившемся и особенно часто употребляемым в народе было прозвище «Затворник». Тут подразумевалась его необщительность, скрытый, вероятно, одинокий образ жизни.

Жители Мечты удивлялись умению Затворника объявляться в тех местах, где назревала чрезвычайная ситуация. Вот, к примеру, в это утро рабочий день только начался, а уже в нескольких районах города видели Зеленого монаха, оказавшего своевременную помощь в свойственной только ему манере. Он предотвратил взрыв ресторана, в котором произошла утечка газа, доставил в ветлечебницу котенка с перебитыми задними конечностями, обезвредил изрядно выпившую группу молодых людей, учинивших разбой на одной из окраинных улочек.

Зачастую миротворцам оставалось лишь погрузить нарушителей в автомобили, провожая взглядами удалявшегося коллегу. Они мысленно бросали ему вслед слова благодарности за помощь в столь напряженные утренние часы. Многие, но далеко не все, боготворили Затворника.

Виктор Михайлов направлялся к Андрею Старкову, жившему на восточной окраине города. Необъятная тайга почти вплотную подходила к крыльцу его дома. Инспектор часто навещал парня, наблюдая за тем, чтобы он совсем не раскис после смерти родителей. Инспектор был уверен, что это было убийство. Но, чтобы утверждать такое, ему необходимы были доказательства, которых у него пока не имелось.

Виктора одолевали мрачные думы: в расследовании убийства супругов Старковых было много неясного. Но перевернутый вверх дном дом, погром – это никак не указывало на несчастный случай.

Михайлов ехал через паутину улиц города, направляясь к его окраине, на своей старенькой белой «Ниве». В который уже раз он вспоминал добрым словом родителей Андрея. Старков-старший был депутатом от «Партии зеленых», его жена – членом организации по охране окружающей среды. Они ничем противозаконным не занимались, дурного не замыслили. Наоборот, прилагали все усилия, чтобы сохранить пригодным для жизни подрастающего поколения этот цветущий клочок Приморья.

Андрей Старков потерял вкус к жизни, стал ко всему безразличен, перестал появляться на людях. В течение последующих трех лет после смерти родителей он дни напролет занимался боевыми искусствами, медитировал, самосовершенствовался. Значительную часть времени проводил в лесу, в горах. Сливаясь с природой, переняв от родителей любовь к братьям нашим меньшим, он постепенно стал обретать покой. И к двадцати одному году своего существования стал чаще улыбаться, вновь ощутил тягу к жизни, приобрел стремление прожить свой век с пользой для общества. Старков не вдавался в подробности, но уверял инспектора, что он поработал над собой и жизнь продолжается.

Минут через пятнадцать Михайлов подъехал к крайнему на улице дому, расположившемуся в нескольких десятках метров от сочной зеленой стены леса. Это был обыкновенный средних размеров дом из белого

кирпича, с крышей из красной черепицы. Прихожая, кухня, ванная, две спальных комнаты, зал, комната для гостей и небольшое помещение, оборудованное под спортзал, мебелью и убранством гармонировали между собой. Комнатные растения, спокойные светлые тона и тишина в доме создавали у гостей ощущение уюта.

Виктор обошел все комнаты, – хозяина нигде не было. Окликнув Андрея несколько раз и убедившись, что в доме его нет, он направился к выходу. «Это я неудачно заехал. А вообще, чем сейчас занимается этот парень? Надо бы поговорить с ним по душам...» – подумал он, находясь еще в прихожей. Тут инспектор услышал знакомый треск рации, находившейся в машине. Закрыв плотно дверь, он подбежал к автомобилю.

– Повторяю: всем патрульным следовать к ювелирному магазину на Восьмой улице, ограбление! – надрывался в динамиках рации голос диспетчера.

Спустя мгновение Виктор неся к указанному месту. Через несколько минут вдавил ногой педаль тормоза, и покрывки его автомобиля жалобно завизжали перед толпой зевак, собравшихся у разбитой витрины магазина. Пробираясь сквозь них, инспектор краем уха уловил несколько обрывков фраз: «Зеленый Монах... Снова в деле...». Выбравшись из толпы, он обнаружил печальное зрелище. Множество разбросанных ювелирных изделий на тротуаре... тут же, распластавшись на асфальте, стонали от нанесенных травм трое преступников.

Посмотрев наверх, куда были обращены взгляды собравшихся людей, миротворец увидел стоявшего на крыше здания, на первом этаже которого размещался ювелирный магазин, Затворника. Этот непонятный человек в зеленом балахоне часто уходил от зевак через внутренние лестницы, и след его терялся на крышах домов. Внизу, как всегда в подобных случаях, напрасно суетились обыватели и журналисты, пытавшиеся сделать себе имя, преследуя его и желая раскрыть тайну «ангела-хранителя» города.

Затворник, на мгновение обратив пристальный взгляд на Михайлова, исчез из виду. Виктору стало не по себе, словно мелькнувший на крыше и не человек вовсе, а некое мистическое существо. Оставив все, что находилось на тротуаре, на попечение прибывших коллег-миротворцев, он направился к машине. Люди расходились, обсуждая между собой действия загадочного героя.

Виктор Михайлов вернулся в участок в 10:43. Ему необходимо было разобраться в себе и мыслях, обуревавших его.

Стоял полдень. На фоне голубого безоблачного неба мелькали птицы, стрекоча, кружил над городом патрульный вертолет. Солнечные блики, отражавшиеся от его стекол, слепили глаза. Дневная жизнь городка не замедлялась ни на секунду. Это лето выдалось знойным, и каждый человек, каждое животное, ощущали на себе действие жары. Казалось, только величественные деревья не обращали внимания на погоду. словно великаны с кудрявыми головами, они, склонившись над землей, спасали людей своей прохладной тенью.

Виктор Михайлов сидел в кабинете комиссара Вениамина Ливакова, руководителя миротворцев, и слушал его гневные высказывания.

– Я вызвал тебя вот по какому поводу, сотрудник, – говорил Ливаков. – Мне совсем не нравится, что нашу работу выполняет какой-то проходимец; в то время как кое-кто, кому за это платят деньги, занимается черт знает чем! Ты ударился в чтение всяких бесполезных бумажек, потратил на это несколько недель кряду, но по-прежнему сидишь в вонючей луже и не можешь из нее выбраться. А сколько ночей ты провел в участке! Только тратишь попусту электричество, ничего же путного не сделано для обеспечения безопасности города! И знаешь, что я хочу тебе сказать, а, сотрудник?..

Инспектор понял, что ничего приятного он не услышит. С безучастным видом глядя на комиссара, он улыбнулся своим мыслям. Михайлов и Ливаков недолюбливали друг друга, и при каждом удобном случае комиссар, пользуясь своим превосходством в звании, отыгрывался на нем. Вот и сейчас, распаяя самого себя, комиссар резкими словами демонстрировал свою неприязнь к подчиненному.

Вениамина направили в Мечту семь лет назад. Он был высокого роста, широк в плечах, светловолос, с виду – лет тридцати пяти. Вытянутое сухощавое и скуластое лицо, светлые глаза, длинный заостренный нос, торчащие уши и тонкие губы делали его похожим на упыря. Всегда чисто выбритый, опрятный, одевающийся, как говорится, с иголки, – он стремился произвести хорошее впечатление на окружающих. Но Виктору не нравились двуличная, как он подозревал, натура Ливакова, чересчур развязное для человека с его положением поведение. А его излюбленное словечко «сотрудник», употребляемое и к месту, и не к месту, окончательно добивало инспектора. Однако Михайлов всегда держал себя в рамках приличия, считая, что людям его возраста не пристало вступать в конфликты по мелочам.

Когда инспектор снова сосредоточился на речи комиссара, разозлившего себя до бешенства, то обнаружил, что того уже несет без остановок.

– В то время как страну терзает преступность, люди гибнут просто так, – ревел Вениамин Ливаков, брызгая слюной, – ты здесь прохлаждаешься и протираешь штаны дни и ночи напролет! Это ведь...

– Извини, что прерываю, но ты, я вижу, решил продлить свой монолог до конца рабочего дня, – сдерживаясь, сказал Виктор, у которого терпение было на пределе. – Скоро начнется обеденный перерыв, и я очень все-таки надеюсь, что ты не оставишь меня голодным. Объясни, зачем ты меня вызвал? Наверняка не затем, чтобы прочитать лекцию о современных катаклизмах государства. Но прежде выслушай меня, – он сделал небольшую паузу, тем самым подчеркивая значение последующих слов. – Первое: сколько, когда я работаю и как, – это имеет видимые причины. Тебе они известны не хуже меня. Второе: ты старше по званию, но это не дает тебе права давить на меня. Думаю, что ты и с этим разберешься. Так ведь, сотрудник! Ну а теперь я готов выслушать, что ты хотел сообщить мне новенького, – и Михайлов изобразил на лице почтительное внимание.

Вениамин сначала побледнел, затем его лицо приобрело цвет загустевшей крови. Виктор даже заволновался, не плохо ли комиссару, но когда тот взорвался в крике, успокоился. Комиссара переполняли возмущение и злоба, и он никак не мог выразить их в слетавших с языка словах:

– Ах ты!.. Да как ты смеешь!.. Это вообще!..

– Вениамин, подумай о здоровье, такие перегрузки ему явно во вред. Побереги себя ради общего блага.

– Ну, вот что! Даю тебе ровно месяц. Если в этот срок ты не арестуешь ублюдка в зеленой рясе, я тебя уволю. Усек? А теперь убирайся прочь! Вон из моего кабинета!

Не желая далее перебраниться с невротиком, Виктор поднялся с удобного кожаного кресла и, не спеша, вышел из комнаты. Закрыв за собой дверь, он обнаружил на себе одобрительные взгляды сослуживцев, находившихся в участке и слышавших разговор на повышенных тонах. Один лишь инспектор осмеливался давать отпор шефу-самодуру, ставил его на место, особо не переживая о возможном увольнении или снижении звания. Михайлов знал, что желающие служить в рядах миротворцев в очереди у здания ОМОПП-а не стоят. Тем более такие опытные, со стажем, как он. Усмехнувшись, он направился к выходу.

Его автомобиль, как и все служебные и собственные машины, находился на заднем дворе, куда он и поспешил. Инспектор всегда обедал дома, где ему было спокойнее и уютнее, а потому туда и отправился; предвкушая восхитительную стряпню богинь кулинарного дела – его супруги и очаровательной дочери. «Какую ночь по счету я не сплю дома?» – упрекнул себя он, выезжая из ворот на дорогу.

Андрей Старков производил впечатление образованного степенного человека. Его карие с зеленым оттенком глаза выдавали аналитический склад ума, спокойствие и выдержку. Манера держать себя с достоинством, серьезность в высказываниях, скромность и обходительность были результатом дисциплины и самовоспитания. Вообще, мудрость и проницательность, светящиеся в его взгляде, свидетельствовали о большом жизненном опыте. Этому способствовала и растительность на лице. Находясь большей частью не с людьми, а с животными в тайге, он не видел необходимости стричься и бриться. А потому волосы, с достаточной долей седины, спадавшие на плечи, и заросшее бородатое лицо делали его похожим на почтенного старца. Однако высокие скулы, открытый невысокий лоб, немного вздернутый кверху нос и тонкие губы, если присмотреться, выдавали его молодость.

Старков оставался таким же, как и прежде, со всеми своими слабостями и достоинствами, с тем же мировоззрением и отношением к жизни. Но он увеличил время своих тренировок, львиную долю свободного времени проводил на лоне природы, больше времени стал уделять медитациям. Благодаря этому он выходил из состояния депрессии, в котором находился около трех лет. Он часто думал о несправедливости и жестокости, царивших в обществе, и эти раздумья вновь погружали его в уныние.

В такие моменты чистая праведная душа, сострадающая участи себе подобных, проще говоря – большинству народа, начинает возмущаться. Такой человек пытается служить правде и справедливости, идет против течения. Но, к сожалению, подобные устремления часто разбиваются о каменную преграду, именуемую безразличием общества. Парень понимал это, ему было больно осознавать, что Мечта, построенная изначально для лучшей участи, превратилась в такое же болото, как и другие, опутанное пеленой хаоса, поглощенное туманом беззакония. Именно зло и беззаконие забрали у него родителей. Родителей, которым он прорицал долгую и счастливую, спокойную жизнь. Он отчетливо помнил тот день, после которого в его душе стало темно...

Но как-то, во время очередной медитации, в душе его блеснул лучик надежды. Он вновь ощутил жажду к жизни. В этот миг Старков вышел на новый виток своего существования. Он не хотел больше выглядеть как угасающий, не прижившийся молодой росток. Ему теперь импонировало олицетворять собой могучее разросшееся растение, тянущееся к солнцу и заслонявшее собой от ветра и зноя те самые молодые слабые побеги.

Андрей тренировался на опушке леса, когда к его дому второй раз за день подъехала «Нива» инспектора. Было 13:15 дня. Миротворец после обеда вновь отправился к своему молодому другу. Его взору представилось удивительное зрелище: в теплых лучах солнца, на фоне темно-зеленой тайги, юноша самосовершенствовался и постигал смысл жизни, он сливался воедино с природой и обретал гармонию с ней, подчиняясь ее законам, пропуская ее через свое сердце.

Гость, захлопнув дверцу машины, подошел к крыльцу дома. Спортсмен, прервав занятие, трусцой подбежал к нему. Обменявшись крепким рукопожатием, они вошли в дом, где было прохладнее, чем снаружи.

– Сейчас я быстренько ополоснусь, а заодно принесу что-нибудь прохладительное, – сказал Андрей, проводив гостя в зал. – Какой сок Вы предпочитаете?

– Да любой. На твое усмотрение.

– Тогда, значит, малиновый. Вы пока располагайтесь поудобнее. Вы же знаете, что можете считать мой дом Вашим домом.

– Андрей, не беспокойся. Все нормально! Ты уж извини, что прервал твою тренировку.

– Не проблема. У Вас ведь рабочий день нормированный, а у меня полно свободного времени. Я быстро.

– Иди-иди, – успокоил его Виктор, улыбаясь тому, как всегда переживает этот парень за своих гостей, которых у него не так уж и много.

«Шустрый парень! Подобные упражнения не каждому будут по плечу», – подумал Михайлов, устраиваясь в мягком кресле. Помещение, в котором он находился, было просторным. Три окна выходили на соседний двор и были занавешены узорчатыми светлыми шторами. На подоконниках разрослись комнатные растения, среди которых инспектор различил лишь знакомые ему фикусы, бегонии и кактусы. Зал был обставлен минимально необходимой мебелью, без излишеств. У дальней стены стояла «стенка», сплошь заставленная художественной литературой. Много книг, посвя-

ценных силовым видам спорта и боевым искусствам. Там же, на полках, стояли телевизор и DVD-плеер. На стене напротив окон висела картина с райским пейзажем. Кроме кресла, в котором разместился гость, в комнате имелось еще два и диван между ними. Вся мебель была светло-коричневой. Лакированный паркет, в котором отражалась роскошная люстра из шести ламп, гармонировал с цветом мебели. Потолок голубого цвета, стены светло-зеленого – создавали атмосферу тепла и уюта.

Через несколько минут в комнату вошел хозяин дома, сменивший черную набедренную повязку на легкие темные брюки и синюю футболку. В руках он держал по внушительному бокалу с розовой жидкостью. Волосы его были еще влажными. Вручив один бокал гостю, он, непринужденно улыбаясь, присел на пол, скрестив ноги, напротив него.

– Никак не могу привыкнуть к твоей манере сидеть, – усмехнулся Виктор, отхлебнув прохладный приятный на вкус напиток.

– Благодарю Вас за то, что не забываете меня. Как у Вас дела дома, на работе?

– О, дома просто все отлично! А на работе есть некоторые проблемы, но это разрешимо... Скажи, как ты себя чувствуешь?

– Да что я. На здоровье не жалуюсь. Живу себе помаленьку. Другим жить не мешаю.

– Насчет здоровья я и не сомневаюсь, – улыбнулся Виктор. – Видел я твои выкрутасы во дворе! Да и мышечная масса...

– Каждый наберет, если тренироваться столько же, сколько я. Но это, я надеюсь, еще не предел, – улыбнулся Старков. – Мне бы еще килограммов десять! Тогда – другое дело.

Михайлов понял, что это – излюбленная тема для собеседника и разговор может продлиться долго. Потому решил переходить к делу.

– Слушай, Андрей, – начал он осторожно. – Ты понимаешь, что каждый порядочный человек должен прожить свой век с пользой для общества.

– Конечно. Так и гласит одна из заповедей Конфуция, где он называет подобных людей «учеными мужами».

– А раз так, не подумывал ли ты, что пора перестать себя жалеть и влиться в общественную жизнь.

– Хватит быть дармоедом, да? – Старков немного смутился при этих словах. Желая реабилитироваться в глазах уважаемого друга, он продолжил: – Вы можете не поверить, но я уже не единожды об этом подумывал.

– Превосходно, дело говоришь! – обрадовался миротворец.

Он уважал в собеседнике умение быстро понимать, что от него требуется. Тем самым облегчая задачу, которая привела сюда Виктора. Ведь он, в принципе, не имел права настаивать на чем-либо и учить жизни парня. Но в тоже время ему не безразлична судьба молодого друга.

– И чем ты думаешь заняться? – продолжил он беседу, которая выстраивалась, как он и хотел, в дружеской тональности. – К чему у тебя лежит душа?

– Я хотел бы работать инструктором атлетизма или приемов самообороны в нашем Дворце спорта, – неуверенно произнес Андрей.

– Очень даже правильно, учитывая твои склонности и таланты. А чего ж ты так скромно об этом заявляешь? Если позволишь, я помогу тебе в этом деле.

– Я был бы рад помощи! – воодушевился Старков, его глаза заблестели. – Сам-то я не решился бы просить Вас об этом. Если меня возьмут на работу, я Вас не подведу! Я очень ответственно подхожу к таким делам, Вы, наверно, в курсе.

– Зная твою натуру, – уверенно сказал Михайлов, глядя хозяину в глаза, – я смело пойду просить за тебя.

Парень залпом осушил свой бокал, как будто хотел остудить нахлынувшие эмоции. Допил свой последний глоток и его гость. Затем поднялся с кресла.

– Ну что ж, на том и порешили. Жди от меня новостей. Сначала наведаюсь во Дворец спорта, а там видно будет.

– Спасибо за Вашу доброту ко мне!

– Полно. Мне не в тягость, а в радость, – ободрил инспектор, дружески похлопывая Старкова по плечу.

Парой минут позже Виктор, улыбаясь, направил свой автомобиль к участку миротворцев, оставив Андрея в смятенных чувствах, стоящим перед домом и погруженным в свои мысли. Не замечая ничего вокруг, он, не спеша, вернулся в дом. Для него раскрывались новые перспективы. Давно он не был так заинтересован в своем будущем. Уйдя в себя, юноша стал выстраивать мечты, о которых забыл в течение последних лет жизни.

Остаток дня Виктор Михайлов провел за письменным столом на своем рабочем месте. За последнее время у него накопилось множество бумаг: со схемами города, с теми местами, где объявлялся Затворник, со своими предположениями, умозаключениями, выводами. Теперь он решил составить все это в единое целое. Виктор все больше и больше убеждался в правоте своих догадок. Все имеющиеся факты выстраивались в одну последовательную цепочку, ведущую к конечной цели – Затворнику. Более того, он хотел раскрыть тайну смерти родителей Андрея. Инспектор хотел прийти однажды к этому парню и сказать, что данное дело действительно можно закрыть, так как преступники найдены и понесут соответствующее наказание.

Пока же ему необходимо было познакомиться с Затворником, который уже почти год, как примкнул к миротворцам в борьбе с нарушителями закона, чья помощь была ощутима и своевременна. Чтобы иметь возможность пообщаться с этим загадочным и неуловимым героем, необходимо было разгадать его личность. Данное обстоятельство назрело еще и потому, что подобную установку дал его шеф – Вениамин Ливаков. Но, если Михайлов собирался поймать Зеленого монаха, чтобы высказать ему слова благодарности, то комиссару этот человек нужен был для совсем иных

целей – чтобы посрамить его и надолго упрятать за решетку. Подобное отношение к всеобщему любимцу настораживало Виктора. «Что-то нечистое творится с этим невротиком, – думал инспектор о Ливакове. – Да и шут с ним! Надо забыть обо всех делах до понедельника и провести выходные в кругу семьи».

Сейчас для него важнее всего была семья, которой он стал уделять мало внимания, покидая ее как в рабочее, так и в не рабочее время. Он был полон решимости провести с ними последующие два дня и выполнить любые капризы очаровательной восемнадцатилетней дочери Александры, сына Павла, который был старше сестры на год, и замечательной, все еще красивой, жены Алены.

Расслабившись, он чуть было не проехал мимо своего дома, фасад и газон которого выходили к дороге. «Поскорее зайду домой, пока не появилась вездесущая соседка», – решил Михайлов, паркуя автомобиль. Закрыв дверцу ключом и обернувшись, он понял, что опоздал с последним решением.

К нему ковыляла согнутая старушка – давал о себе знать ее радикулит. На ней были домашний пестрый халат и стоптанные мягкие тапки. Она была опрятна, так как с усердием следила за своим внешним видом. При каждом шаге ее седые поредевшие кудри вздрагивали, словно пожелтевшая листва дерева в осеннюю непогоду. В глазах соседки поблескивало озорство. Миротворец всегда восхищался ее крепким здоровьем и на удивление белыми, хорошо сохранившимися зубами. Единственным недостатком соседки была безудержная страсть к общению и сплетням. Хотя этим страдает подавляющее большинство представительниц прекрасного пола, и далеко не пожилых. Эта страсть – скорее не недостаток, а их неотъемлемое качество.

Инспектор первым начал неизбежный разговор.

– Тетушка Лидия! Здравствуйте и благоденствуйте! Как поживаете? Давно Вас что-то не было видно. Может, что случи...

– А-ну, Витюша, поди до меня! Когда ж это ты меня увидишь, ежели сутками пропадаешь невесть где? – перебила его старушка. – Я имею желание отчитать тебя за твое безразличие к семье. Как же так, а? Ты опять не был дома этой ночью!..

Не секрет, что подобные бабушки, живущие в одиночестве, любят поболтать, они нуждаются в общении с людьми. Их одолевает печаль, оттого что в них никто не нуждается. А им так хочется осознавать свою индивидуальность и востребованность. Может быть, поэтому эти пожилые женщины всегда все знают, в курсе всего происходящего в городе, от их взгляда невозможно ничего спрятать. Таковыми они не становятся по собственной воле. Такими их делает существующий уклад жизни...

Старушка между тем продолжала:

– Уж не проказничаешь ли с молоденькими, на старости лет-то, а? Надо относиться серьезнее к своим семейным обязанностям. А сколько без тебя здесь произошло! Кошки, окаянные, не дали мне заснуть всю

ночь, видишь, глаза у меня красные? – при этих словах старушка вплотную подвинулась к собеседнику, отчего тот смутился. – А утром одна сволочная собака наделала кучу у моего порога! Вот если бы ты, Витенька, залагал дыру в моем заборе, а то прямо напасть с этими злыднями. Да, еще говорят, Затворник снова отличился. И не дал грязному отродью, фу-ты, Господи, – здесь она перекрестилась, – стащить ценности, а?

Когда соседка сделала паузу, чтобы перевести дух, миротворцу удалось-таки разбавить парой фраз ее плотный монолог:

– Тетя Лидия, ну что же Вы меня в краску вгоняете. Вы же знаете, где я провел ночь. А остальное – пустяки, не берите в голову. Просто кошки хотели немного порезвиться. Собаку, наверно, испугали, и она не добежала до кустика. Забор вам Павел обязательно починит. А Затворник действительно продолжает помогать нам, миротворцам, в нашем нелегком труде.

– Ох, и шкодник ты у нас. Ну, прямо все обо всем и знает. Да и лгунишка, к тому же, – покачала головой старушка, поглядывая на него задорно.

В таком духе еще добрых полчаса Михайлову пришлось слушать пожилую женщину, язык которой работал без усталости, перемалывая все на свете. Со стороны картина выглядела забавно. Невысокая соседка смотрела на него снизу вверх, укоризненно покачивая указательным пальцем правой руки и жестикулируя левой, продолжая говорить не умолкая. Тетя Лидия сообщила о том, что произошло в Африке, об очередной победе японцев на состязаниях по сумо; о появлении на экране телевизора новой постыдной рекламы, о том, что необходимо беречь себя и свою семью и одеваться теплее, чтобы не простудиться. Летом-то, в такую жару! И о многом-многом другом. Виктору только и оставалось покорно слушать, да поддакивать, дабы не обидеть старушку.

– Ну, чего же ты стоишь здесь, чужак эдакий! А ну, бегом к своим, – опомнилась она наконец. – И не забывай о том, что я тебе сказала.

Михайлов направился к дому, сдерживая смех, так и не поняв из столь продолжительного и обширного потока информации тетушки Лидии, о чем ему не следует забывать...

Кавказ

О край лихих мужчин и гордых женщин!
Ты щедростью и честью знаменит,
Ты славою бессмертною увенчан,
И песни о тебе летят в зенит!

Твоим красотам нет конца и края,
Как нет предела вольности твоей.
Эльбрус могучий, с высоты взирая,
Хранит просторы пастбищ и полей,

Бывает ласков в тихую погоду,
В ненастье – неприступен и суров.
Он миру дал особую породу –
Отважных горцев, им – надежный кров.

Нам старшие – пример, не зная страха,
Дойдут до цели, не свернут коней,
Степенности учась у Ошхамахо
И мудрость пронеся до наших дней.

А цель их высока – свершенья блага,
Без громких слов, но с верою в сердцах:
Когда добру сопутствует отвага,
Зло и коварство ожидает крах.

В грядущее горянка из былого
Несет удел свой трудный и святой.
И хоть красавиц в этом мире много,
Черкешенка затмит всех красотой.

Черкеса не пронять медовой лестью
И золотом его не подкупить.
Он дорожит лишь родиной и честью,
И дом свой он сумеет защитить.

О край родной! Пусть все твои заслуги
Нам будут словно прадедов наказ!
Бессильны грозы над тобой и вьюги,
России край прославленный – Кавказ!

В горах Кавказа два народа,
 Как братья жили до сих пор.
 Но жизнь, мелькая год от года,
 Внесла меж братьями раздор.

Нет горше, тягостней кручины,
 Чем этот бесполезный спор.
 Какие б ни были причины,
 Одно им следствие – позор.

Нас общая судьба сплотила,
 Старейшин наших договор.
 Ведь только в дружбе наша сила
 И слава наших древних гор!

Простой человек

В наш жестокий, продуманный век
 Есть понятие – «простой человек».
 И осталось оно неспроста –
 Чтоб отметить, в ком совесть чиста,

Кто живет, не прося, не крича,
 И одет, как с отцова плеча,
 Кто в толпе неприметен всегда,
 Чьи просты и постель, и еда...

Кто в ответ на вопрос «Кто ты есть?»
 Улыбнется и скажет: «Бог весть...»
 О таких разжиревший набоб
 Не морщинит раздумьями лоб,

Он таким не протянет руки,
 Для него все вокруг – червяки.
 Этот страшный, озлобленный мир,
 Золотой лишь телец в нем кумир.

Доброту, благородство и честь
 Не старайся на лицах прочесть.
 Кто простым и правдивым теперь
 Открывает железную дверь?..

Не дай бог, час ударит войны,
 Чьи пойдут защищать нас сыны?
 Тех простых матерей и отцов,
 Что всегда шли с подмогой на зов.

ШАКОВ ТАУСУЛТАН
ИСХАКОВИЧ

Шаков – один из старейших кабардинских писателей. Еще до революции 1917 г. начал сочинять стихи и частушки, но из-за отсутствия у кабардинцев письменности многое забылось. К началу 1923 г. он, вместе с Талибом Кашежевым, Сосуко Кожаевым, Ибрагимом Кушховым, Заурбеком Пшунетовым, работал корреспондентом газеты «Красная Кабарда». С появлением письменности Таусултан Шаков в числе других начинающих писателей стал печатать свои произведения на страницах газеты «Карахалк».

Шаков Таусултан Исхакович родился 1890 году в сел. Чегем I Чегемского р-на КБР, умер в 1972 году в Нальчике, – кабардинский прозаик, поэт. До 1918 г. занимался сельским хозяйством. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию и служил в ее рядах до окончания Гражданской войны и установления Советской власти в Кабарде. С августа 1920-го по 1923 г. находился на учительских курсах, впервые открытых в Кабарде, которые функционировали постоянно: летом курсанты занимались, а зимой сами преподавали в сельских школах. В 1924 г. Шаков поступил на годичные курсы журналистов в Ростове-на-Дону, после окончания которых работал в редакции газеты «Ленин гъуэгъ». В начале 1930 г. поступил на курсы по подготовке руководителей кооперативов в г. Ленинграде (учился 1 год), затем работал заведующим отдела кадров Каббалкпотребсоюза. В 1932 г. был отозван в Каббалкнациздат, был редактором до своего ареста органами НКВД КБАССР в 1937 г. До июня 1941 г. находился в исправительно-трудовых лагерях Магадана. После реабилитации Таусултан Исхакович вернулся в Нальчик и возглавил в качестве директора пригородное хозяйство. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. за отказ от сотрудничества с немецкими оккупантами (ему было предложено восстановить типографию и печатать фашистскую литературу) Шаков был арестован. Когда при отступлении немцы начали расстреливать арестантов, он вместе с 63-мя заключенными гестаповской тюрьмы совершил побег и избежал казни. После изгнания оккупантов редакция газеты была восстановлена, и Таусултан Исхакович работал там заведующим промышленным отделом до конца 1943 г., когда был вновь арестован органами МГБ КБАССР. До 1949 г. находился в исправительно-трудовых лагерях г. Казани, где получил тяжелую травму, из-за которой 10 лет был прикован к постели. 30 мая 1956 г. решением судебной коллегии Верховного суда СССР он был реабилитирован как по первому, так и по второму аресту, восстановлен в рядах КПСС и в Союзе писателей СССР, в котором состоял с 1934 г.

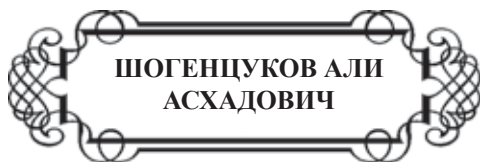
В сборнике стихов кабардинских поэтов «Япэ лъзбакъуэ» (Первый

шаг. 1933) была опубликована его поэма. В этом же году в альманахе «КъаруушIэ» (Новая сила) появился очерк «Колхоз Нартан». На страницах газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» были опубликованы стихи Шакова о героях войны 1941–1945 гг., поэма «Завещание Дзуны».

В числе первых кабардинских писателей Таусултан Исакович Шаков внесен в Малую советскую энциклопедию (1937). Многие его произведения, готовые к печати, были изъяты во время арестов и пропали. Среди них были роман «Шолох и Хаджат» и пьеса «Эвакуация». После реабилитации Шаков вернулся в писательскую организацию и активно включился в творческую работу.

В 1959 г. Таусултан Шаков выпустил книгу рассказов для детей «ЕIуащIэ» (Озорник). В 1969 г. вышел сборник стихов и песен «ГъащIэм и лъэбакъуэхэр (Шаги жизни).

До конца своей жизни Таусултан Исакович Шаков принимал деятельное участие в работе писательской организации республики. Часто выступал с чтением своих произведений перед многочисленными читателями. Оказывал творческую помощь начинающим авторам, активно работал в журнале «Iуащхэмахуэ».

Али Шогенцуков – поэт-новатор кабардинского стиха, основой которого стало новое стихосложение, созданное им в результате освоения народной поэзии и идейно-художественных традиций русской и советской классической литературы. Он произвел коренные преобразования, переведя тонический стих в силлабо-тоническую систему, обогатившую его ритмическое и интонационное звучание. Отбирая и творчески развивая все ценное, образное в кабардинском языке, существенно обогатил его, наметил пути дальнейшего развития и заложил прочные основы кабардинского литературного языка. Сохранив связь с устным народным творчеством и опираясь на опыт и традиции прошлого, он способствовал росту кабардинской национальной литературы.

Для произведений Али Асхадовича характерны эпический размах в сочетании с проникновенным лиризмом, красочность деталей, богатство ритмики, творческое использование лексических средств, правдивое воспроизведение действительности. Творчество Шогенцукова проникнуто

пафосом любви к человеку-труженику. Созданные на основе глубокого знания истории своего народа, его произведения имеют большую художественную и идейную ценность. В своих ранних стихах, близких к народной поэтике, он не только широко использует лексику кабардинского языка, традиционные фразеологические сочетания, обороты, эпитеты и сравнения, но и создает авторские образы и афоризмы.

Литературное наследие Али Шогенцукова невелико по объему: один роман в стихах «Камбот и Ляца» – роман с широким историческим фоном, развернутой фабулой, многочисленными героями, сложным переплетением событий, острым накалом социальных взаимоотношений. Напряженность, трагическая насыщенность и поистине кинематографическая стремительность сюжета, высокий лиризм в сочетании с живостью и простотой изобразительных средств, народностью языка и образов поражают и захватывают с первой до последней сцены. 8 поэм, 2 рассказа, 11 стихотворений, 20 публицистических статей, 9 произведений, переведенных с русского на кабардинский язык (данные по изданию: ШоджэңцЫкЮ Алий. Тхыгъэхэр (Али Шогенцуков. Сочинения. Нальчик, 1990).

Шогенцуков Али Асхадович родился в 1900 году в сел. Старая Крепость Баксанского р-на КБР, умер в 1941 году в г. Бобруйске, – основоположник кабардинской советской литературы. После окончания сельской школы (1914) поступил в Баксанскую духовную семинарию (медресе), из которой был исключен за организацию протеста против решения администрации уволить Нури Цагова, преподававшего дисциплины на кабардинском языке. В 1915 г. Али Асхадович поступил на курсы по подготовке учителей для Северного Кавказа, учился до 1916-го, а затем за отличные успехи в учебе направлен дирекцией курсов в Крым, в г. Бахчисарай, в педагогическое училище им. И. М. Гаспринского. В декабре 1917 г. в связи с событиями Февральской революции в России училище было закрыто, и Шогенцуков в числе 10 лучших учеников по решению его администрации направлен для завершения образования в Турцию. Здесь им написано стихотворение «Нанэ» (Мать. 1917), положившее начало его поэзии. Глубоко лирическое, написанное от лица героя – юноши, оно исполнено бесконечной любви к матери, к родной земле. Рожденное из боли и сострадания к соплеменникам, потерявшим родину из-за Русско-Кавказской войны и мухаджирства, оно в то же время полно глубокой веры и светлой надежды.

Закончив учебу в Турции, Шогенцуков вернулся на родину в 1919 г. и включился в работу по строительству новой жизни. Более 13 лет он посвятил просвещению, работая учителем кабардинского языка, директором школы, инспектором районо и облоно. В эти годы он часто выступал в прессе, на страницах газеты «Карахалк» (Беднота).

Художественный уровень стихов, написанных им в 20–30-е гг., соответствовал их целевой установке и носил утилитарно-просветительский характер: все подчинялось пропаганде новой жизни, желанию приобщить кабардинцев к осознанию происходящих перемен. Осуществляя эту задачу, Шогенцуков возвел здание новой поэзии, которая говорила «голосом эпохи, языком народа, интонациями живой человеческой личности» (И. Сельвинский).

Большое значение Шогенцуков придавал художественному осмыслению истории своего народа, его судьбе в пору ломки устоявшихся канонов и рождения нового общества. Ему первому удалось ввести в национальную словесность образцы высокой профессиональной культуры слова, поднять его на уровень подлинного искусства, придать языку современную гибкость и разнообразие.

Али Шогенцуков знал арабский, русский, турецкий, французский языки, а также эсперанто. Читал на этих языках, но предпочтение отдавал русской литературе, считая ее образцовой. А. Пушкин и М. Лермонтов, Н. Некрасов и Л. Толстой, М. Горький и В. Маяковский – это школа художественного мастерства, которая позволила ему в полной мере освоить принципы литературного творчества.

В октябре 1934 г. Шогенцуков обратился в областной отдел народного образования с просьбой послать его в распоряжение Союза писателей республики. К этому времени он был известен как автор многих поэм.

С первых дней работы в Союзе писателей Шогенцуков уделял пристальное внимание созданию молодых писательских кадров. Руководя литературным кружком студентов пединститута, выявлял одаренную молодежь.

Не замыкаясь в рамках республики, налаживал тесные связи с писательскими организациями краев и областей Северного Кавказа.

Работая по совместительству научным сотрудником Института национальной культуры КБАССР ныне (КБИГИ), Шогенцуков принимал деятельное участие в экспедициях по сбору и обработке фольклорных материалов.

Много труда и сил вложил он в развитие национальной музыки, хореографии, драматургии и театрального искусства. Будучи литературным консультантом Кабардинского хора, оказал большую помощь руководителю и главному дирижеру А. М. Покровскому и композитору А. М. Авраамову в обработке и переложении на ноты старинных кабардинских песен, ранее не знавших хоровой формы исполнения.

Занимаясь проблемами литературы и искусства, Шогенцуков не оставался в стороне от общественно-политической жизни. Как писала газета «Социалистическая Кабардино-Балкария» (1941, 27 февраля), «Шогенцуков – поэт, быстро откликающийся на события не только внутри страны, но и на события международного порядка».

Когда началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг., он одним из первых откликнулся на это событие гневными стихами «Все беритесь за оружие». Под этим названием вышел сборник стихов поэтов Кабардино-Балкарии осенью 1941 г., когда Шогенцуков уже был на фронте. Эшелон, в котором он ехал на войну, был уничтожен бомбами немецких самолетов. Оставшиеся в живых ополченцы оказались в плену и были брошены в Кременчугский (Украина), а затем в Бобруйский (Белоруссия) концлагеря; в последнем и оборвалась жизнь поэта.

Шогенцуков создал целую галерею женских образов, ставших символом красоты и величия горской женщины.

Выписанные с исключительной задушевностью, его героини привлекают цельностью характеров, высокой чистотой морального облика. По своему идейно-художественному значению они по праву занимают

достойное место в галерее образов певцов женской судьбы К. Хетагурова (Фатима), Т. Шевченко (Марьяна-черница, Гайдамаки), Н. Островского (Гроза), М. Горького (Мать) и др.

Гуртуев – один из основоположников профессиональной балкарской литературы, член Союза писателей СССР с 1934 г., занимал должности заместителя председателя Союза писателей Кабардино-Балкарии, председателя правления Союза писателей. Он был делегатом и участником первого Всесоюзного съезда писателей, получил из рук М. Горького билет члена Союза писателей СССР за его подписью.

В годы Великой Отечественной войны Берт Гуртуев, как и другие деятели культуры и искусства Кабардино-Балкарии, вступает в ряды действующей армии и активно участвует в войне в качестве политрука стрелковой роты и затем преподавателя пулеметно-минометного училища. За боевые и трудовые заслуги был награжден тремя орденами и тринадцатью медалями.

С 1944-го по 1957 г. вместе со своим депортированным народом находился в Средней Азии. Однако бедствия, выпавшие на долю балкарцев и на него лично, не сломили поэта духовно: и в изгнании он продолжает активную общественную и творческую жизнь.

С 1958 г. до выхода на заслуженный отдых (1974) работал в Союзе писателей КБАССР на должностях ответственного секретаря правления, редактора альманаха «Шуёхлукъ» (Дружба) и главного литературного консультанта.

За активное участие в общественной жизни неоднократно награждался Почетными грамотами республики, ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель искусств КБР» и «Народный писатель Кабардино-Балкарии».

Гуртуев Берт Измаилович родился 7 ноября 1910 года в сел. Белая Речка, КБР, умер 12 февраля 2001 года там же, – балкарский поэт, прозаик. Рано оставшись сиротой, испытал тяжелую долю батрака. Как писал сам Берт Измаилович, победа Октябрьской революции дала ему возможность получить образование. В 1931 г. окончил педагогическое училище при ЛУГе. Работал в органах народного просвещения, принимал активное

участие в общественно-политической жизни республики. Он внес большую лепту в создание первых учебников, разработку первой орфографии балкарского языка, в ликвидацию безграмотности.

На литературный путь поэт вступил в те годы, когда вся страна взяла курс на коллективизацию сельского хозяйства. И поэтому в ранних произведениях Гуртуева значительное место занимает тема борьбы за социалистические преобразования.

Его первый сборник стихов «Къызыл ёнле» (Красные голоса) вышел в свет в 1935 г. За него поэт был удостоен республиканской премии.

Творчество Берта Измаиловича Гуртуева периода Великой Отечественной войны пронизано чувством любви к родной земле, оно глубоко патриотично.

После возвращения на родину многие свои стихи он посвящает трагическому периоду в истории балкарского народа – его 13-летнему изгнанию с родной земли.

Но несмотря на перенесенные жестокие испытания поэт верит в жизнь, продолжает служить своему народу, что находит отражение в новых сборниках.

Любовь к простым людям, к их труду, мотивы дружбы народов, борьбы за мир, преданности человека родной земле конкретно звучат в его книгах.

Создавая лирические произведения, Гуртуев все более тяготеет к философским раздумьям о смысле жизни, о сущности человека и его предназначении.

Поэт реализует свои лирические раздумья в десятках сборников стихов, тем самым иллюстрируя пример ревностного служения родному народу, его культуре.

В истории балкарской литературы Берт Гуртуев известен не только как поэт, но и как прозаик. Он – автор известных широкому кругу читателей рассказов: «Брак Асият», «Басият», «Горящие могилы» и т. д., повестей «Бекир», «Адилгерий», романа «Жангъы талисман» (Новый талисман).

«Новый талисман» (1970) – многоплановый роман, повествующий о культурном, социальном, экономическом преобразованиях Балкарии в новой исторической эпохе – начале XX в.

Гуртуев – известный песенник, о чем говорят циклы песен в его сборниках. Кроме создания стихотворных и прозаических произведений, он занимался переводами всемирно известных поэтов: Пушкина, Шиллера, Лермонтова, Райниса, Стальского, Чавчавадзе, Маяковского, Навои и др.

Гуртуев проявил себя и как детский поэт. Цикл стихов «Сабийлеге» (Детям) в сборнике «Жарыкъ танг» (Светлое утро) – свидетельство того, что он не равнодушен к судьбе подрастающего поколения – детей, в которых он видит продолжателей дел своих отцов и дедов.

Берт Измаилович внес большой вклад в процесс становления профессиональной балкарской литературы. В его творчестве отразились этапы идейного роста не только самого писателя, но и всей национальной художественной словесности XX в., оно способствовало плодотворному развитию нового поколения художников слова.

Литературной деятельностью Шомахов начал заниматься с 1932 г. Первые публикации появились в сборнике «Япэ лъэбакъуэ» (Первый шаг. 1933). Он выступал во многих жанрах: поэзии, прозе, драматургии, публицистике, однако с наибольшей полнотой и художественной зрелостью его писательское дарование раскрылось в детской литературе. Его по праву можно назвать первопроходцем, стоявшим у истоков становления и развития кабардинской детской литературы. Большое влияние на его творчество как детского писателя оказала его многолетняя педагогическая деятельность, позволившая изучить и усвоить детскую психологию во всех ее тонкостях. По верному определению А. Шортанова, «у поэта удивительный дар входить в тесный контакт с детьми. С неподражаемой виртуозностью он может представить сказочника, мудрого старца, смелого витязя, плутоватую лису, мальчугана-озорника, задиристую девчонку – везде особые, самим поэтом найденные краски, тональности, образы».

Шомахов Амирхан Камизович родился 10 октября 1910 года в сел. Нижний Курп Терского р-на КБР, умер 13 июля 1988 года в г. Нальчике, – кабардинский писатель. С 1920-го по 1924 г. учился в сельской школе, после которой поступил в ЛУГ, который окончил в 1929-м. В 1933 г. окончил Северо-Кавказский педагогический институт в г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ). До 1935 г. работал преподавателем педтехникума. После службы в армии (1935–1936) работал в педтехникуме преподавателем, завучем, директором. В 1938, 1939 гг. – редактор республиканской газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», с 1940-го до весны 1941 г. – первый секретарь Баксанского РК КПСС, тогда же избран депутатом Верховного Совета КБАССР. В начале 1941 г. как имеющий высшее педагогическое образование и опыт работы в школе, Шомахов был назначен народным комиссаром просвещения республики. После освобождения Нальчика в январе 1943-го от немецких оккупантов его вновь назначили редактором газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария», где он проработал до конца 1944 г. С начала 1945 г. Шомахов – секретарь Баксанского РК КПСС. С 1946-го работал директором Кабардинского книжного издательства; с 1949 г. – министр просвещения республики; с 1952 г. – ответственный секретарь правления Кабардино-Балкарского отделения Всесоюзного общества по распространению общественных и политических знаний; с 1955-го – зам. главного редактора республиканской газеты «Къэбэрдэй пэж» (Кабардинская правда); с 1957-го по 1960 г. – главный

редактор журнала «Юашхъэмахуэ». В 1955-м Шомахов заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1965 г. до ухода на пенсию (1970) работал ответственным секретарем Союза писателей КБАССР. Шомахов был членом Союза писателей и Литфонда СССР с 1949-го.

За заслуги в области литературы ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель искусств КБАССР» (1949), «Народный поэт КБАССР» (1977). Дважды награжден орденом «Знак Почета» (1957, 1970) и многими медалями.

Стихи для детей с их теплыми, искренними интонациями жизнерадостны и поучительны. Это – красивые, увлекательные картинки-миниатюры из Страны Детства, в которых занимательный сюжет органически сочетается с простотой и непринужденной живостью поэтического языка, свободного от словесных ухищрений и штампов.

Как прозаика Шомахова волновали коренные перемены, которые произошли за годы Советской власти в республике, в сознании людей, производстве, общественной жизни и быту. Богатство внутреннего мира современного горца, его патриотизм, интернационализм, трудовые свершения, подвиг народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., послевоенное строительство и жизнь современного села – таковы главные темы его прозаических произведений.

В годы войны, будучи первым секретарем райкома партии, в условиях военного времени проводит большую работу по оказанию помощи фронту, по мобилизации населения на строительство оборонительных сооружений города Прохладного, принимает непосредственное участие в создании партизанского отряда, в подготовке отпора надвигающимся на Кавказ немецким войскам. Когда немцы заняли районный центр Кашхатау 28 октября 1942 г., Будаев участвует в боевых операциях партизан. Во время одной из них тяжело ранен, попал в руки врага и был расстрелян.

За короткий жизненный путь Азрета Кичибатыровича было написано немало, но многие его неопубликованные стихи и личный дневник были утеряны в годы войны. «Ценность творчества Азрета Будаева состоит и в том, что в его стихах отпечаталась вся история, весь ход развития и роста балкарского народа... Здесь и боль, и печаль, благородные порывы, пре-

красные дела. Поэзия Будаева воспитывает любовь к Родине, призывает идущее в жизнь поколение свято хранить лучшие традиции народа и умножать их...» – писал Д. Бычков в предисловии к посмертно изданной книге «Азрет Будаев. Стихи и поэмы» (1962).

Будаев Азрет Кичибатырович родился 7 октября 1915 года в сел. Верхний Баксан Эльбрусского р-на, умер 4 декабря 1942 года в пос. Кашхатау Черекского р-на КБР, – балкарский поэт. Родился в семье бедняка. Отец – Кичибатыр Будаев был участником русско-японской войны. Сам безграмотный, он мечтал дать образование сыну. Однако большая нужда заставила восьмилетнего мальчика взять в руки пастуший посох: сперва юный Азрет пасет сельское стадо, а потом работает в батраках у местного кулака.

Десятилетнего Азрета отец отдает в Верхнем Баксане в медресе для обучения арабской грамоте. Однако вскоре медресе закрывается. Спустя некоторое время, в селе открывается первая школа по обучению детей на родном языке. Будаев оказался способным учеником. В 1931 г., окончив семилетку, он уезжает учиться в Пятигорск, где поступает на годичные учительские курсы. В 1932 г. возвращается в Нальчик и работает учеником-наборщиком в типографии им. Революции 1905 г. Спустя год переходит в редакцию газеты «Ленинчи жол» (Ленинский путь) сначала корректором, а с 1935 г. он – ответственный секретарь.

В 1938 г. – работает в книжном издательстве, а в 1939 г. – в обкоме партии Кабардино-Балкарии. До начала Великой Отечественной войны находился на посту первого секретаря Холамо-Безенгиевского райкома партии.

Первое опубликованное стихотворение поэта называлось «Кхарангыдан жзарыкыгъа» (Из темноты к свету. 1939). В этом лирическом произведении автор описывает свою батрачью жизнь у кулака. Два временных пространства – прошлое и настоящее – даны в контрастных красках.

В своих произведениях Азрет Будаев стремился показать недопустимость и бесчеловечность насилия. Такая направленность художественного отражения действительности диктовалась эпохой острой классовой борьбы.

Результатом непрерывной творческой деятельности Азрета Кичибатыровича становится первый сборник «Стихле бла жырла» (Стихи и песни. 1935). Через три года поэт издает вторую книгу «Мени Родиnam» (Моя Родина. 1938).

В 1936 г. Будаев написал первую поэму «Мараучуну хапараы» (Рассказ охотника), которая принесла молодому поэту широкую известность. Его вторая поэма «Алгъын» (Раньше) была написана в 1939–1940 гг. и издана отдельной книгой в 1941 г. Этим произведением автор продолжил лироэпическую традицию Кязима Мечиева. В ней воспроизведена жизнь в феодальной Балкарии.

В 1941 г. в газете «Социалистическая Кабардино-Балкария» от 5 июля было напечатано одно из последних стихотворений поэта «Ата Журт урушха алгъа» (Вперед, на защиту Родины), в котором призывал к защите отечества от немецко-фашистских захватчиков.

Родился 22 октября 1920 года в сел. Старый Черек Урванского р-на КБР, умер 1 мая 1957 года в Нальчике, – кабардинский поэт. После окончания местной средней школы будущий поэт поступил на педрабфак, а после его завершения в 1936 г. – на филологический факультет КБПИ.

В 1940 г. после окончания учебы Бетал уехал из республики в Приморский край, где работал учителем русского языка и литературы. В 1941 г. молодой поэт добровольно ушел на фронт и воевал до конца войны; несколько раз был тяжело ранен; при освобождении г. Витебска водрузил над городом Красное знамя; закончил войну в звании майора; за боевые заслуги был награжден орденами Красного знамени, Александра Невского, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями.

Чтобы очистить немецкое образование от фашистской идеологии, Куашев в числе других был включен в администрацию г. Лейпцига инспектором народного образования. Он демобилизовался только в 1947 г. Тогда же поступил в аспирантуру при институте языка и мышления им. Марра АН СССР. После завершения учебы работал научным сотрудником в КБНИИ, затем ответственным секретарем альманаха «Къзэбэрдей».

Писать стихи начал в студенческие годы, печатался в альманахах, газетах. За трудные военные годы сложился и окреп талант Бетала Куашева.

Наиболее творчески активным было последнее десятилетие жизни поэта. В этот период он вел многогранную деятельность: писал стихи, поэмы, либретто, сказки. Вобрав в себя опыт двух прославленных мастеров слова – А. Шогенцукова и А. Кешокова, – Куашев нарушает ставшую традиционной силлабо-тоническую ритмику стиха неожиданным инверсионным синтаксисом. Это расширило рамки художественной выразительности, дало выход новым формам кабардинского стихосложения, глубина и сложность которых закономерно возростала.

При жизни Бетала Ибрагимовича вышли в свет две книги его стихов: «Си гъащЭм и гуащЭз» (Мой труд. 1950) и «Салам!» (на русском языке; 1955).

Цикл стихов «На чужой земле» посвящен преимущественно народам ближневосточных стран, в частности, Египту («Самум», «Трудом арабов», «Приход англичан»). Грандиозен живой образ самума – сухого вихря пустыни. В поэтическом сознании поэта самум символизирует не только природную, но и социальную энтропию жизни.

В поэмах Куашева, как и в стихах, главный герой – угнетенный народ. В поэме «Паломник в Каабу» поэтически осмыслена и отражена другая форма гнета арабского народа со стороны религиозных служителей – на примере трагического паломничества бедняка, который не смог расплатиться у новых ворот халифа.

Поэма «Два Джона» – о судьбе двух Джонов – черного и белого, служивших в армии США. Сразу после войны, находясь в Лейпциге, Бетал Ибрагимович с товарищами часто встречался с союзниками, как это было принято. Однажды они встретились с американцами, среди которых был негр. Куашеву понравилась его яркая белозубая улыбка. Много позже он услышал, что в Америке линчевали негра-фронтовика, это глубоко потрясло поэта. Тогда и родился замысел поэмы «Два Джона». Движимый идеей расового неравенства, автор больше пересказывает трагическую участь черного Джона: он совершает подвиг на поле боя, спасает от смерти белого тезку, но его, раненого, игнорируют, как негра, – не оказывают ему медицинской помощи. В основу поэмы положена общегуманистическая идея – судьба страдающего человека, – это всегда и для всех понятно и близко.

После смерти Бетала Куашева был издан двухтомник на кабардинском языке (1958 и 1966), куда вошло почти все, что было написано поэтом.

Как любого художника слова, Куашева волнует тема собственного призвания: поэзия, которой он служит, отождествляется им с истиной («Лжи у лживых не краду»). Поэзия – это та редкая стихия, которая единственно способна вынести за границы собственного сознания в тот заповедный мир образов, куда доступ открыт лишь избранным поэтам.

Своего наивысшего взлета поэзия Бетала Куашева достигает в лирике. Именно в этом жанре проявляется всеми гранями его талант, так как он обретает полную поэтическую свободу и независимость. Художник с чутким поэтическим тактом не допускает ни одного неверного слова, которое не сочеталось бы с общей тональностью, с единой поэтической картиной.

Особенной, заветной темой стала для него родная река Черек. Символ реки вмещает все другие центральные образы жизни поэта: дорогу, возвращение, текучесть самих жизненных явлений, борьбу, противоборство; река же – символ долга, прочности, вместе с тем – быстротечности жизни, фатальной устремленности в вечность («Черек»). Поэтической вершиной явилось стихотворение «Выйти к Череку» – гимн родине, любви и самой жизни.

Бетал Ибрагимович весьма успешно занимался переводами. Он перевел на кабардинский язык некоторые произведения Пушкина, Маяковского, Хетагурова и других авторов. Он принимал активное участие в сборе нартских сказаний. Ему принадлежат научные статьи, такие, как «Адыгэ IуэрыIуатэм и тхыдэр» (История адыгского фольклора) и др.

Своеобразный принцип организации текста, основанный на совокупности автономных поэтических отрывков, образующих подобие мозаики, народность языка, живость диалогов, динамичность сюжета, острота и напряженность конфликта – главные отличительные признаки, которые делают пьесы Утижева сценичными.

Первая пьеса Бориса Утижева – драма-сказка «Нартхэ я дыгъэ» (Солнце Нартов. 1970) написана по мотивам нартского эпоса. Его выдающимся вкладом в адыгскую драматургию стала трагедия «Тыргъэтау» (Тыргатао, первый вариант – 1976, второй, доработанный – 2000), в основу которой легли события, имеющие место в древнем адыгском государстве Синдика (IV в. до н.э.). Пьеса – о судьбе меотской царицы Тыргатао, двойственный образ которой тщательно выписан драматургом. Драматургу удалось соединить в ней несовместимые понятия – женское начало и обостренное чувство гражданского долга. Мужественная воительница, сочетающая в себе женскую красоту, супружескую верность, материнскую добродетель, она гибнет в противоборстве своих несовместимых ипостасей.

Борис Кунеевич Утижев родился 15 октября 1940 года в сел. Зарагж Урванского р-на КБР, умер в 2008 году в Нальчике, – кабардинский драматург, поэт, языковед. Окончил сельскую среднюю школу, историко-филологический факультет КБГУ (1968), целевую аспирантуру Института языкознания АН Грузинской ССР (1971), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук» (1972). Работал старшим научным сотрудником отдела кабардинского языка КБНИИ. С 1991 г. – главный редактор республиканского литературно-художественного журнала «Іуашхэмахуэ».

За заслуги в области культуры награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР (1990), Заслуженный работник культуры РФ (1996), Народный писатель КБР (2001), лауреат международной премии Кандура (1998), член Союза писателей СССР (1982), Союза журналистов РФ (1994).

Наибольшую известность Борис Утижев получил как драматург и являлся ведущим в этом жанре. В результате синтеза национальных поэтических традиций и образцов классической европейской драматургии он создал пьесы, позволяющие считать его автором кабардинской поэтической драмы.

Историческая направленность отчетливо просматривается и в пьесах

«Лъыгъажэ жэщ» (Ночь кровопролития. 1976), «Адыгэ хъбарыжь. Мазагъуэ» (Старинное адыгское предание, или Мазаго. 1990), «Дамэлей» (Дамалей. 1991). Сюжетом своих исторических пьес Борис Кунеевич выбрал наиболее драматические и значительные периоды жизни адыгов.

В жанре философской притчи написана социально-бытовая драма-повесть «Кхъужьейбэ» (Грушевая роща. 1984).

В основу драмы-новеллы «Гукъэкыжхэм я гъатхэ» (Весна воспоминаний), опубликованной в сб. пьес «Адыгэ хъбарыжь» (1995), легла фабула рассказа «Гум и тезыр» (Приговор сердца. 1979). Объектом внимания драматурга здесь выступают нравственно-этические категории. Нечистая совесть предстает перед судом собственного сердца героини.

Антагонизм взаимоотношений человека и общества, их внутренний и внешний конфликт составляют сюжетную основу трагедии «Эдип» (1996), написанной по мотивам древнегреческой легенды о фиванском царе Эдипе. Это – первое в истории кабардинской литературы произведение, где использован античный сюжет. Предельно сконцентрировав и заметно переинтонировав, Утижев нашел в древнегреческом мифе чисто адыгскую призму, сквозь которую мастерски преломил суть волновавших его проблем.

Значителен вклад Бориса Утижева в историю становления и развития адыгской комедиографии. Его первая комедия «Шамхун и фызышэ» (Свадьба Шамхуна. 1971) легла в основу либретто музыкальной комедии с одноименным названием, премьера которой состоялась в 1973 г. (муз. М. Балова). Жанровая палитра комедий Утижева разнообразна: водевиль, фарс, памфлет, скетч и др.

Дебют Бориса Кунеевича под псевдонимом «Аг Зарагиж» состоялся в 1985 г., когда в журнале «Гуашхэмахуэ» начал функционировать основанный им сатирикон «Хъужэ и куэбжэ» (Ворота Ходжи), состоящий из трех разделов: «ГушыIэхэр» (Юмор), «ПIэскIуэгъэхэр» (Эпиграммы), «ГушыIэ вернисаж» (Веселый вернисаж). В 1995 г. вышел сборник эпиграмм и дружеских шаржей Утижева на известных деятелей литературы, науки, театрального и музыкального искусства КБР «ГушыIэ IэшрыI» (Юмористическая смесь).

Проблемы глубоко психологического и философского звучания составляют содержание поэтического сборника «Си Дахэнагъуэ» (Моя Даханаго. 1987), куда вошли два цикла стихов, написанных в разные годы.

Самобытность поэтического дара Бориса Утижева особенно проявилась в его сонетах, отличающихся поразительной широтой смыслового диапазона – одна и та же форма служит и вместилищем для глубоких философских обобщений, и инструментом для исследования тончайших психологических нюансов.

Как ученый-языковед Борис Кунеевич внес свой вклад в решение актуальных вопросов современного адыгского языкознания, в частности, грамматики и лексикологии кабардинского языка.

*К 70-летию
первого балкарского
профессионального композитора
Абдина Байчекуева*

Хусейн ЗАНКИШИЕВ

МУЗЫКА – КАК ЖУРЧАНИЕ РУЧЬЯ

Идешь по горной тропе, поросшей редким лесом и густой травой, солнце печет вовсю, во рту пересохло... И вдруг слышишь журчанье бегущего по камням родника. Припадаешь губами и пьешь ледяную воду.

Думаю, с таким родником сравнима музыка первого балкарского профессионального композитора Абдина Мутаевича Байчекуева. Сегодня ему исполнилось бы 70 лет.

Родился Абдин в старинном балкарском селении Кёнденлен.

Утром 8 марта 1944 года мальчишка Абдин, его родители со своим народом лишились родных гор. Семья чабана Мутая Коналиевича Байчекуева оказалась в далекой Киргизии. А здешний колхоз, что находился в Ивановском районе Фрунзенской области, носил имя Сталина, человека, по злой воле которого многие народы были насильно изгнаны из родных мест.

Мутай Коналиевич трудился изо всех сил, чтобы прокормить своих малолетних детей, спасти их от болезней, которые уносили целые семьи. Но, спасая других, сам не уберется.

Его дети Ариуба, Абдин, Алим, Алексей, Ануар – один меньше другого – остались на попечении рано овдовевшей Апу. Она не жалела ни себя, ни времени, чтобы ее дочурка Ариуба и сынишки были сыты и одеты, чтобы они ходили в школу, не завидовали детям, у которых были живы отцы.

Но все это Апу давалось нелегко. Это уже понимали Ариуба и Абдин, сочувствовали матери. Они всячески помогали ей, заботились о младших братьях. Особенно много доставалось старшему из сыновей – Абдину, который согласно горским обычаям стал главой семьи.

Хорошо помню, как мы с Абдином таскали весной хворост на себе, а зимой возили дрова на санях. На летних каникулах собирали колос-

ки, работали на свекловичных, кукурузных плантациях... Словом, мы, мальчишки послевоенных лет, жили крестьянской жизнью. Абдин ничем не выделялся среди нас, на совесть делал любое дело. А на уроке пения равных ему не было. Как он любил слушать народные песни! Пел их парнишке дядя по материнской линии Окуб Чеченов. Удивительно быстро запоминал Абдин слова и мелодии только что услышанных песен. На другой день эти же песни он пел уже самому Окубу. И однажды, похлопав по плечу юного певца, старый мастер сказал: «Молодец, племянничек! Так держать!» Как-то учителя попросили спеть, но он указал на Абдина: «Не мучайте меня, старика. Соловейчик-то рядом... Начинай!»

Помнится и такой случай. За работу на колхозном току мы получили деньги и обрадовали своих родителей. А вот Абдин заставил поволноваться свою мать. Всю ночь искали его, но не нашли. Он нашелся лишь на второй день. Шел к дому, играя на новой гармошке. Собрались соседи. Абдин играл все новые мелодии... По их просьбе он неоднократно исполнял популярнейшую тогда песню из индийского кинофильма «Бродяга».

Юный балкарец неплохо пел по-киргизски. Он увлекся песнями народного акына Киргизии Токтогула Сатылганова. Поэтому и прозвали Байчекуева «маленьким Токтогулом». Он чудесно исполнял песни этого знаменитого певца-импровизатора.

А потом была собственная песня «Тебе, красавица» на слова Иссы Боташева. Исполнял ее тогда еще молодой певец Сергей Беппаев. Позднее были и другие исполнители. Песня была переведена на разные языки, получила широкую известность. Автор посвятил ее самому дорогому человеку – своей матери.

Первый успех окрылил юного музыканта. Абдин создает новые песни, которые быстро стали популярными. Это уже в родной Кабардино-Балкарии. Сама встреча с любимыми горами, отчим краем вдохновляла начинающего композитора на создание талантливых произведений. Абдин учился в Нальчикском кооперативном техникуме и пел известные песни, сочинял собственные. Работал на Кабардино-Балкарском радио – пел в хоре, создавал новые песни, а когда была восстановлена балкарская труппа Республиканского драмтеатра, наряду с известными актерами пополнил ряды молодых, преданных искусству людей.

В спектакле по пьесе Иссы Боташева «Рассвет в горах» Абдин играл роль мальчика-партизана Махмуда. Она была не из легких. Здесь требовалось мастерство, чего не хватало молодому актеру вспомогательного состава. Но старательный юноша справился со своей ролью.

Байчекуева направили в театральное училище имени Щепкина. Но увлечение музыкой помешало ему стать драматическим актером. Зато в стенах этого престижного учебного заведения им были написаны такие чудесные песни, как «Вальс московских студентов», «Песня чабана», «Моя любимая»... Их мелодии западают в душу, остаются с нами, кочуют по горным селениям и степным просторам.

Кстати, слова этих песен написаны самим композитором, они, как и многие другие произведения, были записаны и выпущены всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия».

До конца своей жизни он продолжал выступать в трех ипостасях – композитор, поэт-песенник и писатель.

Вершиной музыкального творчества Байчекуева являются песни на стихи Кайсына Кулиева и Танзили Зумакуловой. Их совместная работа способствовала появлению многих замечательных произведений. Одно из них – «Родина моя – песня моя» на стихи К. Кулиева, по праву называют гимном родной земли. Песня написана в Баку, когда композитор учился в народной консерватории имени Узеира Гаджибекова.

К Байчекуеву часто можно применить слово «первый». Вот тому примеры. В молодой балкарской профессиональной музыке выросли три члена Союза композиторов СССР: Абдин Байчекуев, Мустафир Жеттеев и Анатолий Рахаев. Первым из них был Байчекуев. Первое крупное музыкальное произведение написано им. Абдин Мутаевич создал первую балкарскую кантату на «Горскую поэму о Ленине» Кайсына Кулиева. Сам факт рождения кантаты для двух солистов, хора и оркестра явился крупным событием в культурной жизни республики. Теплый отзыв оставил Кайсын Кулиев о композиторе: «Абдин Байчекуев еще молод, но он талантливый музыкант. Его кантата на мою поэму – значительное явление в истории развития нашей музыкальной культуры. Это монументальное произведение. Я поздравляю его с крупной победой...».

Сегодня мне вспоминается, как тепло отзывался композитор о своих друзьях. В его становлении сыграли большую роль Хасан Карданов, Мухадин Балов, Нихат Османов, Хажбекир Хавпачев и другие композиторы и музыковеды нашей республики. Он гордился своими именитыми учителями. Это Мурат Кажлаев из Дагестана, Фазиль Ахметов из Казани, Жолон Мамытов из Фрунзе (Бишкек). Так, по просьбе Мамытова наш земляк написал песню «Мой Кыргызстан», посвященную Чингизу Айтматову. По словам композитора, она понравилась нашим киргизским друзьям.

Особое место в творчестве Байчекуева заняли его встречи с В. И. Соловьевым-Седым, Людмилой Зыкиной, Дином Ридом, Эдуардом Хилем, Аллой Пугачевой... Они состоялись в ГДР, где в 1973–1977 гг. работал Байчекуев.

– Мои песни, написанные в тогдашней ГДР, – говорил он, – нравились нашим немецким друзьям.

Он был участником Берлинского фестиваля «Советская песня – 76», где с большим успехом исполнял свои произведения о мире, дружбе, родной земле.

– Здесь я выступил с песней «Безымянные могилы» на слова Танзили Зумакуловой, – вспоминал Абдин, – она передавалась и по радио ГДР.

Творческая дружба композитора с лауреатом Государственной премии РСФСР им. М. Горького Танзелей Зумакуловой продолжалась много лет. Ими создано немало волнующих душу песен, которые вошли в золотой фонд музыкальной культуры Кабардино-Балкарии. Таковы, например, «Доброе утро, люди», «Ты – моя утренняя звезда», «Матери», «Ты – моя отрада».

Рассказ о самобытном композиторе был бы неполным без упоминания о его журналистской деятельности. По долгу службы Байчекуев часто

выезжал в города и селения, на летние пастбища, помогал учреждениям культуры, писал очерки, рассказы о передовых людях республики. Он шефствовал над Домом культуры селения Герпегеж до тех пор, пока не вывел его из числа отстающих. А потом написал книжку «Светлый дом», где был показан опыт герпегежцев.

Байчекуев – автор нескольких сборников песен. Последняя книга Абдина называлась «Музыканы юсюнден сёз» («Слово о музыке»). Она увидела свет в 1988 г., уже после смерти композитора. Байчекуев много времени и сил отдал сбору и обработке музыкального фольклора балкарцев и карачаевцев, готовился к защите кандидатской диссертации на эту тему, но не успел.

Заслуженный деятель искусств нашей республики, лауреат Государственной премии КБАССР, член Союза композиторов СССР А. М. Байчекуев был в расцвете творческих сил. Много хороших песен хотел подарить нам Абдин Мутаевич. Теперь надо говорить лишь о том, как сберечь и использовать богатое наследие композитора. Правда, его песни, как и прежде, часто передаются по радио и телевидению. Но любители музыки незнакомы с его произведениями последних лет. Часть из них даже не записана на пленку. Сделать богатое наследие первого балкарского профессионального композитора достоянием народа, которому он так преданно служил, – наш долг перед памятью талантливого земляка. Его замечательные песни стали нашими спутниками, помогают нам жить. А создатель их по-прежнему живет в своих бессмертных творениях.

И в этом – смысл жизни, в этом – величие таланта.

Руслан КАРЧАЕВ

Клубок

Как-то все в этой жизни запутано,
Размотать бы хотелось клубок.
У богатых – карманы раздутые,
А у бедных – пустой кошелек.

Кто-то сделал себе состояние,
Стала рыночной наша страна,
А вокруг – нищета и бесправие,
Да еще на Кавказе война...

Мы разрушили то, что построили,
И теперь в душах – деготь, не мед.
Мы правительство раньше не поняли,
А теперь всяк себя не поймет...

Что мне в жизни дано?

Что мне в жизни дано?
Жаль, неведомо мне:
Сколько жить суждено
На греховной Земле?

Постараюсь испить
Свою чашу до дна
И грехи искупить
Постараюсь сполна.

Что мне в жизни дано,
Я стараюсь понять,
Сколько трудных дорог
На проселки менять?

Только душу свою
Не позволю сломить,
И в неравном бою
Должен я победить.

Живем в страданиях на Земле,
И каждый это испытает.
Упал, не усидел в седле, –
От боли человек страдает.

А иногда болит душа,
Когда нам очень одиноко,
Болит и гаснет, не спеша,
Но до положенного срока.

И как же все предугадать?
Известно это только Богу.
Нам остается только ждать
И верить в чудо понемногу.

Счастье, где ты?

Счастье, где ты? Что с тобою?
Загляни в мой дом!
Сразу дверь тебе открою,
С радостью притом.

Протяну к тебе я руки:
Жду давно, поверь!
От нужды, а не от скуки
Я открою дверь.

Все проходят дни и ночи
С мыслью о тебе,
Не хватает тебя очень
Мне в моей судьбе!

Мое спасение

Может, ты и есть мое спасение?
Мне с тобою встретиться пришлось.
Нравишься ты мне, и без сомнения,
Хочется, чтоб тайное сбылось.

Знаешь ты, что вовсе не красавец я,
Прожил я уже немало лет,
Но и я хочу тебе понравиться,
Да и ты мне часто смотришь вслед.

Подари мне счастье

Подари мне счастье
И про все забудь,
Мне в твоих объятиях
Хочется заснуть.

Ну, скажи хоть слово,
Только не молчи,
И засветят снова
Звездочки в ночи.

Протяни мне руки...
Где ж твоя любовь?
От сердечной муки
Застывает кровь.

Улыбнется в небе
Месяц молодой.
Ну, скажи хоть слово,
Я – навеки твой!

Журавли

Вот один я остался,
В моем сердце печаль:
С журавлями расстался,
Улетевшими вдаль.

Я с надеждой и верой
Помашу им рукой,
Вместе с осенью серой
Пусть вернут мне покой.

В небе облачном, синем
Их привычный маршрут...
Год за годом, как ныне,
Птичьи стаи плывут.

Там, в бескрайнем просторе
Растворятся они,
И останется вскоре
Только память о них.

Сафарби ЗАГАШТОКОВ

О любви

Любовь сладка, как жизнь весной,
Не избежать ее капкана,
Какой ни шел бы стороной –
Поймает, поздно или рано.

Она годов не признает,
Обычаев не соблюдает.
В ее лучах вершинный лед,
Искрится и послушно тает.

Она и зло, и благодать,
Все существо воспламеняет,
Велит смеяться и рыдать,
Одним движеньем жизнь меняет.

Все забирает, и сполна,
И безраздельно правит миром.
Любовь захочет – и луна
Ей будет скромным сувениром.

Чуть улыбнется вам любовь –
Все станет радужным и милым,
Когда ж она нахмурит бровь –
Бесцветным, мрачным и унылым.

То петь заставит, танцевать,
Забывать заботы и печали,
А то вдруг обратится вспять
И душу выступит в печали.

И как ее ни назови,
Ей тесно в оболочке слова,
Но кто узнает власть любви,
Поймет: она всему основа.

Аслангери БЕРБЕКОВ

Я умолял, просил прощенья,
Уже стремился в мир иной.
Но, раз осталось вдохновенье,
Ее добыюсь любой ценой.

Есть на свете девушка Марьяна,
Я уверен – ей подобных нет.
Говорить об этом с нею рано?
Или поздно? Кто бы знал ответ...

Вот еще полетела звезда,
За собой оставляя лишь след.
И исчезнет она навсегда,
Нам даруя навеки свой свет...

Не молчи, свое сердце открой!
Где звучанье заветного слова?
Трудно ждать мне бывает порой,
И надеяться, снова и снова...

Я видел сон, в котором ты
Меня совсем не замечала.
И что напрасны все мечты –
Все без конца и без начала...

Моря все высохли давно.
Погасло солнце навсегда.
Дуть ветру – больше не дано.
А сердце – просто глыба льда...

– Я вижу свет, торопят ноги,
Как будто кто меня зовет.
– Да что с тобой, уйди с дороги,
Та штука на тебя идет!

В Москве она, в Багдаде ли, Париже?..
Куда идти за ней – понять бы мне,
И вероятность нашей встречи ниже,
Чем встретить динозавра на Луне...

Иногда на шахматной доске
Остаются только две фигуры.
Как и в жизни, только там в тоске –
Что несовместимы их натуры.

Я не солгал, хоть правду не сказал.
Она заключена в моих строках,
Что лишь одной тебе я посвящал,
Преодолев волнение и страх.

Здесь снег, там зной, здесь мрак, там свет.
И здесь и там – везде любовь...
И через сотни тысяч лет
Материки сойдутся вновь.

Сегодня я не вижу света,
Тепла не чувствую нигде.
Нет от любви моей ответа,
И сердце стонет, как в беде.

Ни мадригалов, ни сонетов,
Все, что так грело – позади.
А я, отчаянный, советов
Не слышу, только – стон в груди.

Все сердцу бедному нейдет –
Любовь не хочет отпустить.
Она уйдет и не вернется,
И без нее придется жить.

А как? – не знает мое сердце,
Ему тем лучше, чем скорей
Увидеть путь к закрытой дверце
Среди распахнутых дверей.

Эльдар КАРДАНОВ

Праздник в Верхней Балкарии

*Посвящается К. М. Асановой,
настоящей горянке*

В Верхней Балкарии – радостный той,
Эхом веселья наполнены горы.
Старый и малый, в сторонке не стой!
Музыка громче, живей разговоры.

Чей это голос сзывает народ? –
Птицей кружится над верхним аулом,
Звонче кристальных стремительных вод,
Встречен везде одобрительным гулом.

Дочь этих гор, этих гордых вершин,
Здесь родилась, и по этой тропинке
Шла к роднику, чтоб наполнить кувшин,
Видя, как туры сошлись в поединке.

Слыша заоблачный клекот орлов,
Статной горянкой росла год от года.
Сердце искало особенных слов
К музыке, что подарила природа.

Песня, родившись, не знает оков,
Дар – как алмаз, обретающий грани.
Стала желанной в домах земляков
И засветилась звездой на экране.

Предвосхищая счастливый восход,
Голос ее согревает, как прежде,
Славит свой край, вдохновляет народ,
Служит опорой любви и надежде.

Непринужденно ведет разговор,
Зритель любит телеведущей.
Речь ее плавная, смысл ее скор
И справедливей молвы вездесущей.

Кто же певица, чей голос так чист...
И композитор она, журналист...
Облик прекрасен... Но кто же она?
Это – жемчужина гор – Кулина!

Амина КАЗИЕВА

Боюсь оказаться в своем же капкане,
Расставить ловушки своими руками.
Людские грехи так и тянутся к нам,
Тоскливо и холодно по временам.

Но надо нам жить и судить без пристрастья,
В душе собирая крупичами счастье.
Герой может грех победить в себе сам,
И просьбу о милости слать небесам,

И гнев победить и безумие злобы,
И щедрым прослыть, просто так, а не чтобы...
Хочу пожелать всем, кто раньше не мог, –
Умейте прощать, и поможет нам Бог!

Крутое облако зовет
Меня на левый поворот.
И в понедельник улетим –
За дивной птицей – вместе с ним.

Мне все равно – куда лететь,
С тобою буду гордо петь.
Хочу я быть такой, как ты,
Хочу уйти от суеты.

Останусь птицей навсегда –
Чертить на небе два следа,
Весенним ветром дни листать,
Тебя любить, тебя ласкать.

Может, зря я так горюю,
Может, просто не судьба.
До сих пор себя корю я,
В сердце чувств идет борьба.

Помещаю чувства в строки,
Что хотелось, не сбылось.
Но придут другие сроки,
Будем счастливы, но – врозь.

Заира ХАЧЕТЛОВА

Опустевшие улицы,
Снова близится дождь.
Я пытаюсь вернуться,
От судьбы не уйдешь.
Не отпустит, поверь мне,
И вернуться нельзя.
И в знакомые окна
Вновь стучится гроза.
Я молюсь и дыханием
Все пытаюсь продлить,
Но в жестоком сознании
Ничего не убить.
Только память бесценна,
Остальное все прах.
Жизнь проходит мгновенно,
Со слезой на щеках.

Запомни все, все то, что было,
Запомни мир, каким он был.
Где сердцу ты любовь простила,
Где над рекой туман уплыл.
Запомни ночь, как знак угрозы –
Холодный, мрачный взгляд луны.
Как на щеках блестели слезы,
А мы – в объятьях тишины.
Запомни все, тоску и грезы,
Как две сестры – добро и зло.
Запомни мир, и наши слезы,
И все, что было, что прошло.

Я от тебя бежать устала,
Оставь, пожалуйста, меня.
Тебе не вижу – все сначала:
Ищу сама я, все кляня.
А может, ты мне дан судьбою?
Я в это верить не хочу.
Я не желаю быть с тобою...
Но почему-то вслед лечу.

Мариям УЗДЕНОВА,
ученица II класса МОУ «СОШ с. Кичмалка»

Молодежь ругают ныне, –
Впрочем, как во все века, –
Нет, мол, чести и в помине,
Мысль бесцельна и легка,

Беззаботно им живется,
Слишком много им дано,
То, что совестью зовется,
Разбазарено давно...

Что сказать, и в веке новом
С правдой смешивают ложь.
Не хочу я гневным словом
Целить в нашу молодежь.

Иногда я размышляю
О делах моей страны,
О любви к родному краю,
О заветах старины,

О поступках молодежи,
О могуществе идей...
Знаю: нам всего дороже
Мир во имя всех людей.

Нам завещаны победы
Наших дедов и отцов,
Мы в грядущем их полпреды
И хранители основ.

И не в праздности, не в лени,
Не в корыстной суете,
Но в учении – ступени,
Что приблизят нас к мечте.

В наших планах мир нам тесен –
В наших душах непокой,
Радость в звуках наших песен,
И до звезд подать рукой.

Анатолий СЫТНИК

Золотая осень Кавказа

Песня

Расплескались осенние дивные краски,
Нам открылись кавказские мудрые сказки,
Я люблюсь прекрасной, желанной порой:
Чародейкой-природой, раздольной красой.

Золотая, обильная, теплая осень,
Чаровница привольная, пестрая в просинь,
Для обильной страды дан бесчисленный дар,
Листопадом багровый разносится жар...

Пламенеют кострами уж кисти рябин,
В небесах журавлиный проносится клин.
Это чудо!.. Здесь желто-багровый убор,
Лабиринты высоких заснеженных гор.

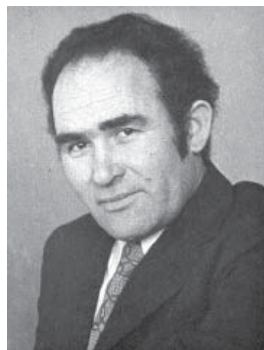
Здесь краса исполинов хребтов и вершин,
Да просторы морей, и степей, и долин
Повторяют извечный заветный наказ:
«Полюбите душою чудесный Кавказ!..»

Расплескались осенние дивные краски,
Нам открылись кавказские добрые сказки,
Я люблюсь прекрасной, цветастой порой,
Чародейкой-природой с манящей красотой.

Привет: Нам осень злато листьев шлет
И в небе птичьих стай полет.
Красив, широк осенний свет,
Багрян и желт у флоры цвет.

К 75-летию Петра Кажарова

Петр Кажаров принадлежит плеяде кабардинских писателей и поэтов, которые пришли в литературу в конце 50-х гг. С самого начала своей литературной деятельности он с достоинством и профессиональным мастерством выполняет взятую на себя нелегкую миссию воспитания словом. У него нет ни одного стихотворения, не озаренного светом душевного тепла и доброты. Бесхитрость, отсутствие лукавства, светлые мечты – это язык его поэзии. Самобытный поэт, он никогда не стремится к многословию, никогда не сходит с главной своей авторской позиции: говорить правду, какой бы горькой она ни была.

Петр Хаибович Кажаров родился 7 ноября 1935 года в сел Арик Терского р-на КБР. После окончания семилетней сельской школы учился в республиканской школе-интернате в г. Нальчике. В 1954 г. он поступил на историко-филологический факультет КБГУ. Получив высшее образование (1959), начал работать редактором-сценаристом на Кабардино-Балкарской студии телевидения. С сентября 1959-го по декабрь 1981 г. работал редактором художественной и детской литературы издательства «Эльбрус», а затем главным редактором детского журнала «Нур» (1982–1997). На XI съезде писателей республики Петр Кажаров был избран членом правления Союза писателей КБР и творческой комиссии по кабардинской литературе. Затем – ответственным секретарем Союза писателей КБР. Член Союза писателей СССР (1971). Он награжден медалью Президиума Верховного Совета СССР «За освоение целинных и залежных земель» (1957, 1958), медалью «За вклад в развитие советской литературы», знаком «Отличник печати» (1978), Почетной грамотой Госкомиздата республики. За заслуги в области литературы и искусства Петру Хаибовичу присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РФ» (1995).

На протяжении всего творческого пути Кажаров с основательной скрупулезностью исследует духовный мир своего лирического героя. В центре его пристального внимания человек с радостями и бедами, удачами и поражениями, вечными поисками и находками. Лирический герой поэта привлекателен своей неуспокоенностью, бескорыстием, постоянным поиском чего-то нового, манящего своей неизведанностью.

В его поэзии большое место занимают циклы, в которых свежее отражение находят и приметы родного края, и нестареющие обычаи горцев, и неповторимые песни старины, и сложная духовная жизнь современников. Лейтмотив этих стихов – светлая, очень человеческая мечта героя быть полезным людям.

Значительный вклад Кажарова и в развитие кабардинской детской литературы. Большую роль в этом деле сыграла его редакторская деятельность в объединенной редакции детских журналов. Кажаров – автор сказок, написанных легким, красивым речитативом, с использованием исконно адыгской детской лексики.

Он также автор либретто оперы «Волшебная груша» (1996; муз. А. Казанова), а также либретто оперы «Лесная сказка» (1995; муз. Х. Карданова). В соавторстве с Х. Шехихачевым им написано либретто к музыкальной комедии «Тайна сердца» (1984; муз. З. Жирикова). Петр Хаибович – автор более двухсот песен, полюбившихся народу.

К 75-летию Кашифа Эльгарова

Эльгаров – известный кабардинский поэт, прозаик, журналист, переводчик. Первые его стихи появились в печати в 1955-м, и с того времени он публикуется в республиканской и центральной прессе. Когда республика готовилась к Декаде литературы и искусства в Москве, в 1957 г. вышел сборник молодых кабардинских поэтов, озаглавленный названием стихотворения Эльгарова «Голос горной реки». Год спустя вышел его первый поэтический сборник «С восходом солнца» (1958). Стихи и поэмы Эльгарова пронизаны ощущением красоты бытия, исполнены глубокого лиризма и гражданственности. Темы его поэтических сборников взяты из самой жизни. Он пишет о героических подвигах отцов во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., о нелегком послевоенном детстве своего поколения, о селских тружениках, поднимавших разрушенное войной хозяйство.

Значительное место в его поэзии занимают нравственные проблемы. Обращение к миру у Кашифа Эльгарова неотделимо от раздумий о судьбах людей, о смысле жизни, о высших человеческих ценностях, – о том, что дорого в наше время каждому честному труженику.

Эльгаров Кашиф Мисостович родился 10 октября 1935 года в сел. Шалушка Чегемского р-на КБР. После окончания сельской средней школы (1955) был направлен на учебу в Москву, в Литературный институт им. А. М. Горького. Завершив учебу в институте (1960), вернулся в Нальчик и работал редактором республиканской телестудии (1960–1965), литработником республиканской газеты «Ленин гъуэгу» (1965–1968), помощником ответсекретаря этой же газеты (1968–1970), затем перешел в редакцию журнала «Гуашхъэмахуэ» редактором отдела поэзии (1970–1977). С 1977-го работает ответсекретарем журнала. В настоящее время – и.о. главного редактора журнала «Гуашхъэмахуэ».

Эльгаров – член Союза писателей с 1959-го, награжден Почетными грамотами Верховного Совета КБАССР (1962), Верховного Совета СССР (1967), орденом «Дружба народов» (1995), медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), имеет почетное звание «Заслуженный работник культуры КБР» (1985).

Он автор многих повестей и рассказов. Поэзия и проза Кашифа Эльгарова дополняют друг друга, позволяя автору более глубоко и всесторонне осмыслить явления действительности, уловить происходящие вокруг него перемены в жизни, его произведения известны за пределами республики, публиковались на украинском, абхазском, азербайджанском, грузинском, осетинском и других языках.

Как журналист, Эльгаров внимательно следит за трудовыми свершениями современников. Герои его очерков – люди высокой морали, знающие свое дело, достойно продолжающие традиции старших поколений.

Эльгаров – автор переводов на кабардинский язык стихов Николая Тарбы «Страна души» (1990), книги В. Пановой и Ю. Бахтина «Жизнь Мухаммеда» (1993), Священного Писания «Коран» (1996). Творчество Эльгарова продолжает лучшие национальные традиции кабардинской литературы.

*К 70-летию
Анатолия Парпара,
лауреата литературной премии
журнала «АХБ»*

Душа радостно светлеет, когда встречаешь такое талантливое явление, как Анатолий Парпара. И трудно, и легко писать о нем. Трудно, потому что он – ренессансный человек, вобравший в себя много граней художественной натуры. Успешный писатель-историк, на счету которого две широко известные исторические драмы в стихах, серьезное историческое исследование «Державные строители России»; проникновенный поэт-лирик; блестящий переводчик, общественный деятель, редактор, просветитель, эссеист и взыскательный летописец современного литературного процесса, щедро откликающийся на все заметные явления литературы.

Да, трудно охватить все перечисленное одним взглядом, так естественно и гармонично воплотившееся в одном человеке.

А легко потому, что, несмотря на все им сделанное, достигнутое и свершенное, он остался добрым, солнечным, справедливым человеком, который постиг заповедь: чем больше отдаешь, тем больше получаешь.

Дитя войны, он хлебнул в оккупации сверх меры и голода, и холода, и ужаса бомбежек. Поколение детей войны оказалось поразительно стойким, героическим, оно было сродни поколению победителей и вписало в историю страны немало ослепительных страниц.

Отслужив на флоте на Балтике четыре года, Парпара навсегда остался верен узам матросского товарищества, о котором вспоминает с сердечной благодарностью и восторгом.

В 80-е годы он создает главное произведение своей жизни, над которым работал 15 лет и за которое получил в 1989 году Государственную премию РСФСР им. Горького, – поэтическую драматургическую историческую дилогию «Противоборство» и «Потрясение».

«Противоборство» – эпоха Ивана III, завершившего соби́рание русских земель под рукой Москвы, противостоянием на Угре блистательно ознаменовавшего освобождение Московской Руси от татарского ига.

«Потрясение» – Смутное время, трагичнейший развалный период русской истории, напоминающий то, что произошло с Россией сейчас, в 90-е годы прошлого столетия. Выход России из смуты – только в объединении всех здоровых сил нации, в осознании самобытности своего исторического пути, в подвиге народа, в подвиге Минина и Пожарского во имя национального спасения. Единство усилий спасло тогда государство, спасло Россию.

«Мне нравится чувствовать себя необходимым моей державе и населяющим ее огромное пространство людям», – говорит Анатолий Парпара. И продолжает:

*Какое глубокое небо над милой Отчиной моей,
Какая высокая правда восходит от этих полей!
Какая спокойная мудрость в просторах ее разлита,
Какая моей Отчины безмерная доброта!*

Анатолий ПАРПАРА

Железноводск

Теперь он знаменит тем, городок привольный,
Что бескорыстно людям отдает
Ток солнечных лучей,
И воздух горный,
И жаркий ток своих подземных вод.

Но городок еще не открывает тайны,
Которую домишко сохранил:
Ведь это в древнем, в нем, поэт опальный
Часы последней ночи торопил.

Он, видно, что-то знал о жизни занебесной,
Коль бушевал в душе небесный шквал,
Коль откровенно и предельно честно
Под пулю друга сердце подставлял.

И нам ли клокотать со страстью иноверца,
Нам горячить ли слабые умы,
Когда мы своего не знаем сердца,
Когда своей души не знаем мы.

Но нам дано внимать бессмертью немо
И наблюдать движение светил
Всерьез благодаря святое небо
За то, что гений землю посетил.

Пушкинская галерея

*В Железноводске восстанавливается
знаменитый памятник культуры*

Слух праздный слышать непривычен
Стук топора в таких местах –
Наследница имперской выси
Стоит в строительных лесах.

О, Пушкинская галерея,
Ты обернула время в прах:
Неотвратимо мы стареем –
Ты молодеешь на глазах.

Над суетой земной взлетели
Крыла изящные опор.
Для русского святые тени
В тебе гуляют до сих пор.

Эпох различных перекличка,
В которой ожили на миг,

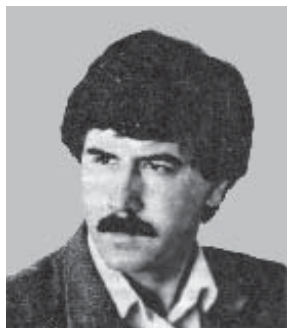
Прародичей прекрасных лица
В ряду ровесников моих.

И, как естественная вежа,
Слились в стенах твоих для всех
Смех девятнадцатого века
И нового тысячелетья смех.

Я мавзолеи не жалею –
Их время кончилось уже,
Но я лелею галерею,
Как имя Пушкина в душе.

Мне кажется, она томится,
И тайного сигнала ждет,
Чтоб, словно сказочная птица,
Сорваться в радостный полет.

К 60-летию Абдуллаха Бегиева

«Молодому поэту удалось создать книгу высокой и тонкой лирики, никого не повторяя, создать свой поэтический мир, сказать свое слово в родной поэзии», – столь высокую оценку личности и творчеству писателя дал К. Кулиев, заметив при этом, что «в родную балкарскую поэзию пришел большой, оригинальный поэт, который сделает для нее очень много».

Лирика поэта богата жанровыми формами. Это и верлибры, и сонеты, и притчи. Нежной грусти и трепета исполнены стихи, посвященные любимой женщине: («Люблю тебя...»), («Себя в тебе...»). Но порой строки его философской лирики отдают удручающим отчаянием – «слезы горькие тая», ностальгией по ушедшей юности, запечатленной в сознании как легкое, скользящее облако. Ощущение закрытости мироздания, лабиринтного функционирования бытия становится для поэта неким катализатором поиска причины истинного положения вещей.

Планетарный размах мысли, априорное восприятие фактов действительности как бы поднимают автора над строками, над земными заботами. Абстрагируясь в высшем свете, разуме, он обращается не к каждому в отдельности, а ко всему сущему.

Поэзия может быть понятой и принятой тогда, когда она способна обнажить истинное лицо жизни, в озарении и драматизме, несправедливости и подлоге ценностей. Таковы стихи Бегиева. В их фокусе оказываются разнообразные объекты. Сомнения и тревоги сменяются нежной и захватывающей игрой воспоминаний о детстве, пленительные нотки любовной песни отголоском отдаются в повседневности быта, утверждая право на счастье. Произведения поэта, написанные для детей, значительно обогатили национальную балкарскую поэзию свежестью красок, глубиной проникновения в детскую психологию, а художественные переводы А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. Есенина, Г. Гейне, Ж. Петефи, М. Джалиля и др. позволили балкарскому читателю в полной мере ощутить силу слова выдающихся мастеров искусства.

Абдуллах Мустафаевич родился 19 октября 1950 года в сел. Первомайское Ивановского р-на Киргизской ССР, – балкарский поэт, переводчик, публицист. Среднее образование получил в сел. Верхняя Жемтала КБР. В 1969 г. поступил на историко-филологический факультет (русско-балкарское отделение) КБГУ. По окончании, в 1975 г., стал работать переводчиком республиканского радио. Последующие 8 лет – до 1983 г. – был корреспондентом республиканской газеты «Коммунизме жол», старшим редактором Кабардино-Балкарского телевидения. В 1983–1985 гг. продолжил образование на Высших литературных курсах при Литературном институте им. Горького в Москве. До 1991 г. Бегиев – литературный консультант Союза писателей КБР. С 1991 г. – редактор литературно-художественного журнала «Минги Тау». С 1993-го по 1998 г. – главный редактор журнала. Член Союза писателей с 1989 г. В настоящее время – заместитель председателя Союза писателей КБР.

К юбилею Марии Виндижевой

ПОЮЩАЯ ПОЭЗИЯ

Кабардинский поэт-песенник, радиожурналист, член Союза журналистов России, лауреат Артиады Национального Артийского комитета РФ, победитель творческого конкурса Союза писателей КБР «Молодые голоса – 75» Мария Виндижева в этом году отмечает свой юбилей.

Ее стихи, положенные на музыку разных композиторов Кабардино-Балкарии, стали песнями.

Главная тема Виндижевой – любовь к родине, к своему народу. Она очаровывает читателя, вызывает в его сердце ответное чувство. Большое место в ее творчестве занимают дети. В издательском центре «Эль-Фа» в 2005 г. вышел ее сборник песен «Дорога детства», где собрано 56 любившихся детских песен. Министерство науки и образования КБР одобрило и рекомендовало его как учебное пособие для уроков пения в общеобразовательных и дошкольных учреждениях. В книгу «Антология кабардинской поэзии» вошли стихи Виндижевой в переводе на балкарский язык поэтом С. Гуртуевым.

На стихи М. Виндижевой написано свыше 160 песен композиторами КБР: А. Дауровым, З. Жириковым, Б. Кабардоковым, З. Зарамышевой и др. Многие из них вошли в репертуары ведущих артистов КБР, стали любимыми в народе. Ей удалось провести несколько творческих вечеров, которые собирали полные залы публики разного возраста. С присущей женственностью и мягкостью в ритме адыгского стихосложения автор воспеваает лучшие человеческие качества – любовь, верность, преданность. Ее до глубины души трогают первые шаги ребенка и мудрость старшего поколения, красота адыгских обычаев и тепло родного очага. Она является выразителем беззаветной любви к Родине, ее природе, к матери, к человеку.

Одной из особенностей поэтического творчества является то, что песенный и стихотворный текст создаются по-разному, с учетом соответствующих жанру требований. Стихи Марии, созданные для песен, уже изначально отличаются мелодичностью и ритмичностью, напрашиваясь на то, чтобы их не только читали, но и напевали. Многие строки были созданы на основе уже готовой музыки, что подчеркивает мастерство и талант автора.

Известный писатель Адам Шогенцуков в свое время отметил: «Особое внимание привлекает стихосложение Марии... для нее характерно и классическое мышление, и классическая манера создания стихов, и в то же время она мастер кабардинского стихосложения... Каждое сказанное слово выполняет свою роль, имеет свое предназначение».

Если Мария Николаевна пишет о любви, то это чувство становится всеобъемлющим, всех охватывающим «Насып кысхуоклуэ» (Счастье идет), «Нэ дахэ» (Красивые глаза), «Сыкьэпльагьур пэжмэ» (Если любишь) и др. Автор подчеркивает видимость этого чувства, которое отражается в облике человека, которое невозможно скрыть, потому что становится его частью. И в то же время любовь многолика и контрастна – она становится то холодом, то болью – «Хэпльы

хэдэж» (Присмотрись и выбери), то звездой счастья – «Схуэблэ куэдрэ уэ, си насып вагъуэ (Свети мне долго, звезда счастья), то через некоторое время сгорает дотла – «Схурегъ и скрипкэр Паганини» (Пусть поплачет мне скрипка Паганини).

Философское звучание мы находим в строках о жизни «Си щІалэгъуэ», (Моя молодость), «Школ узджынэ», (Школьный звонок), «Псальэ» (Слово). Осознание неизбежности ухода детства и молодости не покидает лирического героя. Она обращается к ним как к живым, – «Зэману дахэ, сумыгъэпІашІэ» (Не торопи меня, время).

В творчестве Виндижевой мы находим и отражение фольклорных традиций, в основном песенных, подтверждением чему являются «Старинные напевы черкесов», «Горская песня», «Абхазская плясовая». «Ей, маржэ» и др.

Особое внимание привлекает одна из удивительных граней таланта Марии Виндижевой – она заявляет о себе как своеобразный детский поэт. Мир детей полон действий, движений, динамики, поэтому мы в стихах наблюдаем преобладание глаголов.

Кроме того, в большой мере для детской поэзии характерно игровое начало: игра смыслом и звуком, отсюда богатство рифм, ассонансов, аллитераций, повторов, звукоподражаний. Нередко первые стихи становятся для ребенка первым знакомством со звуковой выразительностью родной речи. Такие строки относятся к песням для самых маленьких, когда для ребенка характерны лепет, повторение звуков и действий за взрослыми. Такое стихотворение напоминает в чем-то прибаутку, потешку, в чем прослеживаются элементы детского фольклора, который по преимуществу основан на игре. Стихи поэта-песенника М. Виндижевой – поэтическая зарисовка детской доброты, красоты родной земли и светлой любви.

Мария ВИНДИЖЕВА

Полнолуние

Полнолуние сегодня так светит,
Путь к судьбе нам с тобой озарит.
Мое сердце с любовью играет
И таинственно, нежно стучит.
Но мой милый сегодня вздыхает,
Но мой милый сегодня молчит.
Вдохновенье над нами летает,
Но не может его разбудить.

Привет: Полнолуние, ты полнолуние,
Только ты пожалей, помоги.
В его сердце, ну хоть на мгновенье,
Чувство нежности ты разбуди.

О ком милый сегодня вздыхает,
О чем милый сегодня молчит?..
А сердечко в груди нежно тает,
И томленье его теребит.

Звезды в небе тихонько сгорают
И безумно на землю летят.
Мое сердце мечты забирают,
Как луна – мой доверчивый взгляд.

Навеки с Россией моя Кабарда

Земля моих предков, моя Кабарда,
Орлиной страной величают тебя.
Вершина Кавказа светла, высока,
Как души адыгов, она широка.

Едино сплотились и навсегда
Великая Русь и моя Кабарда.
Связала нас дружба надежным узлом,
Средь братских народов мы дружно живем.

Кавказским радушьем встречаем гостей,
И дружба крепчает все больше, сильней.
Как верности символ над нами горят
Четыре столетия и лет пятьдесят.

Живем под красивой кремлевской звездой –
Счастливой, могучей, единой семьей.
С тобой неразлучны, мы вместе, страна.
Навеки с Россией моя Кабарда!

Пой, Кавказ

Ты птицею счастья к нам с песней пришла
И счастье на крыльях с собой принесла.
Пусть ввысь поднимается в небе заря –
Несущая радость песня моя.

Припев: Пой, Кавказ,
Пусть песня летит над горами!
Пой, Кавказ,
Ты радость моя и печаль.
Пой, Кавказ,
Пусть песня летит над полями!
Пой, Кавказ,
Пусть песня стремится вдаль.

Лети, моя песня, над нами лети
И мирное небо лучом освети.
Народам Кавказа всем радость неси,
А в пляске джигита не подведи.

Гордимся тобой, величавый Кавказ,
Красой удивляешь гостей каждый раз,
Недаром жемчужиной люди зовут.
И в Налчике все, словно братья, живут.

Салих ЭФЕНДИЕВ,
доктор философских наук, профессор КБГУ

Природный талант

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения талантливое кабардинского поэта Бетала Ибрагимовича Куашева. Бетал Куашев – рано погасшая звезда, не успевшая реализовать все свои замыслы и творческие возможности, заложенные Космосом, Природой, Богом, в генотипе, но поэт оставил огромный духовный след в истории кабардинской литературы.

По природе Бетал Куашев был высоко одаренным человеком. Поэт обладал широкими кругозором и диапазоном мышления и философским складом ума. Об этом свидетельствуют его многочисленные стихи, поэмы и статьи по истории фольклора.

Балкарский поэт Сафар Макитов в знак глубокого уважения памяти Бетала Куашева написал стихотворение «Закат звезды». В одной строфе он выразил боль из-за смерти своего друга и собрата по перу.

Закат звезды? Что тут еще скажу?
Я просто слов других не нахожу.
Закат звезды... снова, как смерть, просты...
Но нам оставил свет – как след звезды¹.

Перевел Л. Шерешевский

Кайсын Кулиев в своей статье «Голос родной земли», опубликованной в Польше, высоко оценил творчество Бетала Куашева. Он писал: «Большой популярностью пользовался у кабардинских читателей поэт Бетал Куашев, очень рано ушедший из жизни в 1957 году». «Когда я приехал из Киргизии в 1956 году, – говорил Кайсын Кулиев, – Бетал Куашев был в расцвете творческих сил».

Однажды в беседе с Кайсыном Кулиевым автор этих строк спросил его: «Кайсын Шуваевич, я читал стихи Бетала Куашева. Поражаюсь этим поэтом, и как жалко, что он так рано умер. Вы были знакомы с Беталом Куашевым?»

Внимательно послушав меня, Кайсын Кулиев в глубоком раздумье ответил так: «Я с ним был в очень близких отношениях, мы подружились и часто гуляли в парке. Для меня Бетал был одним из талантливых поэтов, высокоинтеллектуальным, добрым и хлебосольным человеком. Можно сказать, что Бетал жил для друзей. Он был человеком наивным, с открытой крестьянской душой, очень щедрым и всегда угощал людей. В нем органически сочетались незаурядный природный талант и добрые

¹ *Макитов С. Сияние гор. М., 1968. С. 47.*

человеческие качества. Бетал был простым и доступным человеком в общении. А это редкое явление. Таким он остался в моей памяти.

Я знал его около года. В конце хочу сказать, что Бетал был поэтом-новатором. Его уход из жизни в таком молодом возрасте для меня был большим огорчением. Тогда я очень переживал, мне было больно в душе. Его творческое наследие заслуживает глубокого исследования в контексте развития нашей литературы»¹. Такую высокую оценку дал Кайсын Шуваевич незабвенному Беталу Куашеву.

Действительно поэзия Бетала Ибрагимовича – это вечно горящая звезда на небосклоне национальной литературы России. В ней он занимает достойное место. Бетал был истинным патриотом-интернационалистом. Он радовался от души и горячо приветствовал возвращение балкарского народа из Средней Азии и Казахстана.

Сафар Макитов вспоминает, что Бетал Куашев был улыбчивым, веселым и очень общительным человеком. Мне всегда было приятно и радостно говорить с ним. Я никогда не забуду, как он радовался нашему общению. Бетал с такой любовью сказал: «Я тосковал по вам, мои балкарские братья. Знайте, как я люблю балкарский народ. Недавно проездом был в Гунделене, как меня в клубе встречали старики, пожилые женщины, девушки и молодые парни. Мне было радостно, что так тепло и душевно встретили меня жители села. Тогда я понял душу балкарского народа, его уважительное отношение и гостеприимство. Теперь, общаясь с вами, Сафар, и с другими балкарцами, постепенно я буду изучать балкарский язык»². Все это свидетельствует о его любви и глубоком уважении к балкарскому народу.

Но судьба распорядилась по-другому: поэт преждевременно ушел из жизни. Он общался с балкарцами несколько месяцев. За такое короткое время Бетал Куашев оставил в памяти балкарского народа незабываемый след.

Память – это могущественный феномен. Это бессмертие именно выдающихся людей, которые преумножили нравственные ценности народа. Именно такой личностью является талантливый поэт и большой гуманист первой половины XX века Бетал Ибрагимович Куашев. Такие люди, как Куашев, составляют гордость народа.

Здесь отметим, что до сих пор вспоминают жители села Гунделен зажигательную речь поэта, обращенную к вернувшимся на родину балкарцам. Тогдашним молодым парням и девушкам сейчас 65–70 и более лет. Но они всегда добрым словом вспоминают Бетала Куашева, первого человека, приехавшего приветствовать возвращение нашего народа в отчий край, сказавшего от души добрые и благожелательные слова. Сейчас многие говорят, что приезд Бетала Куашева для нас был праздником.

Тогда его слова сидящим в клубе служили бальзамом для раненной души. Особенно впечатляющим было, когда он говорил: «Салам, мои балкарские братья!» Один из присутствовавших на этой встрече вспо-

¹ Личный архив профессора Эфендиева С. И.

² Там же.

минал: «Тогда эти слова для нас звучали, как эхо в горах. Мы все встали и аплодировали, а у некоторых стариков в глазах появились слезы от радости. Все это увидев, поэт низко поклонился. Никто не ожидал такого восторга. Пожилые, молодые подходили к поэту и крепко обнимали его, и он был растроган, когда увидел, что по щекам стариков текут слезы. Как жалко, что не фотографировали его выступление и не записывали на магнитофон его эмоциональную речь в адрес балкарского народа. Это имело бы большое историческое значение. К сожалению, тогда никто не имел фотоаппарата и других технических средств. Мы слушали поэта, затаив дыхание, на нас он произвел огромное впечатление. Он выступал, как оратор-трибун. Его голос до сих пор в моих ушах. Когда узнали, что он скоропостижно умер, мы очень огорчились и глубоко переживали, что так рано ушел из жизни молодой талантливый кабардинский поэт». В конце рассказчик, которому ныне семьдесят пять лет, отметил, что приезд и выступление кабардинского поэта в то время имели большое культурно-историческое значение. «Это потому имело такое значение, что в течение тринадцати лет на чужбине мы не слышали таких сердечных слов о балкарском народе, которые шли из глубины души поэта. Это было в высшей степени уважение к нашему народу».

В этой небольшой статье я не поставил целью всесторонне анализировать творчество поэта. Для глубокого социально-философского осмысления поэзии Бетала Куашева требуется много времени и кропотливой работы. Это на будущее.

Здесь я лишь хотел выразить свое глубокое уважение к талантливому поэту, славному сыну кабардинского и балкарского народов, так как он в равной степени любил эти братские народы.

Отдавая дань уважения выдающемуся поэту, человеку высочайшего интеллекта, хочу сказать, что Бетал Куашев был истинным сыном своей земли, крупной фигурой, возвышающимся колоссом той исторической эпохи, в которой он жил.

По названию сборника стихов «Салам» видно, что у поэта сильно было развито чувство мировосприятия. Поразительно, что он так тонко улавливал и чувствовал явления природы родной земли. Поэт безумно любил свой отчий край и всю жизнь был связан пуповиной с родной землей, воспевал белоснежные вершины гор и бурные речные потоки. В стихотворении «Черек» он писал:

Все, что в душе моей чисто и свято,
Связано кровно с тобою навек.
Долго ходил я дорогой солдата,
Снова к тебе я вернулся, Черек.

Много прошел я земель чужедальных, –
Правда сияла на чистом штыке.
Сколько мне рек повстречалось печальных, –
Слезы и кровь были в каждой реке!

Плавно текли чужеземные реки,
Но убегали, души не согрев.

Только на родине, только в Черке
Я услышал кабардинский напев.

Как материнская речь, ты близка мне,
Влага, бегущая из ледников.
Как я люблю эти белые камни,
Эти верблюжки горбы берегов!

Каждой весною, почуяв раздолье,
Скалы крутые ломал ты порой,
Но, замечая твое своеволие,
В спор еще мы не вступали с тобой...

Рекам России не видел я равных,
В реках России мы черпаем свет.
Я от красавиц, сестер твоих славных,
Передаю тебе звонкий привет.

Скоро в бетонное платье оденем,
Бурный Черек, мы твои берега,
Ты засияешь нам солнцем весенним,
Хлынешь на наши поля и луга.¹

Перевод С. Липкина

Поэзия Бетала Куашева – это огненный факел; идущее биомагнитными пучками тепло, согревающее душу читателя. По свидетельствам очевидцев, поэт обладал уникальной энергией и тем самым притягивал людей к себе. Бетал всегда был душой компании, человеком веселым, жизнерадостным, приветливым и неунывающим. Таким он и останется в памяти народа навсегда.

В конце следует подчеркнуть, что необходимо отметить 90-летие со дня рождения поэта в республиканском масштабе и провести межвузовскую теоретическую конференцию, посвященную его юбилею. Это будет иметь не только большое научно-познавательное, но и актуально-практическое значение в воспитании подрастающего поколения и формировании его мировоззрения в условиях глобализации. Войдя в современную цивилизацию, мы должны сохранить свои национальные корни. И не должны предавать забвению имена своих выдающихся предшественников. Без прошлого нет настоящего и будущего. Из прошлого надо брать огонь, а не пепел.

Для нас поэзия Бетала Куашева – это огненный поток и внешний спутник. Следует сказать, что поэт умер 53 года тому назад. Первый сборник стихов «Салам» на русском языке был издан в 1955 году при жизни поэта. До сих пор большое количество стихов и поэм Бетала Куашева не переведены на русский язык. Поэзия одного из талантливых поэтов нашей литературы не стала достоянием русскоязычного читателя в современном геокультурном пространстве. Это большое упущение творческой и научной интеллигенции Кабардино-Балкарии.

¹ Куашев Б. Салам. Нальчик. 1955. С 58, 59.

Людмила ГУРОВА*Не привыкай к любви...*

Что мы знаем о любви? Пожалуй, ничего. Да, блистательные умы и таланты искали мучительно ответ на этот вопрос. Создавали бессмертные строки, посвященные ей. Но так и не дали ответа. И человечество с каждым новым поколением, с каждым новым этапом, витком своего развития по-прежнему ищет Любовь. Обязательно с большой буквы. Обязательно единственную и неповторимую. Одну и на всю жизнь.

О такой – мой рассказ.

Жили-были две хорошие семьи: папа, мама и детишки. В одной – два сына, в другой – дочь, и близнецы – мальчишка и девчонка. Все было у них хорошо. Взрослые работали, создавали благосостояние, а детвора росла не по дням, а по часам, радуя родителей первыми словами, первыми шагами, а потом уже и школьными успехами, спортивными достижениями. И все мечтали – о счастье, которое все еще впереди.

Так было на земле. Но были, видимо, и другие планы относительно наших двух семей – небесные. Что-то было уготовано свыше старшему сыночку и младшей красавице-дочке. А с волей небес, как известно, человеку не состязаться.

Они погодками были. Артур родился 27 июля 1983-го, а Марита – 26 октября 1984 года. Но он не дожил до возраста Лермонтова, а свое двадцатилетие она встретит в статусе вдовы.

Марита оканчивала медицинский факультет КБГУ. Столько забот навалилось. Но девушка находила время и на друзей-подруг. И однажды, третьего февраля 2009 года, ее познакомили с юношей. «Ах, какой парень, – закатывали глаза подруги. – Сама увидишь». Увидела и подумала: «Ну, и что такого особенного? Парень как парень». Однако... исповедимы пути небесные. И вот Артур уже встречает нашу капризницу после занятий. (Сам-то он университет тот же окончил годом раньше.) Вот он приглашает ее в кафешки, на концерты, прогулки и заполняет собой не только все свободное время Мариты, но и пространство. Девушка несколько удивлена – как-то необычно, непривычно... А ведь происходят события прямо в канун Дня Святого Валентина! И Марита ловит себя на мысли о подарке: дарить – не дарить. Склоняется к отрицательному решению: отношения так скоротечны, ни к чему как бы не обязывают, а тут она – с подарком. Неизвестно, как воспримет и что вообще подумает.

Следом – очередной праздник. День защитника Отечества, который наша щедрая слабая половина человечества единодушно отдала всем мужчинам без исключения. В этот день Артур пригласил Мариту погулять-покататься. Чувствуется, что он несколько напряжен, но шутит, смеется и вдруг:

Артур и Марита Хажалиевы

– Ты меня любишь?

Девушка несколько растерялась.

– Ну... люблю.

– Ты выйдешь за меня?

Сердце Мариты бешено билось, мысли метались, обгоняя одна другую. А юноша тем временем что-то говорил, приводил аргументы в защиту таких скоропалительных решений. И, наконец, такой:

– Я без тебя уже не могу.

Марита сказала «да», а сама думала о своей семье, живущей в Баксане: как она может сообщить им о своем решении.

Тем временем Артур уже звонил по телефону: «Мама, я женюсь!» Видно, сообщение так потрясло его маму, что она и не поняла его сути, а просто согласилась со своим старшим, очень рассудительным и очень серьезным

сыном и отключилась. И тут-то до нее «дошло». Быстро перезвонить:

– Артур, ты что сказал?

– Да, мама, да! В воскресенье едем свататься! (Дело происходит в четверг.)

До Мариты тоже «дошло»: и сестра старшая в доме, и папу надо бы в известность поставить, как-то преподнести свой сюрприз. И отправляется девушка в родные пенаты да напрямик к тете любимой: мол, что хочешь – делай, как хочешь – поступай, да только помоги мне. Выслушала та племянницу да и пошла в дом к родне. Как уж там судили-рядили, но сумели прийти к выводу, что становиться поперек судьбе как бы не стоит.

Мудрый папа серьезно поговорил с дочкой любимой: окажется избранник человеком достойным, станет ему сыном. А нет – жизнью своей дочь расплачиваться будет.

И все завертелось-закружилось-понеслось на белоснежных крыльях ангельских. Свадьбу назначили на восьмое мая. В подготовке задействованы были все. А так как невеста все-таки оканчивала университет, то массу ее обязанностей взяла на себя сестричка старшая. Как время летело! Никогда еще две семьи не жили в таком темпе. Артур, известный предприниматель, победитель ряда республиканских конкурсов и выставок, вызвавший к себе бешеный интерес проектом выращивания страусов, работающий над постоянным развитием многопланового бизнеса, на все находил время. Вся его деятельность требовала массу времени, обязывала

поддерживать постоянные контакты с нужными людьми, партнерами и просто многочисленными друзьями; но на первом плане у него теперь – Марита, их общее будущее, о котором они постоянно мечтают и говорят.

Свадьба была замечательная. Жених и невеста светились счастьем, радовались, глядя на них, две семьи и многочисленные гости.

Марита вошла в дом жениха не просто женой старшего сына, а дочерью – отец Артура неоднократно говорил, что всегда мечтал о дочке, но получились сыночки. Он иногда и друзьям представлял ее как дочь.

Как они торопились жить. Хотели везде побывать, все увидеть. И однажды узнали, что в их семье ожидается пополнение. Артур уже не воспринимал жену отдельно от малыша. Он говорил: «Я вас люблю», «Я за вами заеду». Они жили в родительском доме, но знали, что у них обязательно будет дом свой, для большой семьи, в которой всем будет хорошо.

Счастье несло их в своих теплых ладонях. Маритин папа признался, что у него появился еще один сын – в лице Артура. Он полюбил его. Родственники и друзья радовались за молодую семью.

Знать бы им... Хотя были какие-то знаки... И шутивное гадание подружки, и свадебное платье, которое едва успели «спасти» в «Еврохимчистке» перед самой поездкой в загс, и запропадившийся паспорт... Но сегодня Марита говорит, что сумела не замечать ни знаков, ни слов, перешагнуть через все. Доведись повернуть время вспять, она снова пройдет тот же путь – короткого, трагического счастья...

Артура Хажалиева убили. Отца его – Юрия Хажалиева, бросившегося на защиту своего первенца, убили тоже. (Об этой трагедии написали все средства массовой информации.)

Но наш рассказ не о трагедии. О счастье.

Она, его девочка-жена, почувствовала. Он же сказал, что заедет за ними. Время вышло. А он даже не позвонил?! Нет, быть такого не может! Артур знает – у них будет скоро сын, он бережет жену, о малейших изменениях предупреждает. Марита начинает звонить сама: не отвечают, занято, вне зоны доступа. Каким-то звериным чутьем она понимает – пришла беда.

Дальше – черно-белый мир.

Они остались одни. Конечно, мама Артура потеряла в один день мужа и сына. Их младший сын потерял отца и брата. А она... Она потеряла все. Любовь, мужа, их неродившийся сын уже сирота. И они все стали искать в себе какие-то силы, а в окружающем мире – точки опоры. Мама Артура понимала, что если она опустит руки, то как же будет все терпеть Марита? А как будет справляться с жизнью малыш? И она берет себя в руки. Ее младший сын за короткий срок преобразился из баловня судьбы и семьи в единственного мужчину в доме, приняв на себя всю ответственность за судьбы тех, кого доверил ему Всевышний. Глядя на них, искала в себе силы и Марита. Малыш как-то не торопился в этот мир. Врачи сбивались в сроках: должен родиться 14 февраля... Нет, 18 февраля... Но нет, снова сломали все небесные планы – Артур Артурович Хажалиев родился 23 февраля, в годовщину того дня, когда его папа сделал предложение

его маме... Что это? Случайность или последнее «прости» за все несостоявшееся? Судьба или знак – кто объяснит...

Малыш растет. Улыбается беззубым ротиком и гарцует у мамы на коленях. Говорят, ничего не понимает. Да вот только кто знает... Мне кажется, его глазами смотрит на нас непостижимая вечность.

Марита живет в семье Хажалиевых. С радостью и болью принимает ее родная семья в Баксане. Что-то ждет их всех впереди. Да только как узнаешь...

Гуляя с Артуром-младшим по улицам Нальчика, Марита не может не вспоминать Артура-старшего. «Там мы бывали с Артуром. И туда он приглашал меня. И все самые красивые места республики мы объехали вместе. Он всегда говорил, что у нас все должно быть общее. Воспоминания тоже».

Вот такая Любовь.

Я слушала всех, кто мог что-то рассказать, добавить. Кого-то душили слезы, кто-то выходил, не в силах сдержаться. Марита не прятала слез, не стеснялась их, не скрывала своей растерянности перед судьбой: почему так быстро все пролетело.

Нет, не пролетело. Живет в ней. И страшно болит. И кто знает, перестанет ли?

Душа болит, и сердце плачет,
А путь земной еще пылит.
Но тот, кто любит, слез не прячет,
Ведь не напрасно душа болит.

...На заднем сиденье машины лежал большой альбом. Красивый, как бело-розовый зефир. Догадалась, что он там не случайно – для меня. Просто показать мне его в доме ни у кого не хватило бы сил. Поняла это, посмотрев фотографии. Свадебный альбом Мариты и Артура. Какая пара – просто неземное счастье написано на лицах. Одно на двоих. И что удивительно, жених и невеста в черно-белом формате, а букет невесты – в цветном. Этот прием как бы выносил действие за грань, в мир зазеркалья. Ах, как красиво!..

Какая же злая сила ворвалась в реальный мир этого огромного счастья, разбила богов, сказав, что это всего-навсего глиняные черепки, и набросила черный плащ на букет благоухающих цветов?! Марита так и не успела привыкнуть к своей любви, к своему счастью. Может, и не надо. Иначе где будешь черпать силы, чтобы выстоять и противостоять?

Хотелось кричать. Так кричать, чтобы было слышно в том заоблачно прекрасном «далеко»:

Не привыкай!
К любви.
Не привыкай...

Фатима ТАЗОВА**Руководить – призвание**

«Руководить – значит приводить сотрудников
к успеху и самореализации»

В. Зигерт

Каким должен быть человек, который руководит вами, чтобы у вас было постоянное желание работать, совершенствоваться, ощущать себя полноценным и нужным?

Думается, у каждого из нас, подчиненных, получится длинный список свойств, которыми должен обладать руководитель: высокий профессионализм, интеллигентность, компетентность, природная открытость, коммуникабельность, высокая личная ответственность, щедрость. Хотя обладание этими достоинствами не всегда может послужить гарантией умения управлять.

Но, какие бы достоинства ни входили в ваш список, все будет иметь прямое отношение к героине этой статьи – Елене Османовне Безроковой, директору Центра развития творчества детей и юношества МОН КБР.

Обладая огромным талантом человеколюбия и безграничной любви к своей профессии, Елена Османовна сохраняет бодрость духа, ясность ума, свежесть впечатлений, восприимчивость чувств. Именно эти качества способствовали тому, чтобы она стала мастером своего дела. Ей возраст не помеха. Всегда подтянута, прическа и одежда – всегда по моде и к лицу. Она невольно продолжает привлекать внимание людей к своей неординарной персоне. Секрет ее успеха – сумела сохранить молодость души, а в ней неисчерпаемый источник оптимизма. В семье, на работе, в круговерти общения живет полноценной и насыщенной жизнью, себе и людям на радость. Слова эпитафии вполне справедливы и послужили бы ей профессиональным кредо. Не секрет, что подчинить творческих людей, да еще и приводить их к успеху, дело не из простых. Но она сильная и незаурядная личность, к тому же у нее на руках главный козырь – индивидуальный подход к каждому человеку. Руководить – ее призвание. И всей душой служит своей нелегкой профессии – в воспитании и образовании

подростающего поколения. Ее вклад в это благородное дело не остается незамеченным. Елена Османовна – заслуженный работник культуры РФ, отличник профессионально-технического образования СССР, отличник профессионально-технического образования РФ, Лауреат I–IV Артиад народов России, награждена почетной грамотой правительства КБР, серебряной медалью «За полезное» Всероссийской Общественной комиссией за большую работу по патриотическому воспитанию, удостоена звания «Женщина года – 2005» за работу по эстетическому воспитанию молодежи, имеет бесчисленные награды и грамоты. Но главная заслуга Елены Османовны – ее беззаветная преданность делу воспитания. Собственно, это – вся ее работа.

Елена Османовна не собирается останавливаться на достигнутом, все время двигается вперед, и можно только пожелать ей дальнейших успехов. Все, что делается ею, всегда идет на пользу и принимается на «ура». Ее вклад в дело, настолько значим, что система воспитания и дополнительного образования в республике ассоциируется с ней, с ее обликом и стилем работы.

Способность нравиться окружающим – врожденное ее качество. Она – повелительница среди старейшин начального профессионального образования, и, думаю, никто не оспорит ее лидерства. Авторитет ее непререкаем не только в республике, но и за ее пределами. Помнится любопытный случай во время пребывания в профильной смене художественного творчества учащихся и работников НПО в городе Анапа. Наша делегация под руководством Елены Османовны тогда завоевала Гран-при фестиваля. В течение всей смены Елена Османовна, как всегда, была в центре внимания, активно выступала с инициативами на совещаниях, везде лидировала, а в конце смены, на торжественном банкете, где присутствовали представители десятков российских городов (в большинстве своем мужчины) – ее единогласно выбрали тамадой стола. А вы знаете, что быть тамадой не каждому дано. Она быстро расположила к себе абсолютно всех, не прикладывая особых усилий. Всем пришлось признать ее преимущество и качества «заводилы»: веселость, предприимчивость, общительность, уверенность, проницательность, умение завладеть всеобщим вниманием, остроумие, чувство такта. Естественно, она прекрасно справилась с почетными функциями тамады, тут же установив для всех правила кавказского застолья. Это было самое «образцовое» торжество, на котором я когда-либо присутствовала. Поразившись ее умению управлять настроением собравшихся и их поведением, я в очередной раз убедилась в справедливости ее излюбленной фразы «лучшие мужчины – это женщины».

Да, ее всегда отличала способность притягивать всех, кто попадает в орбиту ее воздействия. Ее женское и человеческое обаяние, образная и живая речь, четкий отточенный ум известны многим. Еще очень важные свойства ее натуры: доводить начатое дело до конца, добиваться своего, уметь видеть большое и в малом. Она очень требовательна к себе и к остальным, не любит однообразия, поэтому всегда находится в состоянии поиска. Поспевать за ней вряд ли возможно, но не стараться соответствовать ее ожиданиям сложно. Подчиняться ей легко и просто, ведь

она руководитель от Бога. И еще: такие руководители, как она, имеют замечательное свойство – изменять жизнь людей к лучшему. Щедрой любовью одаривают ее дети – воспитанники Центра, которых она знает по именам (а их около тысячи), и собственные внуки и внучки, доброжелательностью – коллеги, а по ее стопам и при ее материнской опеке идет по жизни не первая смена воспитателей, педколлектив, который она пестует вот уже 42 года – самая лучшая награда за ее личностные качества. И это как минимум. Здесь она буквально объект поклонения, потому что людей всегда восхищает то, что выделяется из общей массы. Она естественна в своем даровании. О коллективе ЦРТДЮ можно сказать: творческое содружество единомышленников, в котором каждый вносит свой индивидуальный вклад в общее дело, каждый, обогащаясь духовно благодаря коллективу, в то же время духовно обогащает своих коллег. Елена Османовна заразила всех нас своим энтузиазмом, и теперь мы – команда преданных делу людей. Между собой мы называем свой Центр «Османской империей» и гордимся своей причастностью к достижениям этого маленького государства. Ведь что человеку надо? «Воплотиться. Реализовать данное ему природой, внести в мир себя во всей неповторимости, сказать свое, пусть единственное слово, но так, как никто другой, даже самый гениальный, – потому, что другой». (М. Смурина) Я сказала «свое»...

Согласитесь, уважаемые читатели, тема «начальник – подчиненный» не очень воодушевляющая. Что греха таить, в нашей своеобразной республике преклонение перед властями имущими иногда доходит до абсурда. Ведь от них зависит не только наше благосостояние, но порой и судьба. Поскольку Елена Османовна моя начальница, статья может показаться откровенной лестью, подхалимством. Но только тем, кто не знает Елену Османовну или никогда не слышали о ней. Такие вряд ли найдутся. А если найдутся, спешу их разочаровать: я – самая «проблемная» из ее подчиненных. И карточка «Шеф – всегда прав!» (для особо затруднительных случаев), регулярно выставляемая специально для меня на ее столе, кое о чем да должна говорить. Уж поверьте, «прав тот, у кого больше прав» – не наш случай. Что ж, любовь подчиненных к начальству, равно как и начальства к подчиненным, имеет обыкновение выражаться по-разному. В душе, конечно же, я ее люблю, склоняю голову перед ее силой воли и неиссякаемым оптимизмом. А если статья – хвала и лесть начальству, то пусть, они вполне заслуженны.

В заключение хочу сказать, что по истечении десяти лет работы под руководством Елены Османовны, я вынуждена признать ее непререкаемый авторитет. Конечно же, были и сложности, но в то же время именно она внесла и вносит в мою жизнь так много интересных, неожиданных поворотов, приятных событий, творчества, что без нее, без этой работы я уже не представляю свою жизнь. Благодарна Елене Османовне за то, что она всегда готова понять, поддержать, откликнуться и прийти на помощь в нужный момент. Что бы ни случилось, я знаю, что этот человек болеет душой не только за работу, но и за меня, за всех своих сотрудников и воспитанников.

Фатима ДУДАРОВА

Танец Хаужан всегда был ярким, живой

Это было в декабре 1961-го года. За окном шел снег, а в восьмом классе СШ № 12 вел урок истории директор Музрак Хацукович Вологиров. Вдруг он сделал паузу, потом объявил: «В Нальчике и по всем районам республики проводится отбор подростков для приобщения к балету. Для того чтобы вас посмотрела комиссия, урок прерывать не будем, выходить по одному». О том, что такое балет, никто из учеников не имел даже малейшего представления. Этого не знала и Хаужан Амшокова, о которой пойдет речь ниже.

Росла она в многодетной семье. В то время мать, Касхуна Якубовна, и отец, Камбулат Сетович, воспитывали девятерых детей: четырех девочек и пятерых мальчиков. Самый старший сын, Хабас, погиб в Великую Отечественную войну под Сталинградом, посмертно награжден орденом Красной Звезды. Мама очень любила музыку, и в доме, сколько себя помнит Хаужан, были музыкальные инструменты: три гармошки, балалайка, гитара, два гобоя. На последних – в Детской музыкальной школе № 1 учились два брата. Овладеть же игрой на гитаре и балалайке получилось само собой у всех детей. Но как ни мечтала мама, чтобы дочки стали гармонистками, это ее заветное желание так и не осуществилось.

Учась еще во втором классе, Хаужан «заболела» танцами, и, как оказалось, навсегда. Но первое ее знакомство состоялось с танцами нашей республики – к ним приобщила Хаужан бывшая солистка Государственного ансамбля песни и танца КБР, руководитель кружка национального танца Дома пионеров и школьников г. Нальчика Азида Хамидовна Нырова. Желание танцевать было так велико, что даже возвращалась домой Хаужан, танцуя с подружками. Не прекращала своих занятий целеустремленная девочка и учась в восьмом классе. А что загадочное слово «балет» означает искусство классического танца – не знала. Разве что по радио любила слушать адажио из балета «Лебединое озеро» П. Чайковского, да и то на эту музыку обратила ее внимание старшая сестра Лена...

...И вот дошла очередь до Хаужан, она встала и пошла навстречу своему будущему. Только ее и Эмму Хатукаеву из всей школы отобрали для приобщения к вдохновенному, эмоциональному и вместе с тем очень трудному искусству – искусству классического танца. Среди членов комиссии был ее будущий педагог Александр Иванович Проценко. На него Хаужан не могла не обратить внимания. Это был видный мужчина лет шестидесяти с густыми, прямыми, красивыми седыми волосами, зачесанными наверх. Лицо его излучало благородство, а в пронизательном взгляде голубых глаз светился ум. Несмотря на годы его фигура сохранила стройную балетную осанку. О хорошей физической форме говорит тот факт, что позднее, когда надо было заменить заболевшего танцовщика,

исполнявшего партию Гирея в «Бахчисарайском фонтане» Б. Асафьева, Александр Иванович сделал это с легкостью. Даже поддержки не составляли для него особого труда.

По всей Кабардино-Балкарии было отобрано сто детей: поровну – мальчиков и девочек. И вот в январе начались занятия: в СШ № 4 подростки изучали общеобразовательные дисциплины, затем в репетиционном зале Государственного ансамбля песни и танца нашей республики проходили хореографические занятия, которые проводил А. И. Проценко.

Александр Иванович сам был родом из г. Майского. После окончания учебы в 1930 году в Московском хореографическом училище (об уровне преподавания можно судить

по тому, что с ним на одном курсе учился знаменитый Игорь Моисеев, художественный руководитель Государственного академического ансамбля народного танца СССР) девять лет он был солистом балета Большого театра. Затем Проценко ставил балетные спектакли в Венгрии, куда его приглашали неоднократно, создавал балетные труппы – в Молдавии, особенно долго работал в Таджикистане, где ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Таджикской ССР. Позднее ему будет присвоено еще одно почетное звание – народного артиста КБР.

Теперь же Александру Ивановичу предстояло заняться трудным, но ставшим для него привычным делом – становлением балетного искусства уже на своей родине. Тем более, что не за горами было открытие Музыкального театра (много сил для осуществления этого проекта приложил тогдашний министр культуры КБАССР Константин Касимович Эфендиев), и для работы в нем нужны были национальные кадры.

С большой теплотой вспоминает своего педагога Хаужан Камбулатовна Амшокова: «Было время, когда хореографические занятия проходили в здании, в котором ранее располагался Республиканский краеведческий музей. Экспонаты уже вывезли, и в комнатах был простор для танцев. Александр Иванович появлялся там за час до прихода своих учеников, с собой он всегда приносил огромный портфель, в котором была баночка керосина и сухие дрова для растопки, и топил печь. Благодаря такой чуткой отеческой заботе, мы занимались в теплом помещении и не простывали. Александр Иванович был очень добрым человеком. Он много возился с нами: кормил, давал деньги, учил говорить по-русски тех, кто не умел. Заслуга Проценко в нашей любви к балету до фанатизма. Он научил нас

любить искусство, далеко от Кавказа, за очень короткое время. Этим мы и жили все годы».

Позже, когда в Нальчикском культпросветучилище открылось хореографическое отделение, юные танцоры («отсеялось» 60 человек и осталось 40) начали обучаться там. Директор училища Адальби Карамурзович Соблиров много сделал для становления балетного искусства нашей республики. Однокурсниками Хаужан были ставшие впоследствии известными танцовщиками Кабардино-Балкарии и за ее пределами заслуженные артисты КБР Роза Хакулова, Юрий Кузнецов, Хасанби Архестов, Борис Карданов. Как губка, впитывала Хаужан знания, которыми делились с ними опытные педагоги, были среди них и приглашенные из Москвы и Ленинграда. Кроме общеобразовательных дисциплин, учащиеся хореографического отделения изучали музыкальную литературу, историю балета, историю живописи, танцы народов мира... На все четыре года обучения была рассчитана программа предмета «Аккордеон». Проценко преподавал классическую хореографию и историю балета.

Разумеется, когда речь идет о классическом балете в национальной республике, необходимо знать народно-характерные и национальные танцы. Их преподавал заслуженный артист Российской Федерации Хашир Хакяшевич Дашуев. И благодаря тому что он прекрасно знал и классику (окончил двухгодичные курсы в хореографическом училище имени А. Я. Вагановой), рушились препятствия при постановке национальных балетов. Хашир Хакяшевич был бессменным помощником главного балетмейстера-постановщика Проценко. Неоценимую помощь оказал Дашуев по разучиванию и отработке движений в национальных балетах «Лялюца», «Даханаго», «Аминат», авторами которых являются: либретто – А. Проценко, музыка – Л. Коган. Было поставлено огромное количество концертных номеров, одноактные балеты «Вальпургиева ночь» из оперы «Фауст» Ш. Гуно, «Штраусиана», много балетных спектаклей, произведений советских, российских и зарубежных композиторов: «Золушка» С. Прокофьева, «Лебединое озеро» П. Чайковского, «Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева, «Эсмеральда» Ц. Пуньи, С. Василенко и Р. Глиэра, «Травиата» Дж. Верди...

Опытному глазу, глядя на молодых танцоров, одетых в великолепные костюмы, сшитые в Москве, трудно было обвинить их в отсутствии профессионализма. Не было никаких скидок на творческую юность коллектива. Зрители видели только подлинно художественное исполнительство. И всегда местные корреспонденты, когда писали о балетных спектаклях, неизменно упоминали имя Амшоковой. Вот какие отзывы с ее творчестве были в кабардино-балкарской прессе в те годы: «Она не просто танцует, а «вживается» в образ», «темпераментна», «свою партию исполнила замечательно, талантливо»...

После окончания культпросветучилища Хаужан было предложено продолжить образование в Ленинградском институте культуры. Но никогда никуда не уезжавшая девушка не отважилась на этот шаг, о чем, собственно, и не жалеет до сих пор.

Вместе с остальными первыми выпускниками хореографического

отделения Нальчикского культпросветучилища Хаужан два года работала в балетной труппе при Кабардино-Балкарской госфилармонии, вплоть до открытия Музыкального театра. В этот период артисты объездили с концертами все населенные пункты республики, еще успевали давать 15 спектаклей в месяц.

Одновременно Амшокова вела балетную студию, где обучались искусству балета юноши и девушки от 14–15 лет и старше. Проценко доверил преподавание только Хаужан, потому что у нее удачно сочетались высокое техническое мастерство, ответственность, доброжелательность и педагогические наклонности. Амшокова учила ставших впоследствии известными: Ж. Алоеву, танцевавшую в Государственном ансамбле танца «Кабардинка», заслуженную артистку КБР; Л. Турбину и И. Казанцеву, артисток балета.

Хотя в Кабардино-Балкарии балетное искусство было новым, его тепло, с большим интересом встретила общественность. Об этом можно судить по царившему ажиотажу вокруг балета, балерин и танцовщиков: их узнавали на улице, просили автографы, трудно было попасть на балетные спектакли. Кстати, на первый – «Лялюцу», люди покупали билеты заранее, за две недели.

1968 год стал знаменателен тем, что в январе в Нальчике открылся Музыкальный театр премьерой балета «Аминат». Творческий коллектив с головой окунулся в работу. Нагрузка была очень большая, в месяц артисты балета давали от 20 до 25 спектаклей.

В октябре этого же года состоялась вторая премьера – балет «Тщетная предосторожность» Гертеля, в котором главные партии исполняли: Лиза – Х. Амшокова, Колен – Ю. Кузнецов. «В данном спектакле Хаужан проявила себя как яркая комедийная актриса, у нее необыкновенные драматические способности, – вспоминает главный балетмейстер Музыкального театра, доцент кафедры СКГИИ, заслуженная артистка КБР Роза Хакулова. – Ее танец всегда был яркий, живой. Равнодушно на Хаужан никто не мог смотреть. Она замечательно танцевала и классику, и народно-характерные танцы. Хаужан гармонична во всем: умело совмещала и работу, и заботу о семье. Душевный, глубоко порядочный человек, кроме как в превосходной степени о ней не могу говорить».

1968 год запомнился Амшоковой еще тем, что она вышла замуж. Со своим будущим супругом Анатолием Мусаевым Хаужан Камбулатовна была знакома с детства, рос он там же, в Вольном Ауле, учился в той же школе, где и она. Только был Анатолий на четыре года старше. Хотя его профессия не имела никакого отношения к какому-либо виду из искусств, в родительском доме все-таки царила творческая атмосфера благодаря родным тетям, профессиональным певицам, солисткам хора Государственного ансамбля песни и танца нашей республики Мадинат и Фирдоус Лакуновым. Анатолий ходил с ними на различные концерты, спектакли, в том числе балетные. Через год после свадьбы у молодых родился первенец – сын Заур. Несведущим будет интересно узнать, что в то время декретный отпуск составлял 54 дня. Познала Хаужан и счастье позднего материнства. Перед самой пенсией в 39 лет родился сын Залим,

а через год – Алим. С большой благодарностью вспоминает Хаужан свою свекровь Маржан, которая помогала поднимать детей. Если бы не помощь женщины, ставшей ей второй мамой, Хаужан не смогла бы доработать до пенсии. К тому, что у нее невестка – балерина, Маржан относилась совершенно спокойно. «Хорошая у тебя работа, – говорила она, – полдня, и ты дома». Свекрови не стало в 1990 году. Хаужан прекрасно понимал и поддерживал муж, с ним они прожили душа в душу почти тридцать лет до его скоростижной смерти. Анатолий ушел вслед за матерью через пять лет.

Выйдя на пенсию в 1985 году, 11 лет Хаужан Камбулатовна занималась воспитанием детей. Как-то в один из дней жена старшего сына Амина, работавшая в Государственном фольклорно-этнографическом ансамбле танца «Балкария» и параллельно в МДОУ – детском саде № 15 «Незабудка», говорит: «Хватит, мама, дома сидеть. В нашем садике нужен человек, который будет учить детей красиво танцевать». И Хаужан Камбулатовна вышла на работу, ее ученики – дети из старшей и подготовительной групп. После года обучения бывают очень грустные расставания, часто со слезами на глазах и у педагога, и у воспитанников.

Вот что рассказывает заведующая муниципальным дошкольным образовательным учреждением – детским садом № 15 «Незабудка» Юлия Мамитовна Кунашева: «С Хаужан Камбулатовной работаю давно, с 1996 года. Здесь я начала свою педагогическую деятельность учителем родного языка на три года раньше. За все это время и по сей день Амшокова является руководителем студии национального танца.

Хаужан Камбулатовна – очень обязательный, обаятельный человек, интересный собеседник. С легкостью она завоевывает расположение и детей, и взрослых. Наши воспитанники всегда с удовольствием ходят на ее занятия. Видно, что работа ей в радость.

В детском саду «Незабудка» проводится очень много мероприятий, включающих танцы. Это утренники, проходящие в течение года к различным праздникам – Новому году, Дню защитника Отечества, международному Женскому дню и другим, также ко всем обрядовым, являющимся результатом совместного творчества учителя кабардинского языка Людмилы Мамитовны Мальбаховой и Хаужан Камбулатовны.

Наш детский сад принимает активное участие во всех мероприятиях, проводимых департаментом образования г. Нальчика. К примеру, в республиканском конкурсе «Си бзэ, си псэ, си дуней» мы неоднократно завоевывали призовые места. Все костюмы, в которых выступают маленькие артисты, сшиты в ателье модельера Мадины Хацуковой «Каприз». Нами подготовлено и проведено немало семинаров городского и республиканского значения для различных категорий педагогических работников: руководителей, замов, учителей родного языка. Все эти мероприятия в обязательном порядке включают в себя танцы, которым обучает детей Хаужан Камбулатовна. На семинаре, посвященном 100-летию основоположника кабардинской литературы Али Асхадовича Шогенцукова были показаны кукольный спектакль «Зимняя ночь», спектакль, поставленный

по поэме «Камбот и Ляца», в котором играли и дети, и педагоги, было исполнено несколько танцевальных номеров.

Амшокова принимает активное участие во всех педсоветах, консультациях, и сама проводит консультации, знакомит детей с элементами национального костюма.

О Хаужан Камбулатовне можно говорить бесконечно и только хорошее. Просто пообщавшись с ней, получаешь заряд положительных эмоций».

Танцы, талантливо поставленные Хаужан Камбулатовной, отличает оригинальность, они не являются упрощенной копией, исполняемых «Кабардинкой». Это плод ее собственного воображения, поэтому неудивительно, что маленьких танцоров часто приглашают выступать в различных концертах в Музтеатре и МВД КБР, по местному телевидению...

Уединившись, часто это происходит и поздней ночью, Амшокова тщательно подбирает музыку, придумывает рисунок и движения танца. И только когда танец готов, отшлифован (причем Хаужан Камбулатовна никогда ничего не записывает), она показывает его детям по памяти. Каждый год Хаужан Камбулатовна создает один или два танца, пополняя этим самым репертуар «Незабудки». Вот, например, сюжетный танец «Эдельвейс». Нарты ушли в поход, в поле их настигает метель. Они начинают уже замерзать. Тут появляется спасительница – цветок Эдельвейс в образе прекрасной девушки, и согревает их своей любовью и теплом. А яркий танец «Край родной», созданный совместно с руководителем студии современных бальных танцев Ольгой Кардановой на основе песни Умара Тхабисимова с таким же названием. Он представляет собой удачный синтез национальных и бальных танцев. Отличаются оригинальностью поставленные Амшоковой классическая кафа, плавно переходящая в

джэгу, танец моздокских кабардинцев, осетинский танец, шуточный танец «Сыкъэфэну сыкъэкуаш» (Я пришел потанцевать). Необычны обрядовые танцы. Такова, к примеру, поставленная Хаужан Камбулатовной хореографическая картина «Гуащэгъасэ». В ней Гуащэгъасэ учит детей адыгскому этикету, вышивке, умению танцевать, держать осанку. Затем сюжетная сценка заканчивается танцами: парной кафой, танцем с веером, «Пхъэвакэ», «ПхъэцЫч». Амшокова в танцах, которые ставит, часто танцует со своими питомцами сама. Хаужан Камбулатовна то Нану играет, то мать Ляцы... Совместно с О. Кардановой ею поставлена музыкально-хореографическая композиция «Рождение Сатаней». Луну изображала в красивом серебряном костюме с полумесяцем на голове Хаужан, Ольга в сверкающем желтом костюме была Солнцем.

Не остались в стороне от разговора с корреспондентом Ольга Карданова и музыкальный руководитель Оксана Глиашинова: «За много лет совместной работы мы хотим отметить, что Хаужан Камбулатовна – очень скромный, небезразличный ко всему, что происходит вокруг, человек, помогает советами, никогда не отделяет себя от коллектива, обладает мощной харизмой, чувствительна ко всему новому, ненавязчиво и терпеливо прививает любовь к национальной культуре. Великий Шекспир сказал: «Доброе сердце долго живет», к ней это относится в полной мере. Она – такая живая, подвижная, сохранились осанка, фигура. Глядя на Хаужан Камбулатовну, не страшно стареть».

За большие творческие заслуги солистка балета I категории Х. Амшокова неоднократно была удостоена Почетными грамотами Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Дагестана... За концертную деятельность она награждена министерством культуры СССР значком «Отличник культурного шефства над селом».

Хаужан – счастливая многодетная мать и бабушка. Ее дети стали достойными людьми, нашли свое место в жизни, радуют своими успехами внуки – Астемир, второкурсник факультета «Технология продуктов общественного питания» КБГСХА им. В. М. Кокова, и Бэла, семиклассница

Александр ПРЯЖНИКОВ

Три события одного сезона

Теплые дни поздней весны означают для служителя Мельпомены только одно: подошел к концу очередной театральный сезон. Опустела сцена, надолго погасли софиты, кто-то думает о гастролях, кто-то об отпуске, а кто-то вынашивает новые замыслы. Тем же, кто в силу своей профессиональной деятельности пишет о театре, самое время подвести своеобразный итог и поделиться впечатлениями с читателями.

Сезон 2009–2010 годов на Северном Кавказе получился очень ярким и запоминающимся, но, прежде всего, хотелось бы рассказать о трех событиях, в которых автору этой статьи посчастливилось принимать непосредственное участие.

В октябре маленькая, уютная Элиста принимала участников ставшего традиционным Международного театрального фестиваля «Желанный берег», который проводился в рамках празднования 400-летия добровольного вхождения Калмыкии в состав России. Спустя месяц столицей театральной жизни Российского Юга на несколько дней стал Майкоп, принимавший участников II Межрегионального фестиваля адыго-абхазских театров «Наш кавказский меловой круг».

Отличительной чертой двух фестивалей был высокий профессиональный уровень жюри. Иначе и быть не могло, потому что события в Элисте и в Майкопе происходили при поддержке Союза театральных деятелей России и личном участии заведующей кабинетами драматических и национальных театров Марины Корчак. Это позволило привлечь к работе таких известных театроведов России, как Алексей Никольский, Нина Карпова, Анна Степанова, Антон Сергеев, Татьяна Никольская, Игорь Лях.

У любого культурного форума существуют, на мой взгляд, две главные задачи: правильно формулировать новые вопросы, и обстоятельно отвечать на те, что были сформулированы прежде. По части выполнения этих двух задач оба фестиваля можно считать вполне успешными.

На вопрос является ли современное театральное фестивальное движение серьезной силой, что объединяет самые разные народы, и «Желанный берег» и «Наш кавказский меловой круг» ответили четким и безусловным «Да!». Хотя сравнивать уровень презентабельности элистинских и майкопских событий некорректно. Некорректно, хотя бы потому, что расстояния между Улан-Удэ и Элистой, и между Черкесском и Майкопом попросту несопоставимы, как несопоставимы и затраты на дорогу. В силу этих причин «Желанный берег» не досчитался участников из Бурятии, Тувы, Хакасии и Китая. В Майкоп же приехали все.

Гостям радовались искренне. И в этом искреннем излиянии чувств оживала сложная и витиеватая история народов, населяющих Северный Кавказ.

Калмыки пришли в междуречье Дона и Волги, навсегда оставив легендарную страну Джунгарию, что занимала громадную территорию в пред-

горях Алтая, и теперь каждый житель тех мест не просто желанный гость в Калмыкии. Он – посланник возлюбленной прародины, о которой знает и помнит каждый настоящий ойрат. Этим объясняется неудержимый восторг, с которым элистинские зрители принимали делегацию республики Алтай, ловили каждое слово, произнесенное со сцены.

Ничуть не меньшую любовь и внимание выказывали адыги гостям из турецкого города Кайсери. Ведь молодые участники драматической труппы – прямые потомки мухаджиров – коренных жителей Кавказа, насильственно изгнанных со своих земель во времена правления Александра II.

Фестивали выявили еще одну очень важную тенденцию последнего времени, а именно интеграцию в культурное пространство России Южной Осетии и Абхазии. Делегации независимых республик выступили на фестивалях с очень сильными яркими спектаклями. Элистинцы увидели шекспировского «Юлия Цезаря» в постановке Тамерлана Дзудцова, а майкопцы – эрдмановских «Самоубийц» в постановке Валерия Кове.

Твердое и безапелляционное «Да!» было также получено на традиционный для России вопрос: «Зависит ли успех мероприятия от непосредственного участия в нем представителей властных структур?». В этой связи хотелось бы выразить огромную благодарность заместителю председателя правительства, министру образования, культуры и науки Республики Калмыкия Бадме Салаеву, и министру культуры Республики Адыгея Газию Чемсо. Оба министра, несмотря на вполне естественную в их положении занятость, постоянно находились рядом с гостями и участниками фестивалей. Они делали все возможное, чтобы праздники состоялись и прошли на самом высоком уровне. На церемониях открытия и закрытия фестиваля «Кавказский меловой круг» лично присутствовал президент Республики Адыгея Аслан Тхакушинов, что, вне всякого сомнения, сказалось на статусе мероприятий.

Порядком надоевший всем вопрос «Есть ли у отечественного театра будущее?», несмотря на свою банальность, тоже постоянно требует ответа. «Желанный берег» и «Кавказский меловой круг» ответили на него прекрасными работами молодых артистов.

Прежде всего, запомнилась блистательная игра женского ансамбля в спектакле Калмыцкого республиканского театра юного зрителя «Джангар» по пьесе Алексея Балакаева «Сердце Матери». Марина Кикеева, Эльза Солонгаева, Гилян Бембеева, Ирина Шамолдаева, Саглара Гойдыкова. Я не случайно перечислил эти имена, поскольку их следует запомнить.

Выдающийся спектакль «Желанный голубой берег мой...» в постановке художественного руководителя Саха Академического театра им. П. А. Ойунского народного артиста России Андрея Борисова живет уже более двадцати лет. За это время актер Ефим Степанов успел не только стать обладателем всевозможных почетных званий, но и перейти в иную возрастную категорию. На премьерном показе он играл юного Кириска, сегодня исполняет роль старого Органа. А теперь попытайтесь представить меру ответственности, возложенной на Романа Дорофеева – современного исполнителя роли Кириска. Молодой актер выдержал испытание с честью. Своей игрою он заворочил зал, в котором не осталось мест даже в проходах.

Особенностью фестиваля «Наш кавказский меловой круг» стало безого-

ворочное доминирование молодых актеров на сцене, и заслуженные мастера Заур Зехов, Маталио Абдоков, Мурат Кукан, искренне радовались этому.

Главным открытием Майкопа стала актриса Национального театра Республики Адыгея Асият Гонежук, сыгравшая Медею, которая по общему мнению критиков считается одной из самых сложных женских ролей в мировой драматургии.

Вопрос о перспективах развития современной драматургии также не остался без ответа. Чтобы убедиться в этом, достаточно почитать афишу.

Калмыцкий государственный ордена «Знак почета» драматический театр «Времен серебряная цепь» П. Дарваев, Б. Колаев, В. Яшкулов; Республиканский русский театр драмы и комедии республики Калмыкия «Я – сын России!» В. Хотлин; Государственный ордена «Знак почета» Кабардинский драматический театр имени А. Шогенцукова «Семья Наго» З. Канукова; республиканский Черкесский драматический театр имени М. Акова «Портфель Президента» А. Шоров. Вышеперечисленные авторы присутствовали во время обсуждений и могли из первых уст услышать и похвалы и критику в свой адрес. К сожалению, диалог между драматургами и театроведами на фестивалях явление чрезвычайно редкое. Многие нынешние руководители театров утратили способность и желание рисковать. А без риска нет и не может быть эволюции – это аксиома. Национальные театры кровно заинтересованы в развитии собственной драматургии, поскольку это одна из гарантий сохранения литературного языка. Поэтому они смело включают современную пьесу в свой репертуар.

Культура малочисленных народов, их театральные традиции – это своеобразная terra incognita, не только для среднестатистического зрителя, но и для профессионального театроведа. Разумеется, невозможно в течение короткой земной жизни все узнать и все прочесть. Однако самой твердой валютой, существующей на сегодняшний день в отношениях между народами, является взаимное любопытство, и отсутствие этой валюты влечет за собой взаимное раздражение и сводит на нет любые благие порывы.

Не стоит также забывать, что спектакль не есть явление самодостаточное. Он создается не ради подтверждения существующих представлений о театре, а ради зрителей. Точно так же строительство жилого дома ставит целью не иллюстрацию сложных формул из учебника по сопротивлению материалов, а расселение живых людей. Спектакль, поставленный на национальном материале, сориентирован на вполне определенного зрителя с определенным мировоззрением и определенными религиозными чувствами.

Поясню свои слова конкретным примером. Исполнителя роли Хозяина степи в спектакле «Сердце матери» одна из столичных критикесс упрекнула в том, что он «стоял на сцене как столб». Вполне допускаю, что с точки зрения правильного построения мизансцены такое замечание оправдано. Однако спектакль ставился в расчете на калмыцкую аудиторию, а для калмыка Хозяин степи, он же Белый Старец – фигура сакральная. Динамичный и экспрессивный он бы выглядел для буддиста ламаистского толка таким же кощунством, каким для иудея выглядел бы ветхозаветный пророк, жующий свиной окорок.

Во время обсуждений и дискуссий, которые, как мне показалось, длились круглосуточно, было высказано два противоположных суждения.

Талантливый режиссер должен использовать палитру выразительных средств таким образом, чтобы найти путь к душе и разуму любого зрителя, вне зависимости от уровня зрительской подготовки, не прибегая ко всяким аннотациям и толкованиям.

Оппоненты утверждали обратное. К восприятию искусства, особенно искусства национального, нужно готовиться, читая книги, знакомясь с народными традициями.

Кто же прав – неизвестно, и это главный вопрос, который остался после фестивалей. Мне кажется, это тот самый случай, когда истины просто не существует, а правда у каждого своя.

Лично я с одинаковым удовольствием смотрел и «Времен серебряную нить», и «Желанный голубой берег мой...» И если на первом спектакле мне пришлось вспомнить все прочитанное о калмыках, то второй я смотрел без перевода, и, не зная ни слова по-якутски, понял все.

Нельзя не сказать несколько слов и о людях, без которых ни элистинский, ни майкопский форумы попросту не состоялись бы. Я имею в виду директора Международного театрального фестиваля «Желанный берег», заслуженного работника культуры Республики Калмыкия Дорджи Нарумова и директора II Межрегионального фестиваля адыго-абхазских театров «Наш кавказский меловой круг», заслуженную артистку Российской Федерации, народную артистку Республики Адыгея Мелеачет Зехову. Они сделали все возможное, чтобы театральные фестивали стали настоящими праздниками искусства, добросердечия и настоящего гостеприимства.

Третье событие, о котором хотелось рассказать, состоялось весной в Нальчике. У весны 2010 года был немного солоноватый вкус, словно у свежей человеческой крови.

Стреляли в Нальчике, стреляли в Назрани, адские машины взрывались в Кизляре. Парализованная ужасом Москва поминала погибших в метрополитене. И на этом, мягко говоря, неуютном фоне, столица Кабардино-Балкарии принимала театральный фестиваль, да не простой, а очень веселый и жизнерадостный, носящий имя легендарного человека, великого актера Али Тухужева. Стороннему наблюдателю все происходившее могло показаться каким-то сюрреалистическим действием, граничащим с кощунством, однако следует помнить, что фестиваль проводится каждый год уже восемнадцать лет. За эти восемнадцать лет были на Кавказе времена куда более тяжелые и страшные, но всякий раз несмотря ни на что артисты выходили на сцену и заставляли зрителей смеяться. Чтобы понять, почему озорной и немного бесшабашный фестиваль сохранился в наше время, нужно знать и понимать, каким человеком был актер от Бога Али Тухужев.

Его дочь Эмма рассказывала, что он обладал невероятным зарядом оптимизма. Именно оптимизм помог ему выжить на войне и вернуться на родину отмеченным боевыми наградами Победителем.

Об Али Тухужеве вспоминали актеры театра им. А. Шогенцукова, в труппу которого тот был принят в 1940 году по окончании ГИТИСа.

Вот что говорил председатель СТД Кабардино-Балкарии заслуженный артист республики Мухадин Кумахов:

«Помню, как в одной из сцен Али Матыкович поднимал палец вверх и говорил всего три слова – «аргументы и факты», однако этого было до-

статочно, чтобы зал взрывался от хохота. Я спросил его, какой смысл он вкладывает в эти слова, и пожилой актер, улыбаясь, отвечал: «Я ничего в эти слова не вкладываю».

Как отмечают все, кто знал Али Тухужева лично, достаточно было одного лишь его присутствия на сцене, чтобы зал смеялся до упаду. Это редчайший дар, носители которого остались в анналах истории театра поименно.

Если разобраться, время, в которое жил и работал актер, было ничуть не легче нашего, но он противостоял времени, имея в арсенале талант, народный юмор, редкостную доброту и способность к состраданию. Он противостоял времени, смеясь, и заставляя смеяться других. Пожалуй, именно это интуитивно чувствуют те, кто каждую весну на один день приезжают в Нальчик, чтобы выйти на сцену и подарить радость своему ближнему.

1 апреля в Нальчике стояла на редкость ясная и теплая погода, легковые автомобили и проворные «газели» с утра подъезжали к зданию республиканского Музыкального театра, и вечно спокойная Мария Темрюковна достойно встречала гостей со своего постаменты.

Те, кто не бывал в Нальчике несколько лет, в один голос отмечали, как похорошел этот уютный и удивительно красивый южный город. Дитя нескольких народов – он взял от своих родителей все самое лучшее. Любителям театра он известен не только своими давними и славными традициями, но и очень воспитанной, благодарной публикой.

Когда все подготовительные хлопоты подошли к концу, публика, как и положено, стала главным участником начавшегося театрального действия. Что звучало громче, аплодисменты или смех, сказать сложно, и эта атмосфера раззадоривала актеров, заставляя их выкладываться на все сто процентов.

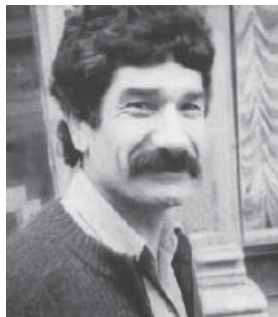
Публика продолжала аплодировать и не расходилась даже после того, как по очереди выступили все коллективы и эмоциональный Феликс Царикати спел несколько песен. Этот зрительский энтузиазм произвел сильное впечатление на гостя фестиваля заслуженного деятеля искусств Российской Федерации Михаила Борисова, который объявил о том, что праздник закончился. Лишь после его слов зал музыкального театра опустел. Актеры смывали грим, обсуждали свои выступления и выступления коллег. Устроители подводили итоги.

Восемнадцатый по счету фестиваль имени Али Тухужева собрал «жрецов Мельпомены» из Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и, конечно же Кабардино-Балкарии. На сцене были представлены совершенно разные жанры, звучали разные языки. А потом все – и начинающие актеры, и заслуженные мастера сцены – сидели за одним столом. Кто-то сообразно с нормами ислама пил минеральную воду и сок, кто-то пил напитки покрепче, но даже это различие не мешало общаться и по-доброму смотреть друг другу в глаза.

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что театральные форумы, собирающие представителей разных народов нашей страны, имеют не только эстетическую ценность, но и огромное политическое значение. Хочется надеяться, что все заинтересованные лица будут об этом помнить, и новый театральный сезон порадует нас новыми яркими и запоминающимися событиями.

Лариса ШАДУЕВА

Художник, у которого не было уничтоженных работ

Якуб Аккизов

Художник всегда живет в созданном им самим мире. Может, несколько отвлеченном от обыденного, но тем сильнее воздействие того, что он в нем определил как самое важное, продолжающее нас волновать и после его ухода из жизни земной. Таков мир Якуба Аккизова, художника с глубоким философским и поэтическим мышлением, человека огромной духовной свободы.

Его работы, будь то живопись или графика, изящны, легки и естественны, кажутся сделанными на одном дыхании – ни единого намека на время мучительных поисков форм, линий, цвета, вынашивание самой идеи. «Он

начинал писать только тогда, когда уже точно знал, что должно получиться в итоге, – рассказывает супруга и соавтор многих работ художника Сияра Аккизова-Меджидова. – При чем работал на одном листе. То есть что-то менял, стирал какие-то линии чуть ли не до дыр, но целенаправленно шел к воплощению изначального замысла. А я в начале всегда делала несколько вариантов одной темы. Но он и меня приучил воплощать задуманное на одном листе, вселил в меня уверенность, что, меняя какие-то детали, хуже не сделаю. К тому же Якуб был очень самокритичным и всегда знал истинную цену каждой своей работы. Поэтому, наверное, не было уничтоженных графических листов и живописных полотен. Более того, некоторые картины написаны вопреки каким-то мистическим препятствиям, потому что иногда ведь бывает, что холст, словно заколдованный – что бы ты ни делал на нем, ничего не получается, но он переписывал прямо поверх этого же холста. А вообще многие живописные картины – это экспромты, то есть без эскизов, подготовительных рисунков. Так работал Якуб. Так работаю и я».

Очень нелегко, иногда даже невозможно говорить о Якубе и Сияре в отдельности друг от друга. И в том особый знак судьбы, что двум родственным душам предопределена была неминуемая встреча, к которой каждая шла своей дорогой.

Якуб закончил седьмой класс и стоял перед вопросом, продолжать учебу или нет. Характер у парня и так непростой, а тут еще, будто кто невидимый за ним приглядывает: любая проделка, шалость, сходящая всем с рук, на нем останавливалась. То есть то же самое делали другие – их не замечали, а стоило только ему сделать – все, его увидели, наказали, выгнали с уроков... Это, наверное, и выработало в нем такую требова-

тельность к себе, самокритичность, не надеяться на «авось пронесет, авось да примут». Вот как раз в один из таких периодов в Нижнем Чегеме появился скульптор Хамзат Баксанукович Крымшамхалов, который ездил по селам, выискивая одаренных детей. Тут ему и указали на Якуба Аккизова. Договорившись с родителями мальчика, он привез его к себе домой, и тот жил у него в семье целый год, ходил с ним в мастерскую, учился. Потом мастер поехал со своим учеником в Махачкалинское художественное училище, куда как раз поступала и Сияра...

Они учились на педагогическом отделении, но перспектива преподавательской деятельности не прельщала никого – все были одержимы желанием стать настоящими художниками. Тем более что специальность вел именно такой мастер – Валерий Арутюнович Гегоян. «Он сочетал в своем творчестве классическую многоцветную живопись эпохи итальянского Возрождения с суровым крепким рисунком Салахова и Дейнеки, – говорит Сияра, – причем рисунок у него был безупречный – один раз про-

ведет линию, все, это раз и навсегда, она уже не менялась, а только вокруг нее все новые линии появлялись. Вот такой великолепный художник. Ну, а мы, конечно, мягкий материал, подражали ему. У нас были многочасовые постановочные композиции, на десять, пятнадцать сеансов. Обычно, придет на урок и садится к мольберту одного из учеников, а тому не

разрешает ни сесть, ни работать – только вот чтобы над ним стоял и смотрел, как он работает. И так несколько сеансов. А после уносил этот рисунок с собой. На недоуменный вопрос: «А что мне делать?» – спокойно отвечал: «Садись и рисуй. Посмотрел – теперь сам». Таких учеников было человека три-четыре в нашей группе, и Якуб в их числе. И не только потому, что был одним из наиболее способных студентов в группе. Просто он вообще такой был, что сразу как-то располагал к себе людей».

Учеба открывала огромный, практически бесконечный мир искусства, такие имена, что невозможно отдать кому-то предпочтение. И на вопрос о любимых художниках ответ был один: «Все». И, конечно же, Аккизов вместе со всеми не миновал периода подражания, копирования великих мастеров всех эпох и направлений. То заболит импрессионизмом – Ван Гог, Гоген, Дега... Затем на смену приходила классика, такие незыблемые колористы, как, например, Рембрандт. А кого могла оставить равнодушным экспрессивная эмоциональность офортов Гойи? Как пройти мимо свобод-

ных ассоциаций сюрреализма, от которого потом хочется сделать крутой вираж и попробовать себя в натурализме, с фотографической точностью воспроизводя на холсте ту же каплю росы? И все это для того, чтобы найти в огромном многообразии художественных стилей свою, только ему – Якубу Аккизову, присущую интонацию.

Важно ли было, как воспринимают его работы? «В какой-то мере, да, – вспоминает Сияра. – Я, пока маленькая Имара не подросла немного, фактически только урывками могла работать. Вот, управившись по хозяйству, приду в мастерскую где-то к обеду,

вижу, что-то Якуб в своей картине изменил и ждет моей реакции. А я сижу и молчу, потому что и обидеть не хочется, и в то же время мне не нравится. «Ну, давай, что здесь не так? – спрашивал он с плохо скрываемым нетерпением в голосе. Показываю, что, а он: – Вот ждал тебя, чтобы, как ты придешь, поменять, я и сам сомневался». У нас вообще очень часто сходились мнения. А бывало и так. Работа очень нудная, что-то не получается, а потом: «Ладно, – говорит, – вот тут сделай так и так, я тебе полную свободу даю», – и уходит по делам. А я тем временем пыталась найти и часто находила то, что искал Якуб. Во всяком случае, ему нравилось. Так же, когда у меня возникали трудности, он помогал. У нас ведь на двоих одна мастерская – он в одном углу работает, я – в другом. Сейчас Имара на его месте... Абсолютно не мешали друг другу. Наоборот. Просто как-то ненавязчиво следили друг за другом. Я, например, в работе одну линию несколько раз могу поменять. Это не сомнение, а просто хочется чего-то другого... А он всегда точно видел, где предел, где надо остановиться, точку поставить. У нас сотворчество было, и теперь часто так не хватает какого-то, может, одного его слова».

Даниил Андреев в «Розе Мира» писал о том, что необходимо «чувствовать себя, прежде всего – членом космического целого, потом – членом человечества, и только уже после всего этого – членом нации». Эти строки можно вывести пожеланием каждому человеку, а творческому в особенности. Именно так жил и творил Якуб Аккизов. Все помнят октябрь 1993 года, когда у Дома правительства КБР стояли пикеты, а республика, и даже Нальчик, были уже теоретически разделены сепаратистами. Тогда

республика была на волосок от гражданской войны. Пронесло. И в этом заслуга многих представителей творческой интеллигенции, ни словом, ни делом не поддержавших тех, чьи бредовые идеи ничего кроме горя не могли принести своему народу. К Аккизову, уже известному художнику, приходили с предложениями разработать балкарские герб и флаг, на что он категорично отвечал: «У меня семья русскоязычная, я ни к кому не присоединяюсь, я за сплочение. Как можно поставить стену в комнате, где живет семья, как жить?» Национальность в этом направлении для него ничего не значила. Даже в работах он не ставил себе задачи писать что-то именно балкарское. «Как-то предложила ему написать что-нибудь по этой теме. Получилась картина «Балкарец», – говорит Сияра. – Однако это был не академически выписанный персонаж, а некий собирательный образ, этнически обозначенный просто какими-то пятнами – белая войлочная шляпа на красном... Но кто скажет, что это не балкарец? Вот так же узнаваемы испанцы Эль Греко, которых не спутаешь ни с какой другой национальностью, потому что присутствует самое главное – дух, дающийся человеку от рождения, впитываемый им с молоком матери».

А над гербом, но уже Кабардино-Балкарской республики, Якуб Аккизов все же поработал вместе с другом Германом Паштовым. Правда, было это в дни тяжелой болезни, когда уже не мог часами колдовать над листом. Помогал сын Ахмат, выполнявший под его руководством всю кропотливую работу.

Удивительно, как он, при его взрывном характере, умел гасить любые конфликты, находить пути к примирению. Его коммуникабельность была очень кстати на творческой даче «Сенеж», где он в течение многих лет был руководителем собиравшихся там групп. Сюда собирались работать художники со всех уголков Советского Союза, и между ними, вопреки советским идеологическим штампам о тиши да глади в национальном вопросе, бывало всякое. То есть обычный, как говорят, бытовой национализм, когда, например, прибалтийские художники пренебрежительно относились к коллегам из Средней Азии, кавказцам, а те, в свою очередь, по этой части тоже в долгу не оставались. Аккизов довольно-таки дипломатично умел нейтрализовать все эти недоразумения. Он дружил со всеми, и с прибалтами, и с азиатами, и, естественно, с кавказцами, очень тонко и тактично выстраивая между ними отношения. Поначалу и те, и другие ревновали его: «Зачем тебе эти азиаты?», «Зачем тебе эти прибалты?», «Что ты на два фронта?». Все заканчивалось тем, что собирались вместе на шашлыки. А потом, уже без участия сдружившего их Якуба, они продолжали общаться, устраивая выставки, например, прибалты в Азии, азиаты в Риге, Вильнюсе.

Его графика, живопись поэтичны и музыкальны одновременно. А так творит только по-настоящему любящий жизнь художник, для которого возможность заниматься любимым делом превышает всего. Еще ничто не предвещало беды, а среди ценителей живописи уже говорили, что работы Аккизова переживут его самого. И речь шла не о материи, но о духе, которым наполнен каждый холст, графический лист. Думал ли он, что делает что-то особенное, ценность которого после его ухода будет

только возрастать? «Во всяком случае, таких разговоров у нас никогда и не было, – говорит Сияра. – Просто работали. Ему, как и всякому художнику, интересно было только то, что вот сейчас, сию минуту получится. Он вообще не заботился о сохранности своих работ, никогда не фиксировал, где они хранятся, кто приобрел. Единственное, мог дарственную надпись сделать...» И невозможно вести разговор о количестве оставшихся работ. Одно время, с 80-х по 90-е годы, когда они несколько раз выставлялись в Центральном доме художника, московские галерейщики прямо с ходу брали все, что выходило из-под кисти Сияры и Якуба. Также безоговорочно ушли картины с двух уже посмертных выставок в ЦДХ, и теперь их можно встретить в музеях и частных галереях Канады, США, Польши, Германии, Болгарии, Чехии, Словакии... Только жаль, что хотя бы фотографий тех работ не осталось. Правда, удалось вернуть шесть картин из частных коллекций. И сейчас на республиканских выставках экспонируется лишь часть живописных полотен Аккизова. Кроме того, сохранились все оттиски литографий, сделанных на Сенеже.

Нижний Чегем. Улица имени Якуба Аккизова. Плато, откуда видны живописные дали. Здесь летом распускаются изумительной красоты альпийские цветы. Здесь – последний приют художника. Прошло пятнадцать лет. И когда говорят, что он не ушел... может, есть в этом какая-то доля правды... Только что ж ты будешь делать, если не хватает его ураганной, бьющей через край энергетики... И так иногда хочется вновь просыпаться от песен, которые он пел дурашливо-истощным голосом, нарочно коверкая и слова, и мелодию. Или видеть его рядом в мастерской наблюдающим краешком глаза за работой теперь уже и дочери Имары. Трудный, тернистый путь художника она избрала вопреки его желанию. Правда, он все-таки успел заметить и сказать ей главное: «Зря я запрещал тебе...» А такое признание дорогого стоит. «Я эту фразу запомнила на всю жизнь, – говорит Имара Аккизова-Кушхова. – Бывают в жизни моменты, когда сомневаешься, а надо ли тебе этим заниматься, и я, вспоминая те слова, думаю, что просто так он бы этого не сказал. И я сейчас чувствую в себе именно его упрямство и настойчивость. Помню его за работой над холстом... Что-то у него не получается... Боже мой, и как он только эту картину не обзывал... Потом мог вообще все замазать и, как приговор, произнести: “Если не я, то кто ж тебя сделает?!” Слова эти настолько четко отпечатались в моем сознании, что я сейчас сама так работаю, то есть обязательно добиваюсь заданной цели. Я уже твердо вошла в эту профессию, но, общаясь с друзьями отца, часто ловлю себя на мысли, что очень не хватает общения с ним, его взгляда, оценки моей работы».

Последняя работа – триптих «Дорога в ад». Писал он ее уже будучи тяжело больным. Странно, но почему-то она не вызывает леденящего ужаса. Да, скорее всего, он и не ставил такой задачи. Вряд ли страх может заставить задуматься о бесконечности бытия. Но сочетание цвета и некой отстраненности персонажей создают то ощущение, что долго не отпускает. В этом весь Аккизов.

Людмила МАРЕМКУЛОВА

«Заново открываю красоту...»

Индрисов Зелимхан Керимович родился в Нальчике в 1940 году. В 1958 г. поступил в Краснодарское художественное училище, в 1968 г. окончил его. В 1968 г. поступил в Художественный фонд на работу. С 1977 г. – член СХ РФ. Выполнял художественные работы – росписи, картины, портреты. Персональная выставка в 1995 г. Пейзажист. Портретист. Жанровая живопись на этническую тему. Стиль один – реализм.

Увидеть красоту природы, человека и полюбить ее на всю жизнь – такую задачу, наверное, не ставил себе юноша, который поступил в художественное училище. Хотел быть только художником. Послевоенное детство не баловало изобилием, комфортом. Но при этом ту открытость, честность, искренность и глубину любви к жизни, природе, людям, которая была разлита в атмосфере, во всем живом, что пережило страшное военное лихолетье, Зелимхан впитал в себя с детства. Жили тяжело, но при этом те идеалы, которые исповедовали, помогали преодолевать многие трудности. И так, окончив училище, Зелимхан Индрисов вернулся домой и начал работать в художественном фонде. Выполнял заказные работы и искал именно то, свое, в котором можно было выразить мысли, чувства, отношение к миру. В те годы художником написаны такие, оставшиеся в памяти современников, работы, как «Улица Кабардинская», «Портрет сестры», «Портрет студентки». Эти работы находятся в фондах музея изобразительных искусств КБР. Если в «Улице Кабардинской» точность геометрии и прозрачная охристость создают эффект сюрреализма, то в портретах присутствует тонкий психологизм. Художник, который умеет точно выражать свое отношение к объекту и давно не решает задач композиции или колористики, ищет тот технологический инструментарий, который позволит ему выразить свое природное чувство красоты.

Зелимхан Индрисов впервые увидел в программе П. Л. Капицы «Очевидное – невероятное» сюжет об энкаустике. Заинтересовался и стал искать литературные источники по этой древней технологии. На протяжении 30–40 лет он перечитал все, что посвящено энкаустике. В современном искусстве технологический кризис продолжается более ста лет, потому изучение техники живописи древних греков – энкаустики, для художника стало актуальным. На первом курсе он начинал работать с воском. В античной литературе эта технология описана, но в течение трехсот лет художники не могли ее осуществить, пробовали по-разному восстановить рецептуру энкаустики. Эта технология позволяет сохранять картины на многие века, при этом они всегда выражают те мысли, чувства художника, которые он вкладывает в работу. Нужно изучить технологию древних греков, чтобы понять: отчего так красиво смотрятся их работы, отчего много тысячелетий люди восхищаются ими, отчего они не меняются со временем? Все это

создается за счет правильной технологии. Художник должен вложить все свое мастерство, чтобы картина звучала, дышала. Такое правдоподобие создается за счет свойств материала, которым выполняется работа.

Сегодня художник Зелимхан Индрисов единственный в России занимается энкаустикой. «Я один умею это делать, но никому это не нужно, никем не востребовано. Обывателю безразлично, как написана работа».

Энкаустика – это самая древняя в истории человечества живопись разогретыми восковыми красками, и насчитывает более 35 тыс. лет. Наскальные рисунки в Испании (Пальмире), Бельгии, во Франции сделаны в технике энкаустики. Родиной считается Египет, а древние греки научились у них этому искусству. Они усовершенствовали эту технологию, и все, чем гордится современная Греция, сделано в технике энкаустики. Работы, выполненные такими красками, создают впечатление правдоподобия. Эта технология несравнима ни с какой другой, работы светятся изнутри, как живые. В них не фотографическая, но своя живость, естественность, натуральность. Много воздуха, света, отсюда такое правдоподобие, близость к природному. Мастера древней Греции добивались такой иллюзорности, которая могла «поспорить» с живой природой. Исторический факт о том, как два великих художника Паризи и Зевкс поспорили в достижении большего правдоподобия, иллюзорности. Если виноградную гроздь Зевксиса пытались клонуть птицы, то занавес, написанный Паризи, пытались отодвинуть! Художники времен Александра Македонского поспорили о том, кто лучше напишет лошадь. Живая лошадь заржала, когда ее проводили мимо картины Апилеса. Римляне скупили всю энкаустикку. Полководец Лукулл привез 200 подвод картин и скульптур из Греции, в 410 году новой эры эти картины сгорели. Христиане, видя в этих картинах языческие символы, уничтожили малое, оставшееся от пожара. Энкаустика трудоемкая, потому художники стали работать на восковой темпере, перешли к яичной темпере, которая легче, затем к масляным краскам. Фактически художники шли сверху вниз, при этом качество только уменьшалось. Микеланджело не захотел расписывать потолок Сикстинской капеллы масляными красками и написал темперой по сырому. Поэтому и сегодня эти росписи сохранились, не пострадали от времени.

Восстановлением техники энкаустики занимались в Европе Бергер, Гандшмидт, в России В. В. Хвостенко и его дочь Т. В. Хвостенко. Бесспорно, в искусстве и исследовании технологии энкаустики, ее восстановлении Зелимхану Индрисову очень помог опыт как зарубежных художников, так и семьи Хвостенко. В 1985 году Татьяна Хвостенко издает монографию по технологии энкаустики. Индрисов нашел в этой книге много полезного, хотя к основным своим открытиям пришел самостоятельно, в процессе большого и кропотливого труда. В начале своих поисков художник уже владел восковой темперой, но до энкаустики было еще очень далеко. По книге Хвостенко стал пробовать технологию изготовления красок. Это очень трудоемкий процесс, кроме того, писать картины надо каутериями (металлические пластинки) и при этом точно выписывать детали. Кистью стал писать значительно позже; это удобнее, но и технология написания картины уже несколько иная. Есть фаумский жирный способ, есть холодный полировальный способ, есть горячий полировальный способ. И все это

надо отдельно изучать, разные рецептуры и разный вид произведения. Для каждой работы свой способ написания картины. Энкаустика выполняется на деревянной (кедр или кипарис) доске, которая пористая и не коробится, впитывает в себя краски именно так, чтобы картина всегда выглядела живой, свеженаписанной; ничто так высоко не ценилось, как энкаустика. Древние греки освоили этот тяжелый технологический процесс, и живопись была по настоящему вечной: у каждого художника был подмастерье, который разогревал краску в специальной печи. Далее, с целью облегчения технологии, художники стали использовать деревянные пластинки из липы и пришли к тому, что эффект правдоподобия стал хуже, стало меньше блеска, живости, сочности и красоты в картинах. Начинается технологический упадок, как следствие – переход к восковой темпере, обладающей другим эффектом.

Художник Зелимхан Индрисов пробовал писать на разных материалах, так как кедровые или кипарисовые пластинки очень дорогие; для живописи в технике энкаустики подходят опилочные пластинки, шифер. Рисунок должен быть тщательно подготовленным, затем работа делается темперой и только затем можно переходить к энкаустике. Пейзажи – импрессионистское ощущение легкости, воздушности, сиюминутности и вечности. Все это дает энкаустика, которая по технологии очень близка к природе, правдоподобна.

Заброшенный реализм позволяет показать всю красоту окружающего мира, когда мир становится радостным, красивым. Художник много времени бывает в Атажукинском парке, он знает многие деревья, пейзажи наизусть, осенью или весной. Жанровый диапазон художника – портреты, пейзажи, жанровые этнические сценки, нет только натюрмортов. Рисунок надо хорошо подготовить, затем перейти к темпере и энкаустике. Художник избегает «Эльбрус», который стал «общим местом». Везде, где видит красоту, с горами или без них, дерево, речку – старается написать. «Горы – это Космос», – говорит он. Бывает и так, что годами не видит красоту. И вдруг... С детских лет проходил мимо одного дерева у озера. И вдруг увидел, какое оно красивое, написал в прошлом году, а в этом году это дерево погибло.

Когда учился в Краснодарском художественном училище, хотел писать дипломную работу на этническую тему. Отговорили, и все-таки пришел именно к этой тематике. У Зелимхана Индрисова есть картины, на которых изображен праздник: свадьба, танцы, вывод невесты. Многофигурные композиции, где прописано множество фигур, всадники на лошадях, музыканты и т.д. Все эти картины написаны в технике восковой темперы, что придает еще большую ценность из-за яркости красок, соответствия ментальности этноса и цветовой гаммы. Костюмы персонажей художник пишет на основе исторических документов, что также важно для будущих поколений. Первая работа, которую художник назвал «Вывод невесты», была экспонирована на выставке в дни декады культуры КБАССР в Москве и Ленинграде и стала собственностью музея Востока. В настоящее время три больших и три маленьких полотна под общим названием «Вывод невесты» практически завершены. Художник полностью отказался от коммерческих работ, ему не хочется себя внутренне ломать и откладывать на будущее то, к чему лежит душа сегодня. Он готовится к персональной выставке.

Жанровые сценки на этнические темы – вывод невесты, свадьба, праздник, радость на природе. Подробный этнографизм, сюжет – танец, в котором динамика останавливается на мгновение. Сюрреалистически застывшие фигуры. Симбиоз реализма, который на грани сюрреализма, через воздух, получаемый в технике энкаустики. Зелимхан побоялся бы эти пейзажи писать масляными красками, потому что может потерять ту красоту, то ощущение иллюзорности, живости, которого можно достичь только в энкаустике. Легкость, свежесть, голубизна зимнего холода в «Зимнем пейзаже». То, что нравится, что увидел, это хочется показать людям не придумывая, а просто что-то убирая или прибавляя, чтобы это было предметом художественного изображения. Портрет – надо увидеть человека, его взгляд, пластику, характер. Художнику обязательно нужна натура. И тогда соединив технологию, мастерство, живопись – можно написать картину. «У меня есть одно маленькое преимущество перед всеми великими мастерами, которые мечтали о технике энкаустики. «Эпоха Возрождения» – так называется потому, что эти мастера возрождали то, чего достигли древние греки в технике энкаустики.

«Замечательно отношусь к сюрреализму, Дали мой любимый художник. Когда впервые увидел его работу «Предчувствие войны», сразу полюбил. В этой работе мастерство, я увидел и Гойю, и Веласкеса, и Рафаэля и всех других великих художников. Дали вобрал в себя всех великих предшественников и сделал классификацию мирового искусства. Дали был трудолюбивым и очень застенчивым человеком. И все эти эпатажные фокусы проделывал именно из-за стеснительности. Он говорил молодым: «Научитесь работать как старые мастера». Проблема современного искусства именно в том, чтобы осовременить то великое, которое создали как в Древней Греции, так и в Китае, Японии, Италии и т. д. В таких мастерах, как Дали, сочетаются и мастерство, и время. И создаваемое великими именно тем и отличается, что опережает время как в смысле искусства, так и в смысле чувствования общественных отношений и времени как философской категории. Именно через искусство, культуру как самый мощный психологический метод воздействия, решаются политические задачи. «Хочешь сломать народ, уничтожь его культуру». Все зависит от автора, как он покажет то или иное. Индрисов учился у старших художников. Все, что делается мастерски, именно художником, это настоящее искусство. Все, что непрофессионально – пошло. Вся проблема в том, как делает художник, а не то, что делает. Пейзаж можно сделать красиво, а другой этого не видит. Бог дал одному это видение, другому не дал, и в этом весь фокус. Звездочка вспыхивает то там, то там. Все не могут быть светилами, каждое время дает свою форму. У художника присутствует нутряное чутье современного состояния и чувство красоты, которое будет всегда востребовано. Сопоставить внутри себя эти чувства времени и красоты может только талантливый художник. Талант не может не чувствовать своего времени, уйти от него. И в этом гений Дали. У каждого свое чувство времени. Индрисов не ставит глобальных задач, его возможности ограничены. Его родители из средневековья, народ не подготовлен к живописи, искусству. Живопись впереди всех искусств.

Али КУРАШИНОВ**Патриарх учителей математики КБР**

Человек, к которому обращены эти замечательные слова, – всего лишь сельский учитель математики СОШ № 1 с. Кызбурун-1 (ныне с. Атажукино) Курашинов Тагир Мухамедович. Родился он в 1932 году. Рано лишившись своих родителей, оставшись со своей младшей сестрой на попечении бабушки и родного дяди, испытал всю тяжесть и горечь сиротского детства как довоенных, так и послевоенных лет.

Ходил в школу, сперва в сельскую начальную, потом в семилетнюю, а затем в Баксангэсовскую среднюю школу. После окончания средней школы как перспективного выпускника его направили на краткосрочные курсы учителей. В 1952 году он становится учителем начальных классов. И вдруг в связи с призывом на службу в Советской Армии пришлось на время оставить работу. После демобилизации он возвращается в школу учителем математики 5–7 классов. Наука математика манила пытливого юношу все дальше и дальше. Однако без соответствующей специальной подготовки работать становилось трудно. А его семейное положение не давало ему возможности поступить на очное обучение. Выбор был один – поступить на заочное отделение физико-математического факультета КБПИ, и он выбрал это. После его окончания предложили продолжить образование в аспирантуре, но, увы, положение в семье не могло позволить и этого.

Между тем школа росла и развивалась. Она была преобразована из неполной средней (семилетней) в полную среднюю школу. Вместе с ростом школы рос и он сам как учитель, как педагог, росла и крепла его любовь к предмету и детям. Он был жестким и строгим, в первую очередь, к самому себе, а потом того же требовал от других.

Его добросовестное, ревностное отношение к работе, требовательность и справедливость заметила дирекция школы и неожиданно для него ему предложили должность завуча школы

Проработав несколько лет на этой должности, он понял, что это не для него, что эта должность отнимает у него много драгоценного времени, что она не дает полноценно, глубоко и свободно трудиться с учащимися. И по этой причине он оставил эту должность по собственному желанию.

Тагир не одобрял поурочные планы, и он не пользовался ими. Он считал, что учитель должен жить на уроке свободно, мыслить свободно. И практически он доказывал свою правоту на своих уроках. Он никогда не ограничивался рамками урока, занимался после уроков, занимался у себя дома.

**Курашинов
Тагир Мухамедович**

Тагир Мухамедович участвовал почти во всех традиционных Днях математического факультета КБГУ. Эти дни накрепко привязали его к студентам. Об этом вспоминает бывший тогда студент, ныне преподаватель этого факультета Астемир Мамхегов: «С заслуженным учителем школы РСФСР Тагиром Мухамедовичем Курашиновым я познакомился в 1976 году во время дня математического факультета КБГУ. Его эмоциональное выступление с вкрапленными стихами собственного сочинения поразило всех и приковало к нему всеобщее внимание. Сельский учитель математики мгновенно овладел вниманием тысячной аудитории преподавателей и студентов. Мы, студенты, буквально влюбились в него и его профессию. В нем мы увидели образец для подражания».

Ни одна олимпиада на любом уровне не проходила без участия его учащихся, и каждый раз они завоевывали призовые места. Эти мероприятия приносили учителю и учащимся безграничную радость, воодушевление и желание двигаться вперед, подниматься еще выше.

Тагир Мухамедович принимал активное участие в работе районных и республиканских комиссий («по медальным работам») и жюри различных олимпиад, при этом он всегда проявлял объективность.

Среди его наград и поощрений хочу выделить особо одно: «Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 26.10.81 г. наградил Почетной грамотой и присвоил почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР» за большие заслуги в области народного образования».

Помимо педагогической работы он был еще и большим общественником. Неоднократно избирался депутатом местного Совета, сотрудничал с газетами, радио, в органах народного контроля. Он имеет от каждой из этих организаций поощрения.

В 2002 г. коллектив школы, где он учился и работал бесценно до последних дней, отмечал 70-летний юбилей Тагира Мухамедовича и 50-летие педагогической деятельности. В этот вечер он принимал поздравления от своих воспитанников, коллег, односельчан, друзей и представителей министерств и ведомств.

На этом вечере с благодарным признанием высказалась бывшая выпускница Тагира, ныне директор СШ № 30 г. Нальчика Лариса Темирова: «Вы всегда являлись для меня идеалом учителя, примером для подражания. Несмотря на то что я была ярко выраженным гуманитарием, вы смогли зажечь во мне искорку неисчислимой любви к царице наук – математике, которая очень помогала и по сей день помогает в жизни».

У него пятеро детей. Анудин и Жанна стали математиками, как и отец. Остальные трудятся в различных отраслях.

За его титанический труд, за его доброе и глубокое понимание значимости дела, которым он занимался, его друзья, сотрудники математического факультета КБГУ, в приветственном адресе по случаю 70-летия назвали Тагира Курашинова «патриархом учителей математики Кабардино-Балкарской республики».

В 2004 году во второй половине июля он попал в реанимацию с инсультом. Около двух недель он находился в коме, и, не приходя в сознание, скончался в конце июля.

В 2007 году трудовой коллектив школы, где он трудился более полувека, решил увековечить его имя. Они обратились в местное самоуправление с просьбой присвоить СШ № 1 с. Атажукино имя заслуженного учителя школы РСФСР Тагира Мухамедовича Курашинова. Просьба была удовлетворена.

МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР «ВРАЧ-ПАЦИЕНТУ»

В 2005 г. при поддержке Торгово-промышленной палаты КБР было создано и зарегистрировано Кабардино-Балкарское региональное отделение общественной организации «Первая общероссийская ассоциация врачей частной практики». В том же году начал работать медицинский отдел этой организации «Медцентр «Врач-пациенту». За прошедшие годы сотрудниками медицинского отдела был наработан огромный опыт в диагностике и лечении таких социально значимых инфекционных болезней, как вирусные гепатиты В, С, Д. Актуальность проблемы вирусных гепатитов определяется большим количеством инфицированных, нередко бессимптомным течением этих заболеваний, высоким процентом хронизации, довольно частым исходом в цирроз печени и гепатоцеллюлярную карциному, высокой стоимостью противовирусного лечения. Профилактика, ранняя диагностика и обоснованное лечение – основа борьбы с этими заболеваниями.

Кроме того, врачи центра занимаются диагностикой и лечением внутриутробных инфекций (герпесвирусной, цитомегаловирусной инфекциями, токсоплазмозом и краснухой). Консультации для беременных проводятся бесплатно. Наличие у беременных внутриутробных инфекций может сказаться не только на вынашиваемости беременности, но и на развитии у плода различных патологий, в том числе и уродств. Поэтому здоровье женщин особенно важно во время беременности. И особенно важно, что центр имеет обратную связь с врачами женских консультаций и участковыми инфекционистами.

Профессорами центра ведется большая просветительская работа. В 2009–2010 гг. были организованы и проведены конференции для врачей во всех районах Кабардино-Балкарской республики на темы вирусных

гепатитов и внутриутробных инфекций, а также две конференции для врачей Чеченской республики по просьбе Минздрава ЧР.

В центре работают высококвалифицированные специалисты. Прием ведут доктора медицинских наук, профессора кафедры инфекционных болезней Кабардино-Балкарского государственного университета Маржохова Мадина Юрьевна и Иванова Марина Руслановна.

Маржохова Мадина Юрьевна, 1958 г. ., доктор медицинских наук, профессор кафедры инфекционных болезней и эпидемиологии Кабардино-Балкарского госуниверситета. После окончания средней школы № 9 г. Нальчика поступила на медицинский факультет КБГУ, который окончила с отличием в 1982 г. После интернатуры один год работала участковым врачом в поликлинике № 1 г. Нальчика. Во время работы на участке получила неоценимый опыт общения с самыми разными больными, опыт первичной диагностики

различных терапевтических, хирургических и др. заболеваний.

Затем специализации по инфекционным болезням, ординатура, аспирантура. В 1994 г. в 1-й московской Академии им. М. Сеченова в г. Москве защитила кандидатскую диссертацию по теме «Функциональная активность палочкоядерных гранулоцитов при рожистом воспалении». С этого

же года – ассистент кафедры инфекционных болезней КБГУ, а позже – доцент. После окончания докторантуры, в 2005 г. защитила докторскую диссертацию по теме «Некоторые аспекты иммунитета, свободнорадикального окисления и синдрома интоксикации у больных с острыми кишечными инфекциями» в Центральном НИИ эпидемиологии в г. Москве и была избрана профессором кафедры инфекционных болезней КБГУ.

В настоящее время в сферу научных интересов входят вопросы, касающиеся диагностики и лечения вирусных гепатитов и внутриутробных инфекций. Имеет более ста двадцати публикаций, в том числе в центральной печати, монографию «Дизентерия», учебно-методические пособия по инфекционным болезням и эпидемиологии.

С 2005 г. является председателем Кабардино-Балкарского регионального отделения общественной организации «Первая общероссийская Ассоциация врачей частной практики» и содиректором медицинского отдела Ассоциации, где ведет большую консультативную работу.

Активно интересуется научными новостями в области инфекционной патологии и эпидемиологии. Ежегодно принимает участие в научных конференциях республиканского, общероссийского и международного значения. Последние конференции: «Первый международный конгресс по инфекционным заболеваниям» и «Гепатошкола» в г. Москве в 2009 г. и Международный конгресс по проблемам печени в Австрии (Вена) в 2010 г.

С 2009 г. избрана академиком АМАН.

Замужем, имеет двоих детей.

Иванова Мари-

на Руслановна родилась 27.02. 1969 г. в г. Нальчике. В 1986 г. после окончания СШ № 23 поступила на медицинский факультет КБГУ, который закончила в 1992 г. с отличием. В том же году поступила в аспирантуру при кафедре инфекционных

болезней КБГУ. В 1996 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Функционально-метаболическая активность нейтрофилов у больных вирусными гепатитами А и В» в Центральном научно-исследовательском институте эпидемиологии (Москва). После окончания докторантуры при кафедре инфекционных болезней КБГУ защитила докторскую диссертацию на тему «Свободно-радикальные и иммунологические аспекты патогенеза у больных вирусными гепатитами В, С, В+С». С 2003 г. работает профессором кафедры инфекционных болезней КБГУ.

Имеет широкий спектр научных интересов, с акцентированием на особенностях иммунопатогенеза вирусных гепатитов и течениях внутриутробных инфекций у беременных. Имеет более 110 опубликованных работ, в том числе – монография «Вирусный гепатит С». Прошла специализации при Российской медицинской академии последипломного образования и Кубанском государственном университете.

С 2005 г. является заместителем председателя Кабардино-Балкарского регионального отделения общественной организации «Первая общероссийская Ассоциация врачей частной практики» и содиректором медицинского отдела Ассоциации.

Ведет большую консультативную работу в Инфекционной больнице, в районах, в лечебных учреждениях республики и медцентре.

Иванову М. Р. знают как высококвалифицированного врача и успешного ученого. Готовит новые научные кадры, имеет аспирантов.

Принимала активное участие в научных конференциях: «Первый и второй международные конгрессы по инфекционным заболеваниям» и «Гепатошкола» в г. Москве в 2009 и в 2010 гг., Международный конгресс по проблемам заболеваний печени в Австрии (Вена) в 2010 г.

С 2009 г. избрана академиком АМАН.

Маржохова Мадина Малиловна родилась 01.07. 1968 г. в г. Баксане. В 1983 г. окончила школу с отличием в с. Яникой Чегемского района и поступила в Нальчикское медицинское училище. В 1986 г. окончила училище и поступила на работу в городскую инфекционную больницу (ГУЗ «Центр по профилактике и борьбе со СПИД и

инфекционными заболеваниями МЗ КБР»), на должность мед. сестры, где работает по настоящее время.

В 1991 г. прошла курсы по повышению квалификации по специальности «Медсестринское дело» в г. Нальчик, и была аттестована с присвоением первой квалификационной категории.

В 1999 г. переведена на должность старшей мед. сестры.

В 2002 г. прошла курсы по повышению квалификации на базе Нальчикского медицинского колледжа, по окончании которых была аттестована и получила высшую квалификационную категорию.

С 2004 г. переведена на должность помощника эпидемиолога ОКЭ ПО «СПИД».

В 2008 г. получила сертификат, пройдя курсы повышения квалификации на базе Кисловодского медицинского колледжа.

Маржохова М. М. имеет опыт работы более 25 лет, имеет необходимые практические навыки, хорошую профессиональную подготовку, умеет создавать в коллективе благоприятную психологическую атмосферу, пользуется уважением среди сотрудников и больных, постоянно повышает свой профессиональный уровень.

С 2005 г. работает в Медицинском центре «Врач-пациенту». Владеет методикой пользования новейшими расходными материалами, в том числе современными вакуумными пробирками.

Замужем, имеет двоих сыновей.

***Маржохова Асият
Руслановна***, 1986 г.р.,

окончила школу № 14 г. Нальчика и поступила на медицинский факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета, а по окончании интернатуры в 2010 г. – в аспирантуру на кафедру инфекционных болезней и эпидемиологии КБГУ. Во время учебы активно участвовала в работе

студенческого научного кружка, ежегодно участвовала в студенческих научных конференциях и в работе Первого всероссийского конгресса по инфекционным заболеваниям в 2009 г. в г. Москве, имеет четыре публикации, две из них – в центральной печати. Является сотрудником медцентра «Врач-пациенту». Работает над кандидатской диссертацией.

Материал подготовлен Жанной Кандоровой

Ваше здоровье – в ваших руках!

– В практике любого врача есть случаи, когда прилагаешь все силы, а помочь больному не удастся. Почему? Возможно, слишком поздно обратились к специалисту, может быть, заболевание протекает необычно и трудно вовремя установить диагноз, а бывает и так, что больной не переносит лекарства.

– В этой ситуации и приходится искать наиболее эффективный способ, который исключает применение фармакологических средств. К счастью, такие методики уже есть.

В 2007 году я впервые познакомилась с методом ДЭНС (динамической электронейростимуляцией). ДЭНС является эффективным методом восстановительной медицины, рекомендованным минздравом России к использованию в лечебной практике в стационаре и в домашних условиях.

В основе действия ДЭНС лежат те же принципы и механизмы, что и в иглоукаливании. Но есть и отличие – кожа не травмируется и сами биологически активные точки активно реагируют на механическое воздействие.

Аппарат ДЭНС прост в обращении, он весит всего 300 грамм и работает от батареек. Его надо поставить на больное место, и происходит «чудо». За минуты уходит боль, практически на глазах заживают раны, в 2–3 раза быстрее вылечивается любое воспаление, улучшается кровообращение.

Если применять аппарат ежедневно по 20–40 минут в течение не-

скольких дней в месяц, через несколько месяцев меняется уровень гормонов, восстанавливается иммунитет (заметьте, без единого медикамента и совершенно безопасно для больного).

ДЭНС не имеет ограничений по возрасту, его можно применять с первых дней жизни и до самых преклонных лет. Он сочетается с любыми видами лечения, усиливая их эффект.

Хотелось бы, чтобы все знали, в каких случаях используются аппараты класса ДЭНС.

Во-первых, в любых экстренных ситуациях, когда необходима неотложная помощь, а нужного лекарства нет (травма, шок, остановка сердца, утопление, аритмия, гипертонический криз, приступ радикулита и т. д.)

Во-вторых, когда у пациента наблюдается непереносимость лекарства (аллергия).

В-третьих, когда нужна помощь «безнадежным» больным, когда все методы испробованы, а результатов нет (последствия инсульта, ДЦП (детский церебральный паралич), бесплодие, фибромиома и т. д.).

В-четвертых, ДЭНС можно сочетать с медикаментозным лечением, что позволит снизить прием количества лекарств, уменьшить осложнения и сохранит ваши деньги.

Аппараты класса ДЭНС – изобретение российских ученых. Кроме России они широко используются во многих развитых странах мира. Всего в 34 странах с высоким уровнем жизни и развитой медициной, например, в странах Европы, Америке, Канаде, Австралии и т. д. В России – несколько миллионов пользователей, аппаратами могут пользоваться люди, не имеющие медицинского образования.

ДЭНС лечит не болезни, а больного. Он используется на любой стадии болезни – при первых симптомах заболевания, в разгар болезни, в период реабилитации. Он облегчит течение болезни – она пройдет быстро и бесследно.

Кроме программы «терапия» в аппарате заложена программа профилактики. ДЭНС могут использовать здоровые люди для профилактики простудных заболеваний. Аппарат используется для снятия стресса и его последствий, при синдроме хронической усталости, для улучшения результатов у спортсменов, для повышения интеллектуального потенциала. У аппарата ДЭНС есть еще одна возможность – функциональная диагностика. Бывают случаи, когда диагноз неясен и пациента начинают обследовать от «макушки до пяток». На это тратится огромное количество денег и времени (иногда месяцы).

С помощью аппарата ДЭНС мы имеем возможность за 20–30 минут

Пафифова
Асият Султановна –
врач ДЭНС-терапевт,
к. м. н.

безболезненного обследования определить «самое слабое звено» и направить в нужное лечебное учреждение для быстрого дообследования. Кроме того, диагностика позволяет выявить зарождающуюся болезнь до появления клинических симптомов.

Динамической электронейростимуляцией я занимаюсь 4 года и применяю этот метод при лечении острых и хронических болевых синдромов, заболеваний сердечно-сосудистой, костно-мышечной систем, болезнях органов пищеварения, дыхания, ЛОР-органов, глаз и кожи.

За время моей работы в качестве ДЭНС-терапевта меня поразили два случая.

Однажды ко мне привезли мальчика 12 лет с приступами бронхиальной астмы, которые повторялись непрерывно. Состояние осложнялось тем, что назначаемые препараты вызывали аллергическую реакцию. Ребенок задыхался. Я попробовала работать аппаратом по стандартной схеме лечения, приведенной в руководстве по ДЭНС-терапии, и сама была удивлена результатом: после 30 минут работы аппарата состояние больного улучшилось, он перестал задыхаться, а после третьей процедуры обострение заболевания было снято полностью. Через 2 месяца ему был проведен повторный курс. Сейчас мальчику 16 лет, приступы бронхиальной астмы не повторились ни разу.

Другим пациентом был мужчина 52 лет с межпозвонковой грыжей поясничного отдела позвоночника с корешковым синдромом. Он жаловался на непереносимые боли в пояснице, он не мог ни стоять, ни сидеть, ни лежать. Уже после первой процедуры боль практически прошла, прострелы прекратились, остались небольшие дискомфортные ощущения при некоторых видах движения. Удивленный таким результатом пациент сказал: «Спасибо, доктор! Ваш аппарат лучше всяких таблеток!»

И таких случаев много. Теперь получить консультацию врача ДЭНС-терапевта можно и в нашем городе. В Нальчике открыт ДЭНАС-центр, где проводятся квалифицированные бесплатные консультации.

– Спасибо Вам за беседу!

Интервью Зинаиды Мальбаховой

Теплеев Алим Алимович родился в 1964 году в Нальчике, в 1992 году окончил Литературный институт им. Горького в Москве, работал старшим редактором журнала «ЛКБ», издавал газету «Почтовый курьер» УФС РФ. В настоящее время занимается литературными переводами, автор ряда актуальных публицистических исследований.

Али САФАР

КРАТКИЙ ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I

Любой человек, не потерявший интереса к серьезному чтению, может заметить, что современная русская (русскоязычная) литература меняется буквально на глазах, и уже сегодня ее определяют совсем иные писатели, нежели еще каких-то пять-семь лет назад. Не говоря уже о прошедшем десятилетии. Эти метаморфозы (мутации) начались с конца 80-х, когда история советской литературы оборвалась: являясь оранжерейным цветком социалистической государственности, она завяла, как только в оранжерее перестали топить. Мощнейшая информационно-идеологическая машина КПСС со всеми ее издательствами, теле- и радиостудиями попала в руки реформаторов, и на голову простого советского человека обрушился небывалый поток информации, повергший его сначала в шок, а потом в растерянность и апатию. Точкой отсчета современной литературы как информационного начала можно назвать имена – как знаковые – Александра Солженицына (все хроники «Красного колеса») и Варлама Шаламова, представителя мертвых, чьи кости были брошены на темной стороне советского рая. В условиях намеренного умолчания достижений советского общества реформаторами и наиболее расторопными «свободолюбивыми» воинами пера («образованцами», по выражению того же Солженицына) была втоптана в грязь вся оптимистическая оранжерея советской эстетики со всеми ее героями войны, труда и человеческого духа. Цветы «самиздатской» и «тамиздатской» литературы также увяли – они были связаны с официальным соцреализмом единой корневой системой. Писателям всех направлений, «вредным» и «полезным», архаистам и новаторам трудно было привыкнуть к мысли, что отныне они должны жить в жестких условиях дикого рынка, и для многих из них последняя революция (искусственная) и последовавший распад величайшей империи оказались неподъемной трагедией: их лира умолкла навсегда.

Однако в СССР существовала и другая литература, стоявшая вне рамок

проповеднической деятельности. Она и явилась предтечей того творческого всплеска, что мы наблюдаем сегодня и о котором имеем сказать несколько слов в настоящем эссе. Конечно, она не претендовала на «инженеринг» человеческих душ, казалась неясной, бесцельной, что вполне справедливо вызывало недоверие к ней у противостоящих идеологических лагерей. Она скорее была асоветской, нежели антисоветской. Она сдержанно относилась и к диссидентской литературе; та ей казалась (и справедливо) идейной изнанкой конформистской словесности при заметной общности эстетических критериев. Другая литература казалась странной (с точки зрения советского интеллигентного сознания), имела учителями мастеров, зачастую не совместимых между собою: Гоголя и Андрея Платонова, сюрреалистов и декадентов начала века, Набокова и Борхеса, всевозможных мистиков, музыкантов «Битлз», «Роллинг стоунз», «LZ» и пр. Она любила абсурд и заумь обэриутов, подпитывалась из боевиков Голливуда и западного постмодерна, мифологий неведомых массовому читателю народов.

Другой литературе приходилось иметь дело с дискредитированным словом. Русское слово советского периода, ясные всем идиомы и метафоры, многократно оказавшись добычей ложных идеалов, фальшивых восторгов, обещаний и лозунгов, стали призраками. Сначала они обрели иные, анекдотические смыслы в массовом сознании. Затем перешли в полулегальную элитарную печать. В радикальном крыле авангардизма (Пригов, Рубинштейн, Сорокин) в последние годы коммунистического режима зародилась субкультура московского концептуализма со своими законами, публикой, семиотикой, ритуалами подпольных вернисажей, скандальных хепенингов, личными отношениями – это была часть жизни моего поколения, особый круг молодых столичных интеллектуалов, начитанных бездельников и «понаехавших» со всех концов страны искателей, и первокурсников «с горящими очами», исполненных тщеславных надежд (в основном напрасных), – время, о котором нельзя не вспомнить без ностальгии.

Московский концептуализм – герметичный, бескомпромиссный, ироничный и высокомерный – совмещал в себе полное отчуждение от слова и полное отчаяние, скрытое за текстом. Начав с трансформации эстетики соцреализма в форму социальной драмы, отрицания и сарказма, он на первых порах был близок художественному диссидентству. Однако со временем поле игры превратилось в самостоятельную стихию, напрямую не связанную с политическим вызовом. Работая с готовыми конструкциями, эти литераторы, способные воспроизвести любой тип письма, доводили узнаваемые тексты идеологических клише и понятий специфически советского типа до поэтического абсурда, играя с политическими, национальными, моральными табу. Теперь об этих играх мало кто помнит; быстрое увядание их текстов объясняется изменчивостью политической конъюнктуры. К программным заявлениям самих концептуалистов нужно подходить как к литературной игре, однако их претензия на подведение итогов в культуре вполне серьезна.

Претендующий на звание ведущей фигуры в новой русской литературе – Владимир Сорокин строит свои тексты на отбросах социалистического реализма, он взрывает их неожиданным сломом повествования, ненормативной лексикой, словами-мутантами, имеющими хождение в определен-

ном кругу, предельным сгущением, концентрацией текста, состоящего из сексуальной патологии, тотального насилия, вплоть до каннибализма и некрофилии. Под коркой текста обнаруживается словесный хаос и бред, глухо намекающий на существование запредельных миров. Тексты Сорокина – это блюда, приготовленные разочарованным романтиком, они вызывает у читателя рвотный рефлекс, эстетический шок. Впрочем, ограниченность меню, повторяемость приема постепенно ослабляет первоначальное впечатление, словно посредственный рок-н-ролл: отдельная вещь вроде захватывает, а вся пластинка приводит в уныние.

Другое дело – Юрий Мамлеев, которого в известной степени можно назвать учителем Сорокина. Его повествователь начинает с самоопределения, заимствованного у «подпольного» человека Достоевского: «Поганенький я все-таки человечешко...». Главная героиня Мамлеева – смерть. В разнообразии «патологических» ужасов в консервативном письме, стилистически близком, прежде всего, Достоевскому, слышится всепоглощающий восторг открытия табуированного сюжета (для советского человека проблемы смерти как бы не существовало), черная дыра, куда всасываются любые мысли. Смерть становится единственной реальной связью между бытием и сознанием. Мамлеевский текст не отвечает на вопрос о том, что порождает эту связь. Скорее всего, важен не вопрос, а результат: смерть разрушает гуманистические конструкции соцреализма. Остается лишь дикий испуганный визг мамлеевских персонажей (глагол визжать – основной мамлеевский глагол), которые хотят спастись от навязчивой мысли о неминуемой смерти в грязной пивной, сектах, сексе, галлюцинациях, убийствах, – ничего не помогает. Может помочь только нелюбезность и тупость.

В более молодом поколении писателей этого течения возникает вторичный стиль, чернуха, жизненные ужасы и патология воспринимаются скорее как забава, литературный прием, как уже проверенная возможность поиграть в острые ощущения.

Впрочем, нельзя забывать и о «веселых», всеми любимых авторах. Проза ленинградского писателя Сергея Довлатова (умер в эмиграции в Нью-Йорке) освещена мягким, чеховским юмором. Но именно эта школа (десятка два подобных ему невоинствующих писателей-диссидентов) нанесла самые ощутимые пробоины в корпусе коммунистического дредноута. Именно с ними на смену соцреалистическому «я знаю, что делать» в литературу приходит «ничего не поделаешь». Война со злом давно закончилась его окончательной победой, но жить-то как-то надо. Сергей Довлатов окончательно превращает описываемую реальность в театр абсурда, о морализаторской роли повествователя не может быть и речи, на первый план выдвигается компромисс, который сознательно выносятся им в заглавие цикла. Жизнь в отечестве обладает удивительным комизмом. Довлатов не способен ее изменить, но способен описать, и описание становится преодолением реальности, превращением гадости в чистый предмет стиля. Чем нелепей, тем смешней. В отличие от темного, мутного повествователя Мамлеева довлатовский повествователь не лучше и не хуже других, он как все. Он, пройдоха, любитель женщин, находчивый пьяница, сам участвует в окружающем его обмане, двоится, выступая как журналист, пишущий о «человеке, обреченном на счастье». Оказывается,

от внешних и внутренних несоответствий можно получать кайф. Спасительный цинизм превращает Довлатова в ключевую для новой советской литературы фигуру, делает популярным среди широкого читателя. Советский читатель не напрягается – от него больше не требуют свершения подвига.

Цинизм достигает виртуозности у Эдуарда Лимонова, нарушителя всех запретов и одного из самых ярких писателей, остающегося таковым по сей день. Для него интересны патология или внезапная откровенность, что-то выпадающее из нормы, какое-то происшествие, которое становится невыносимым врагом свободного человека. В его приключениях все решают ситуация, инстинкты, каприз. Старая идея сверхчеловека ловко упакована в сознание маленького сентименталиста, любящего пиво, женщин и колбасу. Герой Лимонова не способен ни на что и одновременно способен на все. На любую низость. Типично хулиганская ментальность, дразнящая воображение, особенно в нашей стране. Все меняется в одну секунду. Вчера авангардист, сегодня националист. Непредсказуемость – суть лимоновского цинизма. Убедившись в скуке западной жизни, он выбирает поруганный коммунистический идеал как вызов, как способ идти против течения, заставить о себе спорить. Лимонов приятен еще и тем, что в отличие от его сверстников, «скучных поэтов», политкорректных, не рискующих карьерой, сохранил юное обаяние и нахальство. Но, к сожалению, Лимонов сегодня уже не тот, кто рушит основы или шокирует обывателя. Рушить стало нечего.

В активе юродствующих великих писателей основной фигурой можно назвать Венедикта (Венечку) Ерофеева. Поэму «Москва–Петушки» знает весь мир. Венедикт Ерофеев предложил русской прозе особый биологический ритм алкоголической исповеди. Возник эффект национальной подлинности. Алкоголик – ласковая, застенчивая, трепетная душа – оказался трезвее трезвого мира. Венедикт Ерофеев нащупал серьезную для русской культуры тему «несерьезного», «наплевательского» отношения к жизни, уходящего корнями в религиозное прошлое юродивых и скоморохов. Он предложил и национальное решение: круговорот запоя и похмелья как отказ от навязанных народу идеологических календарей, свой тип наркотического путешествия, ставшего благой вестью о несовместимости советизма и русской души. Как и другие писатели, склонные к юродству, Венедикт Ерофеев замечательным образом и часто совсем ненароком показывает «неевропейскость» советского характера, непоследовательность, неопределенность воззрений и поступков, связанных с запутанностью бытовой и семантической структур советского мира. Западный читатель может вздохнуть с облегчением: он не живет в России, где так низко ценится человеческая жизнь и так много дикости.

Можно вспомнить талантливую (и мажорную) Виктор Ерофеева, чье творчество требует, конечно, более детального рассмотрения, и параллельно с ним возникшую женскую прозу (в сегодняшнем новом понимании – не путать с чтивом Д. Донцовой & Ко), откровенную, но в основном далекую от феминистской идеологии, к которой, например, Татьяна Толстая или, скажем, Людмила Улицкая не скрывают своей враждебности. В рассказах Т. Толстой по-мужски мощная энергия традиционного письма на смешливо контрастирует с описанием несчастных, бессмысленных судеб. Она готова приласкать и ободрить своих неудачливых героев, но отдает

себе отчет в том, что помочь, а тем более спасти их трудно, почти невозможно. Побеждают другие – хитрые, злые, недоверчивые, хищные, но это не значит, что хищники правы, просто в жизни нет ни справедливости, ни логики, а есть «какая-то пульсация, мимолетные сны», жалко, и ничего не поделаешь, и хотя нет совсем хороших, зато есть совсем плохие, есть более хорошие и менее хорошие, и одно от другого надо отличать и т. д. и т. п. Не сказать, что они учит нас хорошему-доброму-вечному. Здесь скорее важна форма письма, авторское гурманство, желание заполнить пространство листа наиболее сочными, лупоглазыми, выразительными словами.

Живой классик современного постмодерна Виктор Пелевин нальчикским интеллектуалам известен, прежде всего, по роману «Чапаев и пустота», поскольку это единственная книга с более или менее вменяемой фабулой и ясностью мысли. Большинство литераторов считают, что метод постмодернизма себя исчерпал. Как-то уже неприлично насмехаться над тем, что с нами происходит. Уже давно не смешно. Пора говорить всерьез. Но ведь так они считали во все времена, что никак не отражалось на успехах модернизма во всех видах искусства. Ведь постмодерн не отменяет таких приемов, как гротеск и социальная фантастика. Это Гоголь, Салтыков-Щедрин, Свифт, Уэллс... Пелевин использует в своей прозе некоторые приемы, специфические для жанра фантастики, однако в целом его творчество не укладывается в какие-либо жанровые рамки: его произведения многослойны, причем наиболее значимой в них является эзотерическая, мистическая составляющая. И абсолютная пустота как начало всего. Уже в одном из его первых рассказов «Затворник и Шестипалый» (1990) проявились многие характерные ее особенности: насыщенность философской проблематикой, интертекстуальными аллюзиями, сочетающимися с особой доверительностью тона повествования, использованием форм поп-культуры для выражения и пропаганды мистического знания. В них многие мифологические сюжеты созданы на материале отечественной жизни.

В задачи нашего эссе не входит подробный анализ его творчества. Доложу только, что Пелевин является лауреатом всех мыслимых и немыслимых премий во всем мире, перечислять которые даже не берусь. Последний роман «t» издан в октябре 2009 года тиражом 150 100 экземпляров.

В последние годы в русскоязычную литературу пришло поколение далеко не слабых писателей. Потеря общей идеи высвободила энергию, необходимую для свободного путешествия, и очень скоро новая литература засомневалась во всем без исключения: в любви, детях, вере, культуре, красоте, благородстве, материнстве, народной мудрости (крушение народнических иллюзий, которые не рассеялись в интеллигенции за время существования советской власти), а позднее и в Западе. Ее скептицизм со временем возматерел, вкусовой букет новейшей литературы стал иметь самостоятельную ценность смешения. Впрочем, нравы в ней настолько изменились, что слово «букет» здесь можно использовать и в ином значении. Это – реакция на дикую российскую действительность и чрезмерный морализм русской классической, а затем и советской культуры. Русская классическая литература замечательно учила тому,

как оставаться человеком в невыносимых, экстремальных положениях, не предавать ни себя, ни других; эта проповедь до сих пор имеет универсальное образовательное значение. А главное, в художественную литературу перетекло все то, что стало табуировано в журналистике, загнанной в определенные рамки, формат: журналисты могут обсуждать любую проблему, печатать и показывать любую низость, наконец, но попробуйте выяснить отчетность о движении и израсходовании какого-либо бюджета; они не смеют задеть интересов существующих властей. Область же искусства контролировать сложнее; так мы получили старый добрый реализм, называемый ныне «новым». Это и есть новая литературная реальность. Она невольно идет на поводу той безалаберной и подловатой жизни, которая сложилась в нашем обществе.

В итоге русский классический роман перестал быть учебником жизни, истиной в последней инстанции. Внесены зубодробительные коррективы. Маятник качнулся в сторону от безжизненного, абстрактного гуманизма, возникла тяга к святотатству. Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика зла, эпатажа и шока, усиливается интерес к грязному слову, мату как детонатору текста. Новый реализм колеблется между черным отчаянием и вполне циничным равнодушием. Начинается особый драйв: в литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи – это вонь. Все смердит: быт, плохая пища, старость, смерть, предательство, секс, совращение, изнасилование, пытки, убийство. Отменяется вера в разум, писатели теряют интерес к профессиональной жизни героев, которые остаются без определенных занятий и связной биографии. Многие герои либо маниакальны, либо умственно неполноценны. Место психологической прозы заняла психопатологическая. Сквозной для русской литературы тип маленького человека, которого требуется защитить, или хотя бы пролить над ним слезу, превращается в корыстную и гнусную старуху, подобно насекомому ползающую по жизни в поисках пищи. Уже не ГУЛАГ, как десять-пятнадцать лет тому назад, а сама Россия становится кошмарной метафорой жизни.

Сразу же оговорюсь: сегодня активно работают, пишут яркие книги и получают различные премии Александр Проханов и Эдуард Лимонов, Владимир Маканин и Евгений Попов, Станислав Куняев и Анатолий Королев, Андрей Битов и Руслан Киреев, Сергей Есин... – десятки талантов, весь многочисленный корпус классиков. И все же, главное направление в современной литературе уже явно определяет самое молодое поколение, к своим тридцати годам выпустившее по три-четыре книжки.

Некоторые из них (Прилепин, Карасев, Бабченко) участвовали в людоедской бойне в Чеченской республике. Все они выросли в новой стране, где за них уже никто ничего не рещал; у них есть желание изменить существующее положение вещей, и пока нет груза, что гнет к земле людей, доживших до возраста, когда нужно искать хорошо оплачиваемую работу, обрести удобными вещами, жениться или выходить замуж, размножаться; в них нет ни страха, ни конфуза, в литературу – абсолютно безденежное и невыгодное дело – они ворвались со знанием предмета и без всяких комплексов, которыми обросли мы. Их книги с разной степенью серьезности и художественности заполнены социальной идеологией, имеют успех в среде думающей публики; это значит, молодые писатели ухватили настроения, царящие в обществе.

Но в метрополиях и активно развивающихся регионах эта литература «все перемешала в доме Облонских» – чиновники, политики, олигархи и журналисты из их обслуги стали вдруг биться в конвульсиях и наперебой писать о никчемности и фальшивости этих новых писателей. Стали подчеркивать их якобы наигранный радикализм: «Раздражение в либеральной среде, почти лишенной представительства в парламенте страны, проявляется в поддержке расчетливых конформистов с радикальным имиджем. Писатели, в свою очередь, тонко чувствуют конъюнктуру и спрос на радикальные имиджи, так что стоит ожидать появления нового поколения псевдобунтарей, сочетающих агрессивную риторику с заискиванием перед либеральной аудиторией...» – пишет В. Курицын в «Литературной газете». Глава «Альфа-банка» Авен на своей страничке в ЖЖ: «Многое из того, что, на мой взгляд, следует ненавидеть, можно найти в романе «Санькя» писателя Прилепина – именно эту книгу я прочитал последней. Первый тезис романа предельно банален и прост: «Современный российский мир ужасен, и поэтому жить в нем нормальной человеческой жизнью совершенно невозможно. Более того, преступно». Отсюда и второй не более оригинальный тезис: «Мир этот надо менять. Естественной, силой».

Ответственно утверждаю – каждый настоящий писатель именно экстремист в той мере, в какой он берет на себя смелость говорить о вещах, противоестественных обыденному сознанию. Именно они во все времена обозначают болевые точки общества. И Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и Платонов, и все остальные величайшие литераторы всех времен и народов были подобными экстремистами. И если бы у нас хватало ума слушать инакомыслие, а не подвергать его всяческим преследованиям, мы бы не получили экстремизма реального.

Что же так напугало либеральных критиков? Конечно, не эстетические просчеты, коих не счесть. Их напугала *радикализация современной отечественной литературы*. Все книги подряд («Санькя» Прилепина, «Таблетка» Садулаева, «Птичий грипп» Шаргунова, «Библиотекарь» Елизарова, «Первый снег» Карасева и др.) отрицают, в той или иной степени, сложившийся порядок вещей, или же воспевают ушедших в прошлое героев былой империи. И пусть в их жилах течет еврейская, татарская, кавказская – какая угодно кровь, – русская литература всегда была литературой имперской.

Начались попытки приручить это нехорошее племя, сделать дезертирами его активных представителей, чтобы они стали писать «правильные» книжки. Их начали отмечать государственными и различными фондовыми премиями, их лица зачастили на центральных каналах ТВ и нарисовались даже на приемах в Кремле.

Тем временем тиражи наиболее одиозного романа Захара Прилепина «Санькя» перевалили за сотни тысяч и продолжают хорошо продаваться. Роман очень серьезный. Настолько серьезный, что я настоятельно рекомендовал бы ознакомиться с ним властям предрежущим.

В романе есть главное. В нем есть боль и страсть, и нежелание мириться с отупляющей ложью. А написанная им картина полной безнадежности – это дань той классической русской литературной школе, в которой работает Прилепин. Классическая школа, вышедшая из украденных шинелей, из бедных

Лиз, из бедных людей, из безумцев, грозящих кулаком Медному всаднику, – это всегда слезы. И непременно – бунт. Бунт тихого человека. У прилепинского героя и фамилия такая – Тишин. Классическая «говорящая» фамилия.

Поскольку *поэт поэту кунак*, излишне будет сказать, что Захара Прилепина связывают приятельские отношения с «питерским писателем и юристом» Германом Садулаевым. Нам, кавказцам, последний близок, прежде всего, своим двуязычием (чуть не вырвалось – раздвоенным языком). Когда Герман Садулаев говорит о чеченцах и русских, он называет «мы» и тех и других. Он сам не знает, с какой он стороны – и с какой хотел бы быть. Исходя из личного опыта, могу сказать, что писатели и поэты, представители, в частности, наших малочисленных народов, пишущие на русском языке, никогда не становились вполне «родными» в русской (советской) литературе. И частенько одновременно с этим превращались в отщепенцев в своих родных национальных литобъединениях. Эта дискриминация мало влияла на личные человеческие отношения, она касалась исключительно профессиональной деятельности. В свое время через подобную дискриминацию прошли и Фазиль Искандер, и Чингиз Айтматов, и Алим Кешоков, и Кайсын Кулиев, и многие другие известные и неизвестные писатели и поэты.

Герман Умаралиевич Садулаев (род. в 1973 году в Шали) один из самых талантливых писателей поколения 35-летних, финалист премий «Русский Букер – 2008» и «Национальный бестселлер – 2009», автор романов «Таблетка», «Радио Fuck», «AD», «Пурга, или Миф о конце света», тетралогии «Апокрифы чеченской войны». На литературном небосклоне Садулаев возник благодаря сборнику «Я – чеченец». Это объединенные в несколько повестей и рассказов импрессионистские зарисовки, сборник трогательных рассказов о человеческом горе. В центре книги – житель мегаполиса, трагически переживающий свою связь с прошлым. У него «фантомная боль, словно в ампутированной конечности», связанная как с историческим прошлым его национальной группы, так и историей страны, в которой он родился, и которой больше нет. Садулаев пишет про свое детство, про своих друзей и про свою семью, про то, что было, когда он уехал, про войну, которой не видел и на которой не был. Текст этот страшен. По ту сторону правительственных сводок и новостей государственных телеканалов мы видим – в образной форме – как это происходит именно с тобой. Страшна здесь не столько нелепая, порою абсурдная, гибель десятков тысяч граждан России, страшны люди, которым это безумие было выгодно. Ужасную участь этих людей позже разделили сотни русских солдат, впоследствии повесившихся, выбросившихся из окна, спившихся, сошедших с ума...

Садулаев порою близок к классическим русским образцам. Одна из повестей («Почему не падает небо») описывает город мертвых, «где все уже спокойно», и чрезвычайно близка по настроению рассказу Шаламова «Все умерли». Его современный ответ на гоголевский вопрос о том, куда мчится Русь-тройка: «Никуда ты уже не мчишься, катаешь новых тузов с их бубновыми дамами в дорогих мехах, с их шестерками, по Невскому проспекту, по Дворцовой площади. Подайте лошадам на корм!..» Здесь – вся горечь о бессмысленных жертвах, о бесконечном унижении, которому были подвергнуты народы России ради установления «демократических ценностей»

(т. е. свободы «тузов» не платить за прокорм «лошадок»). Становится ясным, что война в Чечне была одним из самых необходимых и важных отвлекающих маневров, обеспечивших успех «реформ».

Иногда попадают в руки брошюры «ветеранов Чеченских войн», в которых страница за страницей повторяются описания их геройских подвигов. Сценарии для попсовых с одноклеточным юмором сериалов про доблестных вояк (как здорово быть похожими на американцев!) и бородатых террористов московские клипмейкеры, видимо, тоже пишут с подобных текстов. На фоне настоящей трагедии подобное «художество» иначе как с омерзением смотреть невозможно.

Роман «Таблетка», вошедший в шорт-лист русского «Букера – 2008», начинается с эпитафии на хазарском языке: «Можно все». Автор честно предупреждает, что академическая наука не признает ни того, что надпись на хазарском, ни ее перевода. Таким образом, он сразу снимает с себя ответственность за весь текст: вот вам, дорогие друзья, сказка, понимайте, как хотите. Роман можно сравнить с кроссвордом, где географическая ось потребительского счастья проходит по горизонтали Драхен (Голландия) – Петербург (Россия) – Циньдао (Китай), а временная – по вертикали: Итиль (Хазария) – Петербург (Россия). Герой мечется между своими снами-видениями о хазарском прошлом и реальностью российского настоящего. Между поставщиками из Китая и голландцами, декорирующими глобализацию своими брендами. Закрадывается мысль, что он совсем недавно прочел «Хазарский словарь» Павича.

В «Таблетке» повторяется рассуждение о том, что в России формальная логика попадает под запрет, ибо, начав рассуждать логически, каждый человек придет к необходимости уничтожения существующего строя.

В этой обойме нельзя обойти вниманием и Михаила Елизарова. Говоря о нем, не избежим Пелевина и Сорокина. Первого вспомним, читая «Ногти» – повесть, давшую название сборнику. «Ногти» переведены на все возможные языки. По повести поставлен балет «Десять прозрачных полумесяцев» (режиссер – хореограф Александр Попеляев, театр «Кинетик»). Реальность Елизарова, как и универсум Пелевина, беременна сюрмом и фантазмагорией. Что касается Сорокина, сюжеты многих произведений Елизарова замкнуты на себя, словно буддийские коаны. В них нет зачина и развязки; есть лишь «сырое мясо» действия. Они буквально сочатся эпатажем, словно перезрелые фрукты.

Произведения Елизарова похожи на хирургические инструменты, прекрасные в своем совершенстве, ледяные на ощупь и пугающие жутким предназначением. Почти набоковский синтаксис с примесью ненормативной лексики, ледяная отстраненность и спокойствие при жутком раскладе. Вместе с тем, в ней – сплав гоголевской фольклорной чертовщины, довластовской, с прищуром, хитрецы и хармсовской тяги к абсурдизации быта.

В отличие от Сорокина, осознанно вызывающего отвращение, инвективы и непотребства в прозе Елизарова – ласковые щенята, жмущиеся к ногам читателя и вызывающие скорее приступ умиления, нежели отторжение. Герой Елизарова по жизни ущербен (будь то двое полоумных сирот из «Ногтей» или лузер-интеллигент из «Настал час»), но симпатичен

своим извращенным, с точки зрения обывателя, восприятием мира. Вообще, проза Елизарова – скорее поэзия, она воздушна и прозрачна, хоть и отдает мерзостью. Скажу больше – по своей образной насыщенности и разнообразию стиль Елизарова намного опережает вышеупомянутых отцов российского постмодерна. «Там, где уродливые городские тополя, я пробирався домой, как фетиш распрекрасный. В моих глазах отражались ангелы».

Роман «Pasternak» – по жанру «православный боевик»: нечто среднее между «Бесами» Достоевского и «От заката да рассвета» Родригеса и Тарантино. Елизаровский Пастернак выглядит как гигантский демон-птеродактиль с лошадиным черепом – это «оболочка», через которую в русский мир экспортируется инородное зло; через свои сатанинские стихи монстр окутывает интеллигенцию ядовитым смрадом «духовности». Второе имя его Живаго, доктор-трупоед, присвоивший себе один из лингвистических атрибутов истинного, православного бога. Роман явно замышлялся как атомная бомба для интеллигенции.

Самая большая по объему книга Елизарова – роман «Библиотекарь». Это, по сути, первый большой постсоветский роман, реакция поколения 30-летних на тот мир, в котором они оказались. За фантастическим сюжетом скрывается притча, южнорусская сказка о потерянном времени, ложной ностальгии и варварском настоящем. Главный герой, вечный лузер-студент, «лишний» человек, не вписавшийся в капитализм, оказывается втянут в гущу кровавой войны, которую ведут между собой так называемые «библиотеки» за наследие советского писателя Д. А. Громова. Громов – обыкновенный писатель второго или третьего ряда, чьи романы о трудовых буднях колхозников и подвиге нарвской заставы, казалось, давно канули в Лету, вместе со страной их породившей. Но, как выяснилось, для тех, кто смог соблюсти при чтении правила Тщания и Непрерывности, открылось, что это не просто макулатура, но книги Памяти, Власти, Терпения, Ярости, Силы и – самая редкая – Смысла... Вокруг книг разворачивается целая реальность, иногда напоминающая остросюжетный триллер, иногда боевик, иногда конспирологический роман, но главное – в размытых контурах этой умело придуманной реальности, как в зеркале, все узнают себя и свою историю, чье детство началось раньше перестройки. Для других – этот мир, собранный из реальных фактов недалекого, но безвозвратно ушедшего времени, покажется не менее фантастическим, чем умирающая профессия библиотекаря. Еще в рукописи роман вошел в лонг-листы премий «Национальный бестселлер» и «Большая книга».

Это небольшое эссе не претендует на некое литературоведческое исследование. Это предельно сжатый доклад о состоянии сегодняшних литературных реалий, о переломе в так называемом литературном процессе, возникновении другой системы ценностей и идеологий в серьезной литературе нового поколения, исполненный простым человеческим языком, без птичьей литературоведческой терминологии. Независимо от того, нравится это кому-то или нет, она существует, и литераторы и издатели не могут с этим не считаться.

Во второй части обзора мы обратимся к положению дел в литературе собственно нашего края.

Анжела ЭЛЬМУРЗАЕВА

Концепт мира в творчестве Кязима Мечиева

Что такое мир, каков он для каждого из нас? Наверное, однозначного ответа нет. В творчестве Кязима Мечиева тема мира занимает одно из центральных мест. Она недостаточно изучена, и в монографиях затрагивалась в малой степени. Поэт задумывается о жизни на земле, о том, как создан мир. Его волнует человеческая судьба в мире бренном. Для К. Мечиева мир – это трудный путь, где много горя, потерь. Видя, что в мире много страданий, что много угнетенных людей, он пришел к суровой правде жизни:

Дуния деген алай кыйын тик жолду,
Ол жолда азаплык ким сынамагъанд?
Дуния деген алай ачы тенгизди, –
Анда кимни кемелери батмагъанд!

Мир – тяжкая тропа, где скорбь и горе, –
По той тропе чьи ноги не прошли?
Мир – это взбаламученное море, –
И чьи в нем не тонули корабли?

(перевод Г. Яропольского)

Здесь автор сближает и раздвигает две стихии – землю и море. Невозможно идти по тропе жизни и не изведать горя, обойтись без потерь. Мир – море, где мы идем по зыбкой, обманчивой глади. Как море «съедает» корабли, так и жизнь отнимает дорогое нам. Но постижение суровой человеческой жизни на земле не приводит Кязима к отрицанию жизни. В романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» Митя произносит следующие слова: «Не веруй я в жизнь, разуверься я в дорогой женщине, разуверься в порядке вещей, убедись даже, что все, напротив, беспорядочный, проклятый и, может быть, бесовский хаос, порази меня хоть все ужасы человеческого разочарования – а я все-таки захочу жить...». Подобен тому и кязимовский лирический герой. Как бы ни трудна казалась жизнь, человек держится за нее, идет сквозь трудности и беды. Он обращается к миру, называет его горьким, но мир для него и «отчий дом». Каким бы горьким ни казался мир, все же живущие на земле его любят. Человек, падая с коня, не выпускает поводья, так как он боится за свою жизнь.

Ачы дуния тенгизинде барабыз,
Кемебиз кычан батарын билмейин.
Атдан кетгенде да, алай кетебиз,
Билекликлени кьолдан иймейин.

Мы по морю плывем средь многоводья,
Не зная, где корабль потонет вдруг.
Мы падаем с коня, хотя поводья
Стараемся не выпускать из рук.

Дуния, сен не ачы тенгиз эсенг да,
Ата юйюбюзсе сен барыбызны.
Не этейик – куртла кеп жабадыла
Сенде баргъан кыйын жолларыбызны!

Каким бы, мир, ты ни был горьким морем, –
Тебя мы любим, ты – наш отчий дом.
Пускай тропа в снегу, – мы с бурей спорим,
Сквозь вихрь и снег мы все-таки идем.

(перевод Г. Яропольского)

Говоря о жизни на земле, он думает и о потустороннем мире. Эсхатологические отношения занимают особое место в его поэзии. Общеизвестно, что К. Мечиев был религиозным человеком, верил в жизнь после смерти. Но, несмотря на это, он не говорил, что нужно пренебрегать этим миром. Нужно помнить о потустороннем мире, но нельзя забывать о жизни на земле:

Дуня деп, ахыратны унутма,
Ахырат, деп жашауунгу кьурутма.
Экиси да жарытырла бир кибик,
Тюз жашасанг, кьабагынга кюн тийип.

Говоря о жизни, помни о смерти,
О смерти говоря, не забывай о жизни.
Если будешь честно жить, они обе, как одна,
Осветят счастьем, словно солнце, твою жизнь.

(подстрочный перевод)

Автор повествует о том, что умрет и бедный и богатый. Он сравнивает жизнь людей и тихий дождь, употребляет глагол «пронесемся», говорящий нам о быстротечности времени. К. Мечиев призывает не обмануться миром, имеющим конец, судный день.

Кепле кетген дуниядан
кетербиз,
Сакь жауунлай, юрген атлай,
етербиз.
Дуня малын, хазналарын нетербиз, –
Алдатмагыз ахырзаман
дуниягьа!

Из мира, из которого многие ушли,
уйдем и мы,
Как тихий дождь, как вспугнутая лошадь,
пронесемся,
Богатство, состояние – что с ним делать?!
Давайте не обманемся миром,
имеющим судный день.

(подстрочный перевод)

Стихотворение «Мы – гости этого мира» – «сгусток обобщений и разнородность частных сливаются в одну цельную, незавершенную мини-поэму, за которой наив гения», – пишет Р. Кучмезова. К. Мечиев отмечает трудность жизни для всех: кто-то несчастен от бедности, кто-то копит богатство, забыв обо всем. Мы все разные, но всех нас объединяет уход из мира брэнного. Сколько б ни жил человек, ему это покажется мигом («как тихий дождь, пронесемся»). Можно привести балкарскую поговорку: «Эшикден кирип, терезеден чыкьгьанча» («Вошли через дверь, вышли из окошка»). И об этой философии жизни мы читаем в его стихотворениях. Он повествует о том, что человек всего лишь гость в этом мире. И неоднократное повторение этого заставляет нас верить в это, задумываться о временности мира.

В стихотворении «Биз – бу дуняны кьонакълары» К. Мечиев говорит о трудностях, и о социальном положении трудового человека, и не только.

В своих стихотворениях поэт выражает смысл жизни и ее быстротечность, что в мире нет ничего вечного. Мир обманчив. Никто из нас в молодости не задумывается о конце жизни. К. Мечиев как бы предупреждает нас об обманчивости мира, призывает не верить ему. Пусть никто не думает, что будет вечно жить.

Дуниягъа ийнанмагъыз,
Елюмно унутмагъыз,
Дунияны къууанчына
Узакъ емюр тутмагъыз...

Не верьте в мир,
Забыв о смерти,
Счастье в мире
Не будет вечным...

Бир жан умут этмесин
Бу дуняда жашаргъа, –
Узакъ, узун хар заман
Дуниядагъын ашаргъа.

Пусть никто не думает,
Что будет в мире жить вечно, –
Долго живя в мире,
Всего богатства не нажить.

Кимди елюмно суйген,
Айтчы бир жууап манга?
Жюз минг жыл жашасангда,
Ол кеп керюнмез санга...

Кто любит смерть,
Ответь мне?
Живи хоть сто и тысячи лет,
Это покажется мало...

Дуниягъа чыкъгъан адам
Сен елюмге хазыр бол.
Елюмге мадар билген –
Жууабын айтсынчы ол.

Живущий человек на земле
Будь готов ты к смерти.
Тот, кто знает о вечной жизни,
Пусть ответит мне.

(подстрочный перевод)

Поэт, изображая мир, пишет, что в мире больше горя и мало счастья. И так не только в Балкарии, но и на всей Земле. И Кязим душевно это переживает. Он искал счастья, но нигде не смог его найти.

Бу дуняда къууанч азды, ачыу – кеп,
Къууанчха жолну кералмадым излеп.
Бушуу жюрегими элекча этди,
Кязим къайгъылы бла кеп кюрешди.

Мир полон горя, радость же – редка,
Я к счастью путь найти не смог пока.
Изрешетили сердце сотни бед –
Кязим воюет с ними много лет.

Араблыны кезлери да, таулуну
Кезлерица, бушуудан топ-толуду.
Хар жерде бушу кеплюгон кереме,
Хар факъыр-гъа саламымы береме.

Глаза араба, горца ли глаза –
В них горечи безвыходной слеза.
Печаль – повсюду, где ни прохожу.
В лицо всем нищим с болью я гляжу.

(перевод Г. Яропольского)

Путешествуя, К. Мечиев видел на своем пути людей разных национальностей. Он убежден, что в мире живут только две нации – добрые и злые. И «попутчиком» был не человек твоей нации, а «достойный». Поэт был поборником дружбы народов и гуманистом.

Достойный, где бы он ни жил, –
Всего мира сын.
Каждой чистой душе
Он родственник, он попутчик.

Кязимовский мир – трудный, жестокий, обманчивый, временный. Но несмотря на это каждый человек должен прожить свою жизнь честно и достойно. В поэме «Бузжигит» отец героя, который выступает носителем горской морали, наказывает это сыну:

В жестоком мире этом
Для правды, сын, живи.
Твой труд да станет светом,
Источником любви.
Пройди с неправдой в споре,
Свой честный долгий путь,
И в радости и в горе
Ты человеком будь!

(перевод С. Липкина)

К. Мечиев, говоря о быстротечности жизни, задумывается о том, что же является бессмертным. В стихотворении «Смерть придет» поэт опять же говорит о временности мира. Мы видим неоднократный повтор, свидетельствующий о его неизбежности. Ее, смерть, еще никто не преодолевал, «собака лаем не остановит», «сын не поборет ее». Но не сможет смерть забрать его стихи. Человек не вечен – вечно лишь его творение.

Нагрянет смерть, – мой пес мне лаем не поможет.
Нагрянет смерть, мой сын ее прогнать не сможет.
Нагрянет смерть, – и я засну последним сном,
Но будет жить мой стих на поприще земном.

(перевод Г. Яропольского)

Поэт оставляет свои стихи после себя в мире. Они бессмертны, вечны. О нем будут вспоминать, читая его творения. О каждом на земле будут судить по его деяниям. Человек не вечен, но после него остается его деятельность, его труд. Такие строки звучат и в поэме «Бузжигит», где герой помнит этические уроки своего отца, который сказал ему:

Мы, мастера, в этот мир
Приходим для общего дела.
Холодные немые камни
Мы в песни превращаем.

Из дерева и камня мы
Воздвигаем дома и дворцы.
И, только построив их,
Мы можем уйти из этого мира.

(перевод С. Липкина)

Кязим Мечиев именно тот мастер, который «холодные немые камни» превратил в песни. Его творения будут жить до тех пор, пока слышна балкарская речь.

Литература

1. Достоевский Ф. М. «Братья Карамазовы». М., 2002.
2. Кучмезова Р. А. «И мой огонь горел...». Эссе о Слове Кязима. Нальчик: Эльбрус, 1996.
3. Кязим. Назмула. Зикирле. Поэмала. – Нальчик: Эльбрус, 1996.
4. Кязим. Стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2009.

Фатимет ХУАКО,
д. филол. н., проф. МГУ

Лирическая повесть А. Кушхаунова в современной северокавказской прозе

Кабардинские повести двух последних десятилетий позволяют говорить о прогрессе в развитии жанра в одной из северокавказских литератур. Усваивая лучшие традиции родного фольклора и братских литератур, кабардинские писатели используют их в своем творчестве. Рассмотрим в этом контексте некоторые результаты творчества кабардинского писателя Алексея Кушхаунова. Из произведений рассматриваемого периода выделяются по своей художественной силе, художественной завершенности и значимости автобиографические повести, представляющие единый новеллистический цикл: «Год до весны», «Наводнение», «Южанин и Северянка» и «Всадник на белом коне», вышедшие в серии новинки издательства «Современник» в 1982 году.

Первое из упомянутых произведений – повесть «Год до весны» – имеет характерную для лирического повествования композицию. Данное обстоятельство проявляется, прежде всего, в том, что изложение ведется от первого лица – от имени ведущего персонажа, причем сюжет развивается ровно, не спеша, и лишен всевозможных неожиданных поворотов и острых интриг. Последний признак более всего является доказательством лирической принадлежности произведения. Главный герой этой небольшой по объему повести – молодой строитель Джемал – получает повестку в армию и за пару дней до призыва женится на любимой девушке.

Гладкая нить размеренного неспешного повествования повести разnobразится время от времени нанизанными на нее бусинками лирических отступлений, личных воспоминаний и впечатлений лирического героя. Иногда грань между настоящим и воспоминаниями героя стирается настолько, что читателю трудно их разграничить и понять – вот эту фразу Джемал произносит в происходящем в настоящий момент диалоге или все еще витает в подробных воспоминаниях о давно состоявшемся разговоре? Подобное смешение настоящего и прошлого поэтизирует повествование, придавая ему некую эфемерность и, опять-таки, лиричность. Также в качестве действенного лирического приема автор уже практически в финале использует мысленный, протекающий лишь в воображении одного из персонажей диалог героев. Заняв им почти страницу, приведя целиком все его реплики, автор лишь после небрежно отмечает: «...Нет, этого диалога не было». Поначалу читатель поддается этой хитрости автора, искренне верит ему, принимая данный разговор за реально происходящий, и лишь потом с удивлением

Алексей Кушхаунов

обнаруживает, что к чему, и даже чувствует себя где-то обманутым. Этот прием также придает композиции некую воздушность и абстрагированность.

Вообще духовный мир человека является непосредственным предметом осмысления и отражения именно в лирической прозе, выступая здесь не как самостоятельное художественное целое, а в качестве фоновой составляющей. Порой этот фон проявляется настолько отчетливо, что в повествование вводятся лирические отступления, что и происходит в данном случае. Автор не обходит вниманием этот классический прием лирики – лирические отступления. К примеру, вспоминая стихи Кайсына Кулиева о Нальчике, он сам слагает стихи в прозе о родном городе: «Мой Нальчик! Беден язык, бледны мои слова, чтобы рассказать о тебе. О твоих некогда пыльных улицах, тепло которых я ощущал босыми ногами. О твоих розах и росах. Как подковой счастья, окружил ты себя горами» [1; С. 13]. И не единожды еще лирический герой обращается к своему родному городу, который становится полноценным персонажем повести. Мысли, возникающие у молодого строителя при взгляде на городские улицы и дома, приближают героя к читателю, обнажают его внутренний мир и всецело вскрывают мир его эмоций. Читателю становятся понятны мотивы и побуждения специалиста-строителя, ощущающего всепоглощающее чувство своей причастности к жизни незнакомых ему людей, живущих в выстроенных его руками домах. А сам он делается максимально близок читателю, явственно ощутившему ход его мыслей и психологическую мотивацию его труда.

Писателю, самому в прошлом строителю, не понаслышке знающему все подробности строительного дела, удалось опозитизировать этот нелегкий труд и придать ему привлекательно романтические черты, характерные для любого вида деятельности, совершаемого с душой. В этом автобиографическом произведении приведен целый комплекс правил каменщика: «...Перед началом кладки необходимо настроиться, как настраиваются артисты перед выступлением. Не отвлекаться на мелочи. Быть сосредоточенным и вместе с тем раскованным. И работать так, будто играешь в серьезную игру» [1; С. 14]. И т. д. В плавно текущие события интимной жизни героев вкрапливаются поэтические описания, насыщенные яркой, густой образностью и характерным для лирического стиля одушевлением неживой природы: «Солнце появилось над верхушками деревьев неожиданно, словно решило застать мир врасплох в предутренней суете. Зашевелились, расправляясь, деревья, внятнее стал говор воды. Туман потянулся кверху, к солнцу, сглаживая неровности поймы реки» [1; С. 51].

Не лишен лирический инструментарий повести и поэтических обобщений и сравнений. Здесь вспоминается «Поэт» Эфенди Капиева, где автор на каждое явление или событие в жизни героев находит яркое образное сравнение. Так, гуляя по каштановой аллее и раздумывая, остановилась она. Но вот она подошла вплотную, не опуская головы, с дерзким вызовом в глазах, пылающая вся от решимости и девичьей храбрости». И далее – роль Адама: «Ему показалось, что она собирается топнуть ногой, и тогда разверзнется под ним асфальт, и он упадет в расщелину – провалится в ад, к чертям, в тартарары» [1; С. 94].

Как и в любом лирическом произведении, в повести в качестве лирического приема используются элементы символики. Символичностью автор

наделяет составляющие элементы окружающей персонажей неживой природы. Причем эта символичность очевидна не только для Адама, но и для находящегося в курсе всех его жизненных и интимных перипетий читателя. К примеру, идущий домой Адам то и дело смотрит на «знакомые звезды и на рожок месяца, светившего слабым светом надежды» [1; С. 94]. Это зрелище звездного неба вызывает у читателя те же эмоции, что и у Адама, звезды для него тоже являются «знакомыми» и очевидна подаваемая месяцем надежда. Это происходит потому, что внимательному читателю уже известны воспоминания Адама, касающиеся его с Зитой прогулок, в ходе которых влюбленные молодые люди считали звезды. Благодаря упомянутому приему у читателя возникает чувство собственной причастности к жизни и судьбе Адама, что также придает явно выраженный лирический оттенок повествованию.

Лиричны в повести и описания внешности персонажей – казалось бы, максимально эпичной детали. Так, действительно визуальное описание внешности отца Адама, сидящего у очага и смотрящего на огонь, плавно переходит к живописанию испытываемых им при этом ощущений: «Разложенный в очаге огонь странным образом действовал на Канамета: он мог часами наблюдать за пляской огненных языков, совершенно отключившись от жизненных забот, от повседневных дел» [1; С. 98]. Причем степень психологизма эпизода развивается по нарастающей: «Взгляд Канамета приковывало, завораживало самое чудное из чудес природы – огонь, а думы его возносились высоко, едва ли не к самому богу, если только тот существовал» [1; С. 98]. И далее, следуя логике изложения, от описания одномоментных ощущений своего героя при взгляде на огонь автор переходит к подробному изображению его «дум» и его внутреннего мира – взглядов на жизнь, привычек; к художественной передаче посещающих его философских размышлений; к описанию его реакции на происходящие в семье события. И, в конце концов, – к внутреннему монологу персонажа, который можно считать итоговым в данном эпизоде. Позже автор преподносит читателю уже другое восприятие внешности и личности Канамета – уже с точки зрения его сына. Мысли об отце вкрапляются в армейские и детские воспоминания Адама, обдумывающего и анализирующего отцовский образ жизни и манеру общаться. Адам считает отца принадлежащим к «породе чудаков» вследствие того, что тот способен молчать неделями: «Спросишь о чем-нибудь – буркнет что-то неразборчивое в ответ, а глаза отсутствующие, блуждают. О чем он думает, что видит – попробуй догадаться» [1; С. 101].

Однако настоящая оценка личности Канамета вряд ли окажется разделенной читателем, т.к. он незадолго до того ясно просматривал все мысли отца Адама и из первых рук познакомился с вполне логичным и обоснованным ходом его рассуждений. Таким образом, в данном эпизоде Адам от читателя, не разделяющего его недоумения, сильно отдалается, но ненадолго, и вскоре вновь становится близок и хорошо знаком. Подобный прием можно считать модификацией на тему расстояния между персонажами и читателем, вариативность которого позволяет преодолеть закоснелость и однообразие в читательском восприятии героев повести. Так, уважение читателя вновь возвращается к Адаму в эпизоде его победы над собственной трусостью – в эпизоде, содержащемся в одном из детских воспоминаний. Речь идет о сцене, когда ему удалось взобраться на практически неприступ-

ную скалу и в возникшей тогда критической ситуации, «едва сдерживая колючий холодный страх, поднимавшийся от живота» [1; С. 104], помочь находившемуся в опасности падения другу. Нововведением в этой повести А. Кушхаунова можно считать гораздо более пристальное по сравнению с предыдущей повестью («Год до весны») внимание автора к национальным традициям и обычаям своего народа, прослеживающееся с первых страниц произведения. Свидетельством тому может служить начальный эпизод повести – встреча возвращающегося из армии Адама с земляками-аксакалами. И форма, и содержание их разговора, и поведение собеседников во время него, и сопутствующие повествованию авторские ремарки, разъясняющие суть и назначение того или иного национального этического нюанса, – все это на двух страницах дает вполне обстоятельное представление о специфике адыгского этикета. Череду явно выраженных лирических произведений Алексея Кушхаунова продолжает его своеобразная повесть «Южанин и Северянка», несомненная оригинальность которой состоит даже в ее форме. Она представляет собой коллекцию писем двух влюбленных друг в друга героев. На момент повествования одного из них уже нет в этом мире, а его возлюбленная перечитывает зафиксированную на страницах писем историю их любви. Обрисовав в зачине эту ситуацию и познакомив читателя с фактом героической гибели одного из двух своих героев, автор переходит к основной форме изложения повести – поочередному приведению на ее страницах писем Татьяны Басиру и писем Басира Татьяне. По сути, повесть представляет собой художественную летопись, подробно излагающую лирическую составляющую отношений двух влюбленных и архитектуру человеческой жизни. Джемал подбирает каштаны, вылетевшие при падении из своей колючей кожуры, и рассуждает: «Так, наверное, бывает и с человеком. Иногда в силу обстоятельств он будто покрывается кожей и выпускает иглы. И порой ему надо больно обо что-то удариться, чтобы кожа отлетела напрочь, и человек раскрылся. Не так разве получилось со мной?» [1; С. 21]. В данном случае герой имеет в виду свое детдомовское детство, неудачно сложившуюся раннюю юность, когда судьба свела его с непорядочными людьми, и лишь чудом человеческого понимания и поддержки избежав тюрьмы, он попал в здоровую среду ставшего ему родным коллектива. Психологический принцип обрисовки образов проявляется не только в том, что во всей сложности показаны их внутренние переживания, но и в том, что эти люди не остаются неизменными в ходе событий, что в повести дан их идейный и нравственный рост, движение вперед. Многие в идейном, тематическом и художественном плане сближает эту повесть с другой повестью А. Кушхаунова – «Наводнение». Главный герой опять-таки – молодой, ищущий свое место в жизни человек, правда, на этот раз только вернувшийся из армии. Но писатель ни в коей мере не повторяется, здесь у автора уже другой круг сюжетов, конфликтов и образов, непосредственно почерпнутых им из действительности и, видимо, личного опыта; он находит для их воплощения новые индивидуальные краски и интонации, либо уже в иной плоскости применяет уже использовавшиеся приемы.

В отличие от предыдущего произведения, в этой повести изложение ведется от третьего лица – автор сам описывает своего героя, не отдавая ему ни на миг нити повествования. Однако во время прочтения повести

создается очевидное ощущение, словно сам главный герой ведет рассказ о своих впечатлениях и происходящих в его жизни событиях. Подобный эффект достигается при помощи неотступно сопровождающих эпическую нить повествования авторских ремарок, описывающих и уточняющих восприятия главного героя на каждой из ступеней сюжетной лестницы. И, несмотря на то, что ход мыслей и чувств героя изображен вроде бы от постороннего третьего лица, цепочка его рассуждений и связанных с ними переживаний – вся как на ладони с интересом наблюдающего за ней читателя. Так, к примеру, услышав разговор дождавшейся его возвращения матери с соседкой, Адам «представил себе, каково будет матери, если он уедет». И рассуждает далее: «А такой вариант возможен. Зачем он только ее обнадежил? Может так случиться, что он уедет. Далеко и надолго. А это сильный удар для матери. Сейчас она на радостях перенесет этот удар, потом будет больше» [1; С. 73].

Обобщая, заметим, что часто применяемый автором прием мысленного монолога главного героя ощутимо обнаруживает внутренний мир персонажа. В ходе этого монолога герой сам себе ставит вопросы, сам отвечает на них, приводит аргументы «за» и «против», ведет чрезвычайно страстный диалог с самим собой. К тому же здесь следует отметить, что авторские описания эмоционально-чувственной сферы героев максимально красноречивы и сочны. Вот как передает автор возникшее у героя перед встречей с обманувшей его девушкой ощущение: «В груди у Адама неумолимо нарастало чувство тревоги. Оно сначала возникло маленькой точечкой под сердцем, потом от нее пошли волны, как от брошенного в воду камня. Потом волны стали горячими, будто грудь облили кипятком» [1; С. 81]. Живописно и колоритно.

По мере развития сюжета на первом плане повести периодически начинает появляться другой лирический герой, точнее, героиня, со своими чувствами и переживаниями. Боль, страдания и угрызения совести не дождавшейся своего жениха из армии и безответно влюбившейся в другого Зиты становятся очевидны для читателя с первых же строк появления героини на страницах повести. Впервые мы видим героиню одиноко сидящей в сыром подвале и беззвучно, бесслезно плачущей. Уже одно это вынуждает к сочувствию, а когда далее автор в своей лирической манере, экспрессивно передает сокровенные мысли девушки об Адаме, читатель и вовсе проникается к Зите живым состраданием, забывая о ее проступке: Дальше – больше. Автор углубляется в подробности психологического анализа состояния Зиты, начиная с детских лет, изображает посредством ее собственных мыслей и воспоминаний картину взросления и психологического становления личности девушки. Таким образом, перед читателем раскрываются истоки отдельных комплексов девушки, мотивы существующей некоторой озлобленности в отношении Зиты к окружающим, ее собственная оценка всего происходящего с ней и Адамом в данный момент времени. Благодаря чему выходит, что отношения этой пары предстают перед читателем с двух кардинально противоположных сторон – с позиций Адама и с позиций Зиты, что придает объективность повествованию и создает благоприятные условия для выработки независимой читательской точки зрения на центральный конфликт повести. Этот же ракурс – разноплановая и разноместная оценка происходящих в рамках центрального конфликта

событий – автор использует и далее, при описании происшедшей, наконец, встречи влюбленного и страдающего Адама с разлюбившей его девушкой. На протяжении описания момента их встречи происходит многократная смена ведущего центрального персонажа – таковым является то Адам, то Зита, – благодаря чему на первый план выходят то мысли и чувства Адама, то мысли и чувства Зиты.

Такого рода целевая установка, реализованная в повести, обусловила и ее композицию, выражающуюся практическим отсутствием эпического описания происходивших в жизни героев немногочисленных событий. Если что-то и случается в их быту или в их судьбах, то происшедшее предстает лишь в словах и мыслях Татьяны либо Басира, а, значит, имеет явно выраженную индивидуально-личностную, а, следовательно, и лирическую окрашенность. Эта тенденция сохранилась на протяжении целой повести и практически всех происходивших в рамках ее конфликта событий, когда на центральном плане оказались следующие композиционные аспекты: внутренний мир обоих героев, их яркие чувства и ощущения, психологически обоснованные мотивы тех или иных их поступков и психологически аргументированная логика их рассуждений. К примеру, Басир в одном из своих писем пишет: «И на душе у меня легко. Правда, нет-нет да и зайдет сердце – и опять ты, и воспоминания, и радость, и тихая грусть. Но потом забываешься. Конечно, избыток сентиментальности – мой недостаток. Но скажу по секрету: он мне не мешает, не хотел бы я стать деревяшкой. Я себе представляю, каково тебе сейчас» [1; С. 200]. Вообще внутренние монологи героев, их мысленные воображаемые диалоги, самоанализ и «самокопание», фантазии и воспоминания, – все эти элементы лирической композиции максимально присутствуют в повести и уверенно придают ей статус лирического произведения. Таким образом, подводя условный итог творчеству современного кабардинского писателя Алексея Кушхаунова, заметим следующее. Несомненно, упомянутые и рассмотренные нами повести – «Год до весны», «Наводнение», «Южанин и Северянка» – носят явно выраженный лирический характер, обуславливающий наш вывод об их принадлежности к жанру лирической прозы, а их автор является неординарным его представителем не только в современной кабардинской, но и во всей северокавказской литературе.

Подытоживая же в целом, заметим следующее. Лучшие образцы кабардинской повести последнего десятилетия освобождаются от описательности, их авторы все чаще проникают в глубь явлений, совершенствуя художественные приемы изображения героев. Прозаики нередко создают живой диалог, индивидуализируя язык персонажей, и в то же время никоим образом не пренебрегая изобразительными возможностями адыгского языка и фольклора, в полной мере учитывая особенности национального менталитета – традиции и обычаи народа, – и придавая тем самым своим произведениям художественную выразительность, этническое своеобразие и колорит.

Литература

1. *Кушхаунов А.* Всадник на белом коне: Повести. М.: Современник, 1982. 318 с.

Жаухар АППАЕВА,
искусствовед

АПШЕРОНСКИЕ МОТИВЫ

Азербайджанский живописец Эльнур Расулов не заблудился в бесконечном лабиринте современных художественных направлений и течений и сумел найти собственный, легко узнаваемый творческий почерк. У него глубокий, индивидуальный, сложившийся под воздействием как восточного, так и европейского искусства, мир творчества. Художника прежде всего привлекает повседневная жизнь его соплеменников, нечто давно всем известное, но автор способен увидеть его под необычным, острым углом зрения.

Эльнур Расулов получил классическое художественное образование. В 1980 году окончил Бакинское художественное училище, где постигал секреты изобразительного искусства под руководством замечательных педагогов, заслуженных художников Азербайджанской ССР Багира Маратлы и Латифа Фейзуллаева. Успешно окончив учебу, он задался целью продолжить образование в художественном вузе. Конечно, можно было сразу поступать в Азербайджанский государственный институт искусств в Баку, но молодого живописца привлекал более высокий статус вуза – академия. Так, в 1988 году он оказался в стенах Тбилисской государственной академии художеств, выбрав для себя живописный факультет.

В его жизнь яростно ворвались политические события перестроечного времени, касавшиеся в первую очередь взаимоотношений армян и азербайджанцев. Противостояние этих народов (а в Тбилиси проживало много армян), угрозы в адрес Эльнура Расулова заставили его вернуться

Апшеронский двор

в Баку. Он был вынужден вновь поступать в художественный вуз, на этот раз – в Азербайджанский государственный институт искусств, что удалось сделать с первой попытки. Расулов никогда не пожалел о том, что для усовершенствования своего профессионального мастерства выбрал именно это учебное заведение, поскольку обучение в институте было поставлено на самом высоком уровне.

На третьем курсе в вузе происходит разделение студентов по мастерским. По приглашению выдающегося азербайджанского живописца, народного художника СССР Надира Абдурахманова он попал в его мастерскую. Начинающий художник брал уроки мастерства и у других педагогов вуза. В частности, огромное влияние на его творчество оказали

Мать и дитя

и народные художники СССР: Боюк-ага Мирза-заде, Расим Бабаев и Таир Салахов. Учась в институте, Эльнур начал экспонировать свои работы на выставках самого разного ранга: республиканских, всесоюзных и международных. Еще в те годы его произведения получили признание как у зрителей, так и у его коллег.

После окончания института в 1994 году Расулов пустился, так сказать, в свободное плавание. Он интенсивно

работает над новыми холстами, параллельно участвует в групповых и общих выставках разного ранга, устраивает персональные выставки, которые вызывают неизменный интерес у любителей и ценителей искусства. В нынешнем году Эльнур Расулов начал турне со своей персональной выставкой по республикам Северного Кавказа. Точкой отсчета стал Черкесск, затем последовала экспозиция в Нальчике. Сейчас работы мастера живописи демонстрируются в Карабулакском музее изобразительных искусств.

Уже при первом взгляде на холсты Расулова чувствуешь их глубинную связь с искусством Востока. Сразу замечаешь обостренное внимание художника к народным началам жизни азербайджанцев. Автор создает произведения, близкие по духу своему народу. Картинам присуща лирическая интонация милого его сердцу быта провинциального Азербайджана, в них сразу угадывается колорит жизни его земляков. У него не встретишь диссонансных произведений, в его работах практически отсутствует драматический накал или трагизм. Он по натуре и сам оптимист, и его герои живут в полной гармонии с природой и жизнью.

Живописец всегда тяготел к восточному искусству. Стилистика произведений мастера кисти несомненно связана и с его личным характером, а по природе он сдержанный, уравновешенный, всегда жизнерадостный человек. Потому для него нехарактерно выпячивание мрачных, негативных сторон нашей действительности. Он стремится запечатлеть лишь светлые стороны жизни. Эти его чувства и настроения нашли отражение во многих его холстах.

Тематическая ориентация художника очень разнообразна. Он никогда не ограничивает себя определенным кругом мотивов, наоборот, постоянно расширяет свой эстетический репертуар. Любое

произведение Эльнура Расулова свидетельствует о его высоком профессионализме, превосходном владении ремеслом, хотя надо сразу заметить, что художественное начало у него всегда превалирует над ремеслом.

Эльнур Расулов искусно использует декоративные и колористические возможности своей палитры. Он много и упорно трудится над совершенствованием своего изобразительного языка, постоянно занимается поисками новых форм пластической выразительности, поисками национальной идентичности, и эта работа нередко увенчивается созданием значительных произведений искусства.

Натюрморт с гранатом

Султан ПШИБИЕВ,

ветеран ВОВ,

член президиума республиканского Совета ветеранов,

председатель комиссии по работе с молодежью

Патриотическое воспитание – священный долг каждого ветерана

Опыт работы общественного Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов показывает, что успех в воспитании молодежи в духе патриотизма во многом зависит от хорошо налаженного взаимодействия между руководителями ветеранских организаций, директорами учебных заведений, а главное – от глубоко осознанного желания представителей старшего поколения принимать в этом нужном и благородном деле самое активное, самое искреннее и сердечное участие. В настоящее время в системе республиканского Совета ветеранов в основном трудятся люди еще старой закалки, одержимые единственным желанием – быть полезными обществу. В постоянных заботах о других они забывают о своих недугах; выполняя общественные обязанности, не считают с личным временем и не всегда нормальным самочувствием.

Ветераны считают, что патриотическое воспитание молодого поколения является одной из важнейших задач своей повседневной деятельности, от успешного решения которой зависит будущее нашей Родины. И поэтому делают все возможное, чтобы использовать каждую встречу с ребятами с наибольшей эффективностью, донести до них правду жизни без прикрас и искажений, ту, с которой воевали, трудились, любили, воспитывали детей и внуков. Они не только сами выступают, но и привлекают других пенсионеров, способных интересно и грамотно рассказать ребятам о том или ином событии, и особенно о Великой Отечественной войне и тяжелейших испытаниях, выпавших на долю советских людей на фронте и в тылу. Не секрет, что не каждый ветеран может передать молодежи ожесточенность сражений на фронте или героику трудовых подвигов в тылу, которые обусловили победу советского народа над фашистской Германией.

Время, к сожалению, необратимо, и с каждым годом все меньше остается в живых участников и свидетелей тех героических событий, все труднее становится находить ветеранов-наставников, особенно тех, которые могли бы выступить перед школьной молодежью. Во всех городских и районных Советах ветеранов республики созданы лекторские группы. Все, состоящие в них – с высшим образованием и большим опытом работы с людьми, мастера живой беседы, такие, как Иван Полишук, Муазин Кагинов, Борис Романенко, Александр Зведре, Аскерхан Налоев и многие другие, которые умеют собрать вокруг себя большие группы ребят, незаметно втянуть их в разговор и довести до них правду. Самочувствие

человека, особенно в пожилом возрасте, во многом зависит от его душевного состояния. Ветеран, живущий интересами общества, постоянно находится среди благодарных ему людей, а это дает ему дополнительный заряд бодрости и вызывает прилив творческого вдохновения. И он, забыв о своих недомоганиях, с удовольствием отдается полезному делу, будь то встреча с молодежью в учебном заведении, поездка по местам бывших сражений или осмотр музея или стенда боевой славы. И хоть устают порой ветеран, но усталость эта приятная, доставляющая ему большое удовлетворение от сознания того, что передал молодежи частицу своего жизненного опыта, который ей может пригодиться в будущем. Время не стоит на месте, чем бы человек ни занимался. Так не лучше ли проводить его с пользой, посвятив остаток жизни патриотическому воспитанию молодого поколения. И старость из обузы превратится в доброе занятие. Речь идет всего-навсего о том, чтобы научить наших детей любить Родину, гордиться ее героическим прошлым, быть в готовности защищать ее, уважать старших и, особенно, ветеранов войны и труда.

Телеэфир сейчас забит боевиками и «ментовскими» сериалами, видеомесиво, умело состряпанное из кровавых сцен, свирепых насильников, проституток и наркоманов, с утра до позднего вечера грязным потоком обрушивается на головы беззащитных детей, уродует их неокрепшие души, воспитывает в них жестокость и насилие. А возьмите эротизацию детского мышления, заключающуюся в смаковании на экране постельных сцен, в пропаганде свободы нравов, разврата и вседозволенности. Немалый вред нашей молодежи причиняет и дебилизация, которая достигается путем насильственного внедрения в учебный процесс и повседневный быт компьютеров. В результате наши дети перестают читать книги, особенно классику, их речь не развита, язык примитивен, мысль убога. Дошкольники не хотят смотреть классические народные сказки. И нигде ни слова о том, что надо хорошо учиться, горячо любить Родину, уважать старших. А молодежь – будущее нашей страны, и относиться к ней следует чутко, с открытой душой и добрым сердцем. Быть добрым полезно всегда!

Встречаясь со школьниками, я убеждаюсь, что, несмотря на разрушительную деятельность некоторых СМИ, молодежь, за малым исключением, составляющим заботу правоохранительных органов, у нас замечательная, способная не только сопереживать, но и в любое время прийти на помощь человеку, попавшему в беду. В то же время она легкоранима, чутко реагирует на малейшее проявление неискренности, хамства и несправедливости. Наша задача: в общении с молодежью не допускать подобных явлений, быть предельно внимательными, строить свои отношения с ней только на принципах доброты и взаимного уважения. В этом я вижу залог успешной работы по наведению порядка в нашей республике и, прежде всего, сохранению населяющей ее молодежи, умной, талантливой, достойной самой лучшей судьбы и заботливого отношения.

Воспитательная работа с молодежью только тогда увенчается успехом, когда она будет носить наступательный характер и проводиться на высоком героико-патриотическом уровне. Следует помнить также, что в наше время, как никогда прежде, важно пробуждение в ней здорового

национального самосознания, воспитание чувства гордости за славные деяния наших великих предков, отстоявших страну в годину суровых испытаний.

Что нам должно государство?

(см. «Российскую газету» № 120 от 3–9 июня 2010 г.)

Во-первых, чем отличается участник войны от труженика тыла? Победившие и вернувшиеся участники войны были уже женатыми или быстро обрели семьи. Участники войны-сельчане сразу устраивались на работу: бригадирами, учетчиками, завскладами, зав. молочно-товарными фермами, учителями и т. п. Ежегодно они заслуженно пользовались санаторными путевками, получали высокие пенсии и льготы на услуги ЖКХ. Автоматически все они являются инвалидами ВОВ. У них внуки уже с высшим образованием и устроены благополучно жильем и работой, обеспечены автомашинами и т. д. А мы (правда, не все) – пацаны военных лет, оставшиеся без отца, с нетрудоспособной матерью, чтобы выжить, рано начали работать в колхозе, как могли, весной 1943 года, после освобождения Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских захватчиков, тем самым вносили свой посильный вклад в копилку Победы. Мы начали ходить в школу лишь после победы над фашистской Германией. Таким образом, мы рано начали работать, а учиться пошли довольно поздно, из-за страшной войны, которая покалечила судьбы многим людям, в числе которых считаю и себя. После окончания десяти классов – кто куда: одни пошли учиться дальше, другие – служить в армию, третьи – опять работать в колхоз. Многие учились заочно. За последние 65 лет только сейчас заговорили о тружениках тыла. На этом слове и остановились. Однако ни лекарств, ни путевок, ни услуг ЖКХ, ни жилья, мизерные пенсии. Фактически, короче говоря, никакого улучшения не видно, но мы, ветераны войны, надеемся на президента РФ, на правительство, которые часто говорят о необходимости улучшения условий жизни так называемых ветеранов войны. Мы, ветераны войны, очень надеемся, что руководство страны примет закон на федеральном уровне по улучшению условий жизни тружеников тыла. Ведь по бескомпромиссному закону природы мы уходим, т. е. нас становится с каждым днем меньше и меньше, но мы еще надеемся, что пока живы, увидим улучшение жизни, т. е. повышение статуса ветерана войны (тыловика).

С огромной надеждой – ветеран войны и труда, член Союзов журналистов КБР и России Султан Пишибиев

КБР, г. Нальчик

Рита АЛОКОВА

Информация о состоянии духовно-нравственного воспитания в образовательных учреждениях республики в 2010 году

В развитии системы образования Кабардино-Балкарской Республики воспитание становится одним из приоритетных направлений деятельности министерства образования и науки КБР.

Министерством проводится определенная работа по формированию единой воспитательной системы, которая позволит в полной мере решать задачи духовно-нравственного, гражданского и патриотического воспитания детей и подростков, объединить усилия в этом направлении всех заинтересованных министерств, ведомств и образовательных учреждений.

Одним из основных механизмов реализации целей, задач и приоритетных направлений стала законодательная, нормативно-правовая база Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики: ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», РЗ «О гарантиях прав ребенка в Кабардино-Балкарской Республике», ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», РЗ «О системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Кабардино-Балкарской Республике», ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», РЗ «О профилактике наркомании и токсикомании в Кабардино-Балкарской Республике», государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы», Концепция государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности на 2008–2020 годы.

С 2008 года к сети Интернет подключены все общеобразовательные учреждения Кабардино-Балкарской Республики.

Для исключения доступа учащихся к ресурсам сети Интернет, содержащим информацию, несовместимую с задачами образования, во всех общеобразовательных учреждениях внедрены программы контентной фильтрации и налажена система их обновления.

Систематически осуществляется мониторинг сайтов, посещаемых учащимися.

Фактов отсутствия фильтрующих программ в общеобразовательных учреждениях республики не зафиксировано.

Во исполнение постановления правительства РФ от 5 марта 2008 г. № 148 «Об обеспечении отдыха, оздоровления и занятости детей в 2008–

2010 годах» было принято совместное постановление правительства Кабардино-Балкарской Республики и федерации профсоюзов Кабардино-Балкарской Республики от 28 декабря 2009 года №331-ПП/22-5р «Об обеспечении отдыха, оздоровления и занятости детей в 2010 году в Кабардино-Балкарской Республике».

В связи с этим министерством образования и науки КБР проводилась необходимая работа по организации лагерей с дневным пребыванием на базе образовательных учреждений республики в период школьных каникул 2010 года.

Всего за 2010 год министерством образования и науки КБР запланирован отдых 40093 учащихся в лагерях с дневным пребыванием, организованных на базе образовательных учреждений республики.

Всего по состоянию на 15 сентября 2010 года отдыхом и оздоровлением в 220 лагерях с дневным пребыванием охвачено 29 094 ребенка, в том числе 10 850 детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, из которых детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – 428, детей с ограниченными возможностями здоровья – 54, «трудных» детей – 525, детей из малообеспеченных, многодетных семей – 9 843, что составит 35 % от общего числа детей данного возраста.

Срок пребывания в лагерях с дневным пребыванием в период летних каникул – 21 день. Работа по отдыху детей в лагерях с дневным пребыванием будет продолжена в период осенних и зимних каникул 2010 г. с охватом более 11 175 школьников.

В республике функционируют 55 учреждений дополнительного образования детей, в которых занимаются 50 тыс. детей и подростков.

В соответствии со статьями 1, 3, 11 Закона Кабардино-Балкарской Республики «О внесении изменений в Закон Кабардино-Балкарской Республики «О гарантиях прав ребенка в Кабардино-Балкарской Республике» от 28 мая 2009 года в республике введено ограничение времени нахождения детей без сопровождения родителей, законных представителей или лиц, которым доверено их сопровождение на улицах.

Министерством с 2006–2007 учебного года рекомендовано органам управления образованием муниципальных районов и городских округов республики ввести факультативный или элективный курс «История мировых религий» в 8–10 классах общеобразовательных учреждений. С этой целью с 2006 по 2009 годы повышение квалификации по курсу «История и культура мировых религий» пошли 253 учителя истории и обществознания.

В настоящее время в связи с дефицитом учебных часов (с введением 1 часа по физической культуре, 1 часа по иностранному языку, 1 часа по истории и факультативного курса по шахматам) вопросы истории и культуры религий изучаются в общеобразовательных учреждениях республики в рамках предметов «Культура народов КБР», «История КБР», «География КБР», факультативных курсов, тематических классных часов с приглашением представителей религиозных конфессий.

В настоящее время правительством Российской Федерации утверж-

ден план мероприятий по апробации в 2009–2011 годах учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики».

Организация образовательной деятельности также направлена на духовно-нравственное и патриотическое воспитание детей и подростков. В учебный процесс внедряются инновационные образовательные технологии, такие, как театральная, музейная педагогика. Так, на базе МОУ «Гимназия № 1» г. Нальчика создан и функционирует франкофонный театр «Синяя птица», на базе Республиканского детского эколого-биологического центра функционирует дидактический экологический театр и др.

Наряду с этим, одним из направлений воспитательной работы в республике является координация работы детских и молодежных организаций и объединений, органов ученического самоуправления, что свидетельствует о формировании в республике гражданского общества.

В настоящее время по данным органов управления образованием городов и районов республики в образовательных учреждениях существуют 246 различных органов самоуправления: общешкольный ученический совет, гимназический (школьный) парламент, ученический комитет (учком), старостат, школьная дума и др. с охватом 18 983 учащихся, и действуют 362 детских организаций и объединений, в которых насчитывается 42 876 человек. Также в республике функционируют 73 патриотических клуба.

В республике создан и функционирует Союз детских организаций КБР, в котором насчитывается 15 детских организаций с охватом 48 810 учащихся, где ведется работа по духовно-нравственному воспитанию учащихся. Важным фактором гражданского и патриотического воспитания учащихся являются музеи, созданные в образовательных учреждениях, с помощью материалов которых оформляются стенды и экспозиции, посвященные известным людям и событиям. На их базе проводятся уроки по истории и краеведению.

В рамках реализации Республиканской целевой программы «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в Кабардино-Балкарской Республике на 2006–2010 годы» во всех органах управления образованием, общеобразовательных учреждениях ведется целенаправленная работа по профилактике наркомании и алкоголизма.

В общеобразовательных учреждениях республики регулярно проводятся семинары, заседания методических объединений классных руководителей, вожатых по теме: «Здоровьесберегающие технологии в работе классного руководителя».

В общеобразовательных учреждениях республики систематически приглашаются работники наркологического диспансера, внутренних дел, прокуратуры и других заинтересованных ведомств для проведения круглых столов и диспутов, посвященных данной тематике.

В целях широкого вовлечения учащихся в проведение профилактических мероприятий по борьбе с негативными проявлениями, а также пропаганды здорового образа жизни в общеобразовательных учреждениях районов и городов республики созданы и функционируют общественные наркологические посты и советы профилактики.

В республике на сегодняшний день функционируют 227 общественных наркологических постов и 235 советов профилактики.

В состав общественных наркологических постов входят представители администрации школы, медицинский работник, психолог, социальный педагог, классный руководитель, учитель физического воспитания, члены профкома школы, родители, ученики, изъявившие желание принять участие в работе по профилактике наркомании, алкоголизма и токсикомании.

Активно наркопосты школ сотрудничают со школьными инспекторами милиции.

В общеобразовательных учреждениях республики функции школьных инспекторов милиции исполняют 70 человек.

В большинстве образовательных учреждений инспектора милиции работают в тесном контакте с классными руководителями, социальными педагогами, родителями, они входят в советы по профилактике или общественные наркологические посты, принимают участие в рассмотрении проблемных ситуаций с детьми «группы риска» и их семьями, проводят работу по пропаганде правовых знаний и профилактике девиантного поведения. На контроле держат детей, пропускающих занятия без уважительной причины, посещают их семьи, участвуют в проведении классных часов на правовую тематику.

Ежегодно разрабатываются планы мероприятий по реализации государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы».

В настоящее время большое значение приобретает поиск и разработка инновационных подходов к решению проблем духовно-нравственного, патриотического воспитания детей и молодежи через формирование общественного мнения, и одним из механизмов решения этих задач является организация взаимодействия заинтересованных министерств, ведомств и общественных объединений.

Работа по духовно-нравственному, патриотическому воспитанию проводится через системные мероприятия во взаимодействии с министерствами и ведомствами республики (военным комиссариатом КБР, республиканским Советом ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, Кабардино-Балкарским советом РОСТО, Союзом молодежных объединений КБР, Движением юных патриотов КБР и др.).

Хазеша БЕЦУКОВ,

к. б. н.,

Анзор БЕЦУКОВ,

к. э. н.

ИСК МАРКСИЗМУ ЗА ПОДЛОГ

Пристрастный «огляд»

Предельно лаконичное определение политической роли партий и лидеров – содействие *саморазвитию*. Идеология же марксизма изначально «забальзамировала» общество «подменной» генетического разнообразия и «отменной» естественного отбора в обмен на декларируемое равноправие, или предложила «прожиточный минимум» вместо «разномыслия». В ушедшем веке хватило «застоя», кончились «хозяйские харчи» и рухнула держава. Терминологическим жонглированием эволюционной сущностью наследственности, конечно же, естественную природу индивидов и общества было не изменить, но попытки волевого вмешательства марксизма в дела природы повторялись. Однако игнорированием «спроса» на генетический потенциал индивида и «отменной» конкуренции в обществе «уровниловкой де-юре» оказалось легко «скатить» интеллект к деградации. Не многим удастся реализовать наличную вероятность, для этого требуется преодолеть немало объективных и субъективных препятствий, но иные пытаются «перехитрить» природу. «Отчуждение» марксизмом социального уровня материи от дарвинизма преследовало далеко идущие цели – построение общества «единомыслия» под планируемый безответственный интеллект, «изолированный» от конкуренции и естественного отбора. С точки зрения прагматичного человека природа не всегда рациональна, но механизмы самосовершенствования общие для всего живого, за их пределами только факторы среды могут корректировать генетическую вероятность. Поскольку «подмена» отбора «прожиточной корзинкой» привела нас к иждивенчеству Спенсера де-факто, декларируемая «уровниловка» и последующие действия марксизма преследовали политическую цель – создание системы власти с административно-командными рычагами. Обратный переход в диктатуру капитала в начале 90-х превратил административные рычаги в путы, «отрицающие» рыночные механизмы саморазвития.

Для вывода из тупика социал-дарвинизма требуется единство мировоззренческой позиции дарвинизма, значит, реинтеграция материализма природы и социального уровня. Во времени и в пространстве природа и общество едины, как надземная и подземная системы органов растений. Поскольку генетическое разнообразие «изъято» юридической декларацией равноправия, «вернуть» следует «стимул» естественного разномыслия

политической волей, как бы ни «усложнилось» управление обществом. Ведь «невозмутимый строй во всем...» (Ф. Тютчев) и привел к интеллектуальной дискриминации и завел общество в эволюционный тупик. Вера в идеальное не отвергает материального, и материализм признает идеальное, даже дуализм не противоречит системному подходу в описании общих законов природы и общества, но гибридное «советско-демократическое» мировоззрение игнорирует взаимозависимость природы и общества. Афера с «искусственным обществом» унаследовала «заблокированный» интеллект и «живые» рычаги диктатуры пролетариата для выживания «иждивенцев» в рыночной экономике. Не поколебала «обратная» смена системы и старое мировоззрение биологической элиты. Значит, проблемы социал-дарвинизма не биологические, а политические и «реабилитировать» генетические рычаги следует на политическом уровне. Оскопление дарвинизма производилось «отменой» конкуренции «лишением» общества естественного отбора в обмен на «мумифицирование» духовного потенциала декларацией равноправия. Сколько еще может «продержаться» общество на природной ренте без саморазвития, сказать трудно, но мы однозначно повторяем ошибки распавшейся державы. Биологическое сообщество заодно с политической элитой не желают расставаться с бальзамированным «телом» и адекватным обществом, которые предполагают веру в прошлые идеалы. Значит, по-прежнему все люди равны генетической «короткой стрижкой» и отсутствием конкуренции, а куда это ведет – известно всем.

Кто доказал, что бесконечная биологическая эволюция «исчерпала» свои ресурсы и духовной ступени развития не последует? Ситуацию просчитать несложно, когда свежая историческая аналогия жива. Совместными усилиями науки и политики следует пересмотреть «наследие марксизма» и выработать мировоззренческую платформу в русле мировой тенденции. Отсюда к древнему очагу противостояния марксизма и социал-дарвинизма возвращает смысл разногласия, который «лукавит» интеллектуальной «однородностью» общества. Только стимуляция интеллекта конкуренцией реализует наличную вероятность. Эволюция «одаривает» интеллектом, а условия среды содействует реализации. Мера этой взаимозависимости «выбила» в прошлом генетику из колеи. Интеллектуальную посредственность можно «подтянуть», гениальную – реализовать или «похоронить», но у индивидуального разномыслия есть вероятный общественный смысл. Далекие времена совпадали с «детством» дарвинизма и генетики, поэтому «азартным политическим игрокам» легко было «манипулировать» идеологией и наукой в своих интересах, что обусловило в будущем возможность самоуверенно «подмять» биологические права и поставить знак равенства между интеллектом и «продуктовой корзинкой».

На этом и на основании улучшения отдельных бытовых условий в обществе марксизм объявил о завершении биологической эволюции и «оправдал особыми социальными законами и их негенетическим наследованием», невежеством и намеренным искажением, «заложив» на меже биологической и социальной природы человека выгодную для своей

власти платформу – «интеллектуальную нищету и безответственность» в обмен «на перспективу» духовной деградации. Следствие генетической «стерилизации» – значительные потери национального генофонда. «Единомыслие» уступило желанию «человека с ружьем» взять власть, а старт «промотора» новой диктатуры открыл административную перспективу в трехмерном пространстве: оставаться бессрочно у власти и наследовать само «общество с потрохами» по своему усмотрению. Экстремисты для этого и прибегали к «подмене», чтобы сломить духовно-нравственный хребет общества.

С точки зрения науки и реальных событий генетическая «стерилизация» общества была формальной интригой. Однако игнорирование конкуренции декларированным «равноправием» де-факто «отменило» естественный отбор, а вскоре последовала и неформальная «стрижка» общества «психушками и тройками». Обнаглевшая номенклатура «самовоспроизводилась» и передавала власть новым поколениям, не «прошедшим» отбора, оставаясь «над законами природы и общества» и свободной от «социального смысла» диктатуры то ли капитала, то ли пролетариата. Биолого-эволюционные механизмы «выживания» индивидов и общества оказались де-юре в руках номенклатурной элиты в качестве орудия подавления и манипуляции, пока в казне оставалось что «подавать и продавать». Нынче, когда система рухнула бесславно, нет смысла беспокоить идеологию бальзамированного «тела»; неизвестно, что «взбредет» в свободные головы, отмени им рычаги пролетариата и механизмы манипуляции общественным сознанием? Но XXI экологический век и новый миропорядок заставят взглянуть на реальность трезво: не опоздать бы занять достойное место.

Следствия изложенного выше мертвым грузом висят на шее общества, поэтому возникают вопросы, на которые напрашиваются ответы:

Проблемы из-за политических разногласий, где биологическое развитие демонстрирует нам неисчерпаемость развития вида.

Из чего следует вывести и другой вопрос:

Каким курсом следуем в XXI век, чтобы не калечить новые поколения?

Эвтаназия – преступление или благо

Смерть – извечная неизменная истина, с которой рано или поздно сталкивается каждый из нас. Ни культурные, ни правовые, ни религиозные различия не могут изменить самого факта смерти. Потому она составляла и составляет одно из самых глубоко волнующих явлений для всего человечества. Отсюда и чрезвычайный интерес к вопросу эвтаназии, который на сегодняшний день со всей ответственностью можно причислить к самым спорным и до сих пор нерешенным проблемам. Она своего рода арена, на которой разворачивается борьба между юристами, медиками, богословами, философами...

В действительности, очень сложно дать на вопрос об эвтаназии однозначный ответ: с одной стороны – бесспорная ценность человеческой жизни и право каждого человека на жизнь, с другой – великий соблазн неизлечимо и тяжелообольного прекратить мучительные страдания.

В переводе с греческого «эвтаназия» значит – «легкая, безболезненная смерть». Термин этот был впервые использован Ф. Бэконом, который указывал, что обязанность врача состоит не только в том, чтобы восстановить здоровье, но и в том, чтобы облегчить страдания и мучения, причиняемые болезнью, и это не только тогда, когда такое облегчение боли как опасного симптома может привести к выздоровлению, но и в том случае, если уже нет ни единой надежды на спасение и можно лишь сделать саму смерть более легкой и спокойной, так как эта эвтаназия уже сама по себе является немалым счастьем.

Под понятием эвтаназии следует понимать сознательную и преднамеренную деятельность медицинского работника, обусловленную единотрактующей и осознанной просьбой полностью объективного и осведомленного пациента либо его законного представителя, которая направлена на прекращение физических, психических, моральных либо иных страданий пациента, вызванных его неизлечимой болезнью, и влечет за собой смерть.

Большое значение для понимания сущности эвтаназии имеет ее классификация. Так, в зависимости от поведения медицинского работника эвтаназия делится на активную и пассивную. Под понятием «активной эвтаназии» понимают осуществление определенных действий, ускоряющих наступление летального исхода. Пассивная же – это неприменение средств и невыполнение медицинских манипуляций, которые поддерживали бы определенное время жизнеспособность тяжелообольного пациента.

В последние годы за пределами России активизировались дискуссии по поводу легализации эвтаназии. Значимым толчком к этому послужило принятие законодателями некоторых зарубежных стран специализированных нормативных правовых актов, законодательно закрепляющих эвтаназию и регламентирующих основания и условия ее осуществления.

В настоящее время пассивная эвтаназия законодательно разрешена более чем в 40 государствах мира.

Что касается действующего российского законодательства, то в его нормах установлен прямой запрет на осуществление эвтаназии, закрепленный в ст. 45 «Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан» от 22 июля 1993 г., где содержится следующее положение: «Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь... никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии», а также в ст. 9 «Этического кодекса медицинской сестры России».

Уместно вспомнить, что УК РСФСР 1922 года в примечании к ст. 143, недолго, правда, просуществовавшей, оговаривал, что убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается.

Но на сегодняшний день правовые нормы и нормы медицинской этики однозначно свидетельствуют о недопустимости эвтаназии, в том числе по просьбе ближайших родственников (законных представителей) пациента. На сегодняшний день существуют фармакологические способы облегчить боль, но одного этого, конечно, недостаточно. Драма больных, находящихся в терминальном состоянии, носит, в основном, психологический характер: они чувствуют себя покинутыми не только врачом, и родственниками, а, часто, даже и Всевышним. Это усугубляет состояние безысходности и обреченности, и как раз в такой момент приходит мысль об эвтаназии, просьба о которой, по своей сути, есть крик о помощи. Значит, очень важно по-человечески поддержать больного, создать вокруг него атмосферу доверия и внимания, в которой он может «спокойно умереть». Это и является одной из важных задач медицинского персонала.

Несмотря на это, благодаря СМИ, зарубежному опыту, происходит декриминализация эвтаназии в общественном сознании. Сторонники легализации эвтаназии в России рассматривают ее не в качестве уголовного преступления против жизни, а как гражданско-правовую форму реализации пациентом права на жизнь в аспекте распоряжения собственной жизнью. При отстаивании своей точки зрения они оперируют следующими аргументами:

а) эвтаназия применяется из сострадания. Ее цель помочь больному человеку избавиться от страданий, достойно уйти из жизни;

б) когда медики отвечают отказом пациенту в осуществлении эвтаназии, то последний ощущает невыносимые страдания, что само по себе не имеет смысла и довольно жестоко, а также может рассматриваться как применение к человеку пыток, насилия, жесткого и унижающего человеческого достоинства обращения, которое прямо запрещено рядом международно-правовых актов;

в) эвтаназия существует вне правового поля, а специальный закон разрешит проконтролировать этот процесс;

г) эвтаназия, осуществляемая руками медиков, избавит членов семьи неизлечимо больного человека от укоров совести и финансовых затрат;

д) человек имеет право на жизнь, которая включает возможность распоряжаться данным правом по собственному усмотрению.

Несмотря на эти доводы думается, что легализация эвтаназии может

породить иные проблемы. Свобода действий сотрудников медицины в этом отношении может привести к злоупотреблениям, к приостановлению развития медицины, поскольку врачи перестанут отыскивать новые методы лечения. И главное, легализация эвтаназии значительно повышает риск криминализации медицины. Потому в нашем современном обществе, в условиях нынешнего экономического кризиса, роста безработицы и преступности, этот шаг был бы преждевременным.

Литература

1. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножение наук / В кн.: Сочинения: в 2-х том. Т. 1. М.: АН СССР, 1971. С. 268.
2. Дмитриев Ю. А., Шленева Е. В. Право человека в Российской Федерации на осуществления эвтаназии // Государство и право. 2000. № 11. С. 58, 59.
3. Олейник А. А. Эвтаназия – актуальная проблема биомедицинской этики / В кн.: Актуальные проблемы правового регулирования медицинской деятельности: Материалы 2-й Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. С. Г. Стеценка. М.: Издательская группа «Юрист». 2004. С. 326.
4. Малейна М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс, 2000. С. 31, 32; Романовский Г. Б. Право на жизнь и право на самоубийство // Медицинское право. 2003. № 1. С. 39.
5. Лопухин Ю. М., Арднивец Н. А. Эвтаназия как метод искусственного прерывания жизни. Правовые условия ее применения // Вестник Российской Академии медицинских наук. 1996. № 12. С. 64, 65.

Ирина ТЕМПРОВА

О формировании прозаических жанров в кабардинской литературе начала XX века

Вопросы формирования жанров в национальных литературах являются актуальными в современном литературном процессе. Вопросы эти исследуются как в историко-литературном аспекте, так и в сравнительно-типологическом, теоретическом.

В кабардинском литературоведении проблемы формирования жанров очерка, рассказа, повести, романа ставились в трудах Х. Теунова, Л. Кашежевой, Е. Машитловой, Ю. Тхагазитова, А. Мусукаевой и других, поэтические жанры подробно исследованы в трудах А. Гутова, Х. Кажарова, З. Налоева, М. Сокурова, А. Хакуашева и других.

Следует отметить особо первые научные труды, посвященные проблемам формирования и развития жанров в кабардинской литературе: «Литература и писатели Кабарды» Х. Теунова; «Очерки истории кабардинской литературы» (1968); «К истории кабардинской советской литературы» И. Трескова; «Братство народов – братство литератур» Д. Бычкова; «Сб. статей о кабардинской литературе»; «Кабардинская проза» и «Совершеннолетие пера» Л. Кашежевой; «Лирика Алима Кешокова» М. Сокурова; «Послевоенная кабардинская поэзия» З. Налоева; «Али Шогенцуков. Жизнь и творчество» А. Хакуашева и др.

В литературах, как с богатыми вековыми традициями, так и в молодых, процесс формирования и развития литературных жанров весьма сложный и достаточно продолжительный. Широко известный в советском литературоведении периода 1960–1980-х гг. термин «ускоренное развитие литературы» имеет свои истоки и свою специфику. В кабардинской литературе этому процессу способствовали попытки создания письменности просветителями еще в XIX столетии, большое влияние на формирование жанров также оказало творчество народных поэтов сказителей (джегуако) – Б. Пачева, П. Кешокова, Х. Хавпачева, П. Шекихачева и др. Именно они сохранили памятники кабардинского фольклора – единственный и своеобразный показатель уровня художественного мышления народа в те далекие времена.

Как и в других республиках Северного Кавказа, зарождению и формированию жанров в кабардинской литературе должен был предшествовать ряд событий, объективных предпосылок в области культурной жизни: создание национальной письменности, учреждений культуры и просвещения, начальной и средней школы, органов печати, формирование народной интеллигенции и т. д.

Особую роль в формировании прозаических жанров сыграли газеты, на страницах которых ведущее место занимал художественно-публицистический очерк: «На страницах первых национальных газет 30–40-х гг. печатались произведения, которые вобрали в себя факты и проблемы,

связанные с переустройством жизни, с исследованием посредством оперативных жанров материалов действительности; была предпринята и попытка художественно обозначить контуры нового героя».

То, что мы сегодня можем обозначить простым перечислением, в условиях исследуемого периода требовало немало времени, сил, затрат и борьбы. При этом необходимо помнить, что все это формировалось в условиях событий революции и гражданской войны.

Многие представители национальной интеллигенции стали жертвами политических репрессий. Это – тема отдельного исследования, но нельзя забывать, что видные деятели литературы и искусства, способствовавшие своим творчеством зарождению и формированию национальной литературы, были целенаправленно уничтожены – достаточно обратить внимание на дату их гибели: Дж. Налоев (1906–1937); З. Б. Максидов (1910–1937); С. М. Кожаев (1901–1937); А. К. Пшеноков (1907–1937) и др. Творчество каждого из этих молодых и талантливых литераторов ждет своих исследователей.

В то же время, благодаря определенным социально-экономическим преобразованиям, в жизни кабардинского народа произошли существенные изменения, в том числе и в области культуры и литературы. Фольклор как единственная форма художественного сознания давал основу для формирования и развития письменных форм литературного творчества.

В кабардинской литературе формирование жанров определилось за весьма короткий срок. Как и в других литературах региона, развитие шло от поэтических жанров, определивших первый период становления литературы и берущих начало от фольклорных жанров, к малым жанрам прозы – очерку, рассказу, а в дальнейшем, от них – к жанрам повести и романа. Подобная закономерность была общей для многих молодых литератур. Известный исследователь литературы периода 1920–1940-х гг. П. Берков писал: «Для литератур «малых народов» было необходимо, сохраняя свою связь с фольклорной основой, выйти все же за ее границы, не оставаться на достигнутом уровне... В национальных литературах все больше и больше проявлялась тяга к созданию прозы – романа, повести, новеллы, очерка».

О «переходе» в национальных литературах романтических тенденций в реалистические исследователи писали, к примеру, в материалах конференции «Актуальные проблемы социалистического реализма (М., 1966): «Путь советской литературы – это путь в сторону человека... Причем этот путь – от описания и романтической трактовки его к реалистическому анализу его души».

В 20-х гг. XX века движение жанров в кабардинской литературе шло традиционно: «На первых этапах ее развития весьма заметны следы воздействия других литератур». С точки зрения формирования и развития жанров кабардинская проза начала XX века представляет определенный интерес. Подтверждением того, что молодая литература может пройти стадии описательности, декларативности, фактографичности, прежде чем обрести черты зрелой, реалистической прозы, являются произведения кабардинских писателей 20–30-х гг. в XX века: рассказы А. Пшенокова, Х. Теунова «Женитьба Ладо», З. Максидова «Этого забывать нельзя», сборник Т. Борукаева «Детские рассказы» и др. К примеру, творчество А. К. Пшенокова – рассказы «Мусса», «Старик и князь», «Старик и мулла» носят ярко выраженный социальный характер. Его ранние произведения

основаны на фольклорных сюжетах и мотивах. Основной художественный прием в его произведениях – антитеза.

1920–1930-е гг. – период становления прежде всего малых жанров прозы – очерка, рассказа. Молодые писатели открывают для себя совершенно новый, незнакомый мир художественного творчества – мир реалистической литературы и повествуют «о времени и о себе». Начинающие писатели учат отбору и систематизации жизненных фактов, явлений, их типизации, искусству слияния жизненного факта и художественного вымысла, искусству обобщения.

Процесс развития жанров очерка, рассказа приобщает писателей к литературным навыкам. Можно отметить естественные для исследуемого периода недостатки как фактографичность, отсутствие характеристики героев, их психологического анализа. Все это объясняется отсутствием приемов типизации, реализма, художественного мастерства у начинающих писателей. Многие ученые характеризуют этот период в кабардинской литературе как период ученичества: Л. Бекизова, А. Мусукаева, Ю. Тхагазитов и др.

Отмечая слабые стороны произведений этого периода, необходимо сказать и о той положительной роли, которую они сыграли в процессе развития национальной литературы. Прежде всего, в литературе появляются новые темы, идеи, герои, взятые из гущи жизни, из новой действительности. Жанры очерка и рассказа способствуют также формированию кабардинского литературного языка. На основе специфики и идейно-художественной проблематики очерка и рассказа возникает необходимость расширения жанровых границ и, как следствие, появления жанра повести. Прозаические произведения способствуют возникновению литературной критики, которая оценивала литературу, направляла ее. Но была и «обратная связь». Примером может служить творчество Дж. Налоева. Он приходит в художественную литературу через литературную критику, основоположником которой он и был в кабардинской литературе начала XX века. Его статьи «От мертвого к живому» (1933), «Поэты Кабардино-Балкарии» (1933) и другие определили основные пути развития профессиональной литературной критики. Впоследствии Дж. Налоев становится одним из значительных представителей национальной художественной прозы: его повесть «Начало» (1935) закладывает основы кабардинской повести как жанра, глубоко реалистически раскрывает тему гражданской войны.

Процесс формирования жанров в кабардинской прозе не был изолированным, он проходил в неразрывной связи с развитием как республики в целом, так и со становлением молодых литератур в стране. Исследователи отмечают ускоренный процесс развития литературных жанров, для которых не была подготовлена соответствующая художественная «база», но зарождение «формы» так или иначе способствовало становлению и развитию самого жанра.

Литература

1. Бекизова Л. А. Литература в потоке времени. Черкесск, 2008.
2. Берков П. Н. О многочисленном характере советской литературы // УЗ ЛГУ. 1949. Вып. 16.
3. Зелинский К. Л. От фольклора к роману // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969.
4. Ломидзе Г. И. Расширение эстетического диапазона // Вопросы литературы. 1971. № 9.

Эдуард БИТИРОВ

Письма о Кавказе и Крыме...

Благодаря усилиям заведующего отделом источниковедения КБГИИ Каральби Мальбахова переведена книга Антуана Жилья «Письма о Кавказе и Крыме». Это серьезное исследование была издано в Нальчике на государственном республиканском полиграфкомбинате.

Антуан Жиль был одним из первых руководителей Эрмитажа. Узнав, что его труд готовится к публикации в столице Кабардино-Балкарии, нынешний директор Государственного Эрмитажа изъявил желание написать небольшое предисловие к книге своего великого предшественника.

Вот небольшая выдержка из этого предисловия: «Флориан Жиль – кабинетный работник с драматической судьбой. Он преподавал французский язык и географию цесаревичу Александру Николаевичу и был репетитором по истории великих княжон Марии, Ольги и Александры. Позднее в 1840 году был определен начальником 1 отделения Императорского Эрмитажа, библиотекарем Его Императорского Величества библиотек, заведующим Царскосельским арсеналом. Среди собранных им экспонатов находились настоящие раритеты. В 60-х годах девятнадцатого века Жиль по ряду причин вынужден был подать в отставку, и уехать за границу. Судьба его закончилась трагически: ученый покончил с собой.

Те же эрмитажные распри привели к тому, что одно из важнейших достижений Жилья не получило должного освещения в истории и науке. Речь идет о раскопках на Юге России. Именно Жиль возглавил работу по изданию этих уникальных памятников, которая была продолжена его последователями. Жиль был прекрасным знатоком нумизматики, исторического оружия и древнерусских древностей, кроме того его путевые записки по Кавказу и Крыму содержат уникальный этнографический материал...».

По словам Пиотровского вышеуказанная книга не только интересна сама по себе, перевод труда швейцарского ученого восстанавливает справедливость в отношении этого неутомимого музейщика, энтузиаста, человека, влюбленного в свое дело.

Именно выход в свет этой замечательной книги стал поводом для поездки наших ученых в Санкт-Петербург. Пять дней провели в северной столице Каральби Мальбахов и его младший коллега Тимур Дзуганов. Они встретились не только с директором Эрмитажа, но также и с руководителем знаменитой Кунсткамеры. Продуктивно побеседовали с директором восточных рукописей РАН.

Не так давно Михаил Борисович лично встречался с Арсеном Кано-

ковым, в результате руководство Эрмитажа и президент КБР заключили договор о сотрудничестве. Кстати, это сыграло немалую роль в дальнейшем развитии событий и поездке наших ученых в Петербург.

Пиотровский предложил совместное издание серии «Библиотека Эрмитажа о Кавказе» – работа в этом направлении уже ведется. Кроме того, директор восточных рукописей Российской академии наук Ирина Попова готова предоставить нашим ученым доступ в закрытые хранилища.

«Письма о Кавказе и Крыме» – уникальный труд. Работу, проведенную переводчиком, трудно переоценить, но дело даже не в этом. Благодаря Антуану Жилью читатели получили возможность узнать о прошлом своего края и людях, его населяющих. В частности, автор пишет: «...Кабардинцы, некогда большой народ, являются чрезвычайной храбрости великолепными всадниками. Их адат (обычай), их оружие, их экипировка, их вкусы служили не только для подражания для черкесов, но и вообще всех горских народов северного склона, и, наконец, наших линейных казаков, не нашедших ничего лучшего, как перенять их костюм и их оружия, для военного образа жизни, к которому они были призваны».

Еще и сегодня... Кабарда правит модой на Кавказе, подобно Парижу в Европе; и если какая-то перемена сделана кабардинцами в деталях костюма и боевого снаряжения – эта перемена тотчас перенимается и горцами, и нашими казаками. Лучшие бурки, самые искусные шапки из ягненка являются кабардинскими».

Кроме того, по словам Жилия, кабардинцы – прекрасные воины. Еще совсем недавно они могли снарядить в военный поход до 15 тысяч, причем только дворянских всадников.

Одним словом, европейский путешественник был очарован культурой наших предков, и этот непреложный факт вызывает законное чувство гордости.

ПРИРОДА И МЫ

Внимание всех живущих на Земле обращается к проблеме, которая не только нуждается в серьезном подходе к ее решению, но и требует – и незамедлительно – участия всего человечества в предотвращении грозящей катастрофы. Планета людей в опасности!

Это не истерический крик, не взрыв эмоций, не попытка драматизировать ситуацию. За этими словами – горькая истина. Мы привыкли считать, что природа всемогуща, забывая при этом, что она ранима и хрупка.

Каждое явление лучше всего характеризуют количественные и качественные показатели, поэтому обратимся к цифрам. Человечество берет, а точнее – отбирает у природы ежегодно десятки миллиардов тонн вещества и материалов на свои нужды, возвращая ей не менее 20 млрд. тонн твердых и газообразных загрязнений атмосферы и столько же органических отходов. Растительный покров планеты уже не в состоянии переработать углекислый газ, выделяемый при сжигании топлива. К тому же леса исчезают с огромной скоростью: зеленое одеяние Земли ежегодно сокращается на 1 %.

Ежегодно планета безвозвратно теряет десятки видов животных и растений. «Красная книга» разбухает от все новых и новых названий, вносимых в нее под звуки траурных маршей экологической катастрофы. Загрязняются и становятся безжизненными водоемы, теряют плодородие почвы, обедняются флора и фауна, воздух городов порой далек от санитарных норм... Вот почему говорить сегодня об экологии – это значит, говорить не только об изменении природы, а о спасении жизни

Мы много рассуждаем о нуждах цивилизации, ускорении научно-технического прогресса, политических и нравственных проблемах, грядущих климатических катаклизмах, болезнях века, других аспектах нашего нынешнего и будущего бытия, и при этом часто забываем, что глобальные проблемы, стоящие перед человечеством, при всем их социально-экономическом, политическом и научно-техническом содержании, являются в то же время проблемами экологическими. И способы, средства их решения могут быть лишь международными, общечеловеческими. Ни одно отдельно взятое государство не обладает необходимыми и достаточными ресурсами для их решения. Это и создает основу и необходимость для консолидации и интеграции усилий. Несущие кислотные дожди тучи, пыльные бури, дымы производств, «мертвые» воды рек не знают государственных границ.

В судьбе природы – наша судьба. Это не фраза, не лозунг. Это – ис-

тина, истина более серьезная, чем может показаться на первый взгляд. И все это мы, живущие на нашей планете, должны постичь ради нынешних и будущих поколений. Мы начали разрушать природу, нам и восстанавливать ее.

Слово «экология» в переводе с греческого означает «дом, непосредственное окружение человека». Овладевать знаниями о нашем «доме» надо начинать с самого детства. Первая встреча с лесом, рекой, цветущим лугом, хлебным полем, плодовым садом, яркой нежнокрылой бабочкой, пугливым маленьким зверьком, лягушкой, майским жуком и т. д. происходит много раньше, чем ребенок переступит порог школы. Первые слова о величии природы, ее удивительном многообразии, ранимости и исчерпаемости ребенок должен услышать от родителей, затем – в детском саду, потом – на первых школьных уроках.

Более глубокое экологическое образование призвана дать школа и, конечно же, наш предмет – биология. На уроках и внеклассных мероприятиях учащиеся входят в мир науки о растениях и животных, постигают взаимосвязи живых организмов между собой и с окружающей средой, накапливают экологические знания. Природа познается не только созерцательно, но и осмысленно, на основе знаний. Но одних знаний еще недостаточно. Экологическое образование должно сочетаться с экологическим воспитанием, целенаправленно и на нравственной основе. Иного пути нет.

Фоза ОШНОКОВА,
кандидат исторических наук,
доцент

«Карахалк» – газета мира и согласия

О первых Кабардино-Балкарских периодических изданиях написано и сказано много. Но одно из них до сих пор привлекает внимание историков печати своей уникальностью и своеобразием. Это газета «Карахалк» – единственная в своем роде в стране и за рубежом, выходящая одновременно на четырех национальных языках.

«Карахалк» выходила в г. Нальчике с 1924 по 1931 год прошлого столетия. Это было время героических первых пятилеток, время коллективизации сельского хозяйства, индустриализации промышленности, освоения новых месторождений полезных ископаемых. Поэтому приоритетной тематикой в ней была экономическая.

Газета много и часто писала о первых сельскохозяйственных кооперациях, о строительстве промышленных предприятий. Акцентируя внимание на одной из важнейших задач дня – превращения автономной области из аграрной в развитую республику, газета призывала сосредоточить внимание на претворение ее в жизнь с учетом местной специфики Кабардино-Балкарии. А именно, учитывая то обстоятельство, что в области по существу полностью отсутствуют предприятия тяжелой промышленности, следует сосредоточить внимание на реконструкции и усовершенствовании тех предприятий, которые уже функционируют. Это: Нальчикская фабрика «Чинар», «Кавказский лес», Крахмальный завод в станице Александровской, Котляревский спиртзавод и другие объекты пищевой и деревообрабатывающей промышленности. Газета возлагала особую надежду в деле возрождения экономики края на строительство Баксанской гидроэлектростанции, сооружение которой было начато в 1928 году согласно всесоюзному плану ГОЭЛРО.

Выдвигая целый комплекс задач развития края, «Карахалк» разъясняла, что экономическая научная перестройка сельского хозяйства и

промышленности должна вестись «на основе продуманного и живого понимания действительности, осуществляя конструктивные меры по реализации этих задач при полном единении власти с населением. Как справедливо писал в то время журнал «Жизнь национальностей», Кабардино-Балкарский край был не только благодатным уголком земли, но и «сплошным курортом – трудовой Швейцарией». Он издавна славился красотой и щедростью природных богатств, мягким климатом. «Карахалк» отмечает, что развитие курортов, исследование целебных источников, изучение месторождений полезных ископаемых послужат важнейшим подспорьем в деле экономического возрождения края. Отсюда необходимо изучать природные богатства, находящиеся под землей, и максимально их использовать.

Важное место на страницах газеты «Карахалк» занимали вопросы культуры и культурных преобразований в области. При этом приоритетной задачей «Карахалк» считал внедрение знаний, образования среди населения. Достаточно вспомнить подзаголовки самой «Карахалк»: «Через газету к знанию, через знание к новой светлой жизни». «Карахалк» превратилась в подлинного агитатора и организатора массового похода за ликвидацию неграмотности, за осуществление всеобуча. Под рубриками: «Ликвидируем неграмотность», «Поход за сплошную грамотность», «Внимание пятилетию всеобуча», газета делает достоянием общественности успехи в народном образовании. Она с гордостью пишет о строительстве новых школ, изб-читален, библиотек, других образовательных учреждений.

«В Кабардино-Балкарии каждый десятый дом превращен сейчас в школу. В настоящее время в ней нет такой сакли, где не умели бы читать и писать. В ней учатся дети, учатся старики, учатся все население», – писал журнал «Жизнь национальностей». А побывавший в 1929 году в Нальчике нарком просвещения А. В. Луначарский в приветствии учителям Кабардино-Балкарии говорил: «Уже короткое пребывание здесь доказало мне, как интересно и богато развивается область, в частности в отношении народного образования».

Оценив опыт работников образования по проведению культпоходов по ликвидации неграмотности и достигнутые успехи в культурном строительстве, признав их достойными изучения и перенесения в другие районы страны, народный комиссариат просвещения РСФСР вручил Кабардино-Балкарии переходящее Красное знамя – в этом была немалая заслуга и газеты «Карахалк».

Самыми яркими страницами газеты «Карахалк» являются страницы, посвященные дружбе и братству, взаимопомощи людей разных национальностей, проживающих в области. Лозунг «Всегда вместе, плечом к плечу в труде, в борьбе и учебе» становится основным кредо газеты за все годы ее существования. Вопросы дружбы, братства, интернационализма были традиционными в силу специфических национальных особенностей автономной области. В маленькой по численности Кабардино-Балкарии, помимо коренных национальностей: кабардинцев (47,7 %), балкарцев (13,8 %), русских (31,8 %), – проживали украинцы, евреи, немцы, поляки, осетины, грузины и представители почти всех национальностей, прожи-

вающих на Кавказе и в Российской Федерации. Местные националисты в деле осуществления своих деструктивных планов делали большую ставку на разноплеменный характер местного населения. Газета на конкретных примерах развенчивает несостоятельность их попыток разобщить народы, вбить клин между ними, используя религиозные чувства верующей части населения. В статье «РКП и малые народы» газета писала, что религия важнейший элемент духовной культуры любого народа, но она не единственный критерий единения народов. Людей объединяют общность интересов, общность цели и задач, общность экономической жизни, общность территории, общность обычаев и традиций. Она неустанно пропагандирует все то, цементирующее, что сближает трудовые народы многонациональной республики Кабардино-Балкарии: дружбу, скрепленную кровью дедов и отцов, общую историческую память, родные Кавказские горы, природу, климат, общие цели – общие задачи – строить, созидать благополучную, счастливую жизнь, где каждый гражданин независимо от национальной и религиозной принадлежности будет чувствовать себя комфортно в единой многонациональной семье Кабардино-Балкарии.

Сама газета «Карахалк» была символом дружбы, братства, согласия и единения. В ней трудились рука об руку русские, кабардинцы, балкарцы, украинцы, евреи. Это была дружная интернациональная семья, где русские, белорусы, евреи учили кабардинский и балкарский языки и наоборот, кабардинцы и балкарцы успешно овладевали тонкостями языка своих коллег.

Газета «Карахалк» была интернациональной не только по составу сотрудников, по форме, по содержанию, но и по языку. После перехода кабардинского и балкарского алфавитов на латинскую графическую основу, в 1924 году в газете создаются два новых национальных отдела: кабардинский и балкарский. Годом позже в 1925 году, учитывая большой процент горских евреев в составе местного населения, областной комитет РКП(б) выносит решение об открытии в газете еще одного, уже четвертого, национального отдела – горско-еврейского. Кабардино-Балкарская газета «Карахалк» становится в Российской Федерации одной из самых интернациональных газет и по языку, и по тематике, и по составу журналистских кадров. На V областном съезде Советов в 1926 году редактор газеты «Карахалк» И. Шанин назвал ее единственной в мире газетой, вышедшей одновременно на четырех национальных языках. А журнал «Красная печать» утверждал, что во всем мире на еврейском (горско-еврейском) языке печатается только одна газета – это кабардино-балкарская газета «Карахалк».

«Карахалк» вошла в анналы истории отечественной журналистики как одно из самых интернациональных объективных, содержательных и эффективных средств массовой информации Российской Федерации, которое учило жить в духе любви и взаимопонимания, мирно и прекрасно сосуществовать людям, принадлежащим к разным национальностям, во имя созидания и процветания прекрасной, многонациональной республики Кабардино-Балкарии.

**Мухамедхан АКСИРОВ,
Петр ИВАНОВ**

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ РОТАЦИОННОГО РЕЖИМА ЗЕМЛИ

В настоящее время в геологии, палеонтологии и палеоклиматологии в качестве парадигмы выступает гипотеза приливного замедления вращения Земли. Эта гипотеза предполагает, что в геологическом прошлом вращение планеты находилось в основном под действием приливного торможения, поэтому постепенно замедлялось. Однако на самом деле ротационный режим Земли претерпевал в геологическом прошлом значительные изменения, которые не укладываются в рамки такого представления. Соответствующие им изменения длины суток тоже были значительными. Кроме того, в течение большого промежутка времени геологической истории палеосутки оказались довольно продолжительными, а затем постепенно сокращались до нынешнего значения. Специфические особенности инсоляции, характерные для таких суток, стали причиной многих необычных явлений в истории Земли, которые оставили своеобразные и очень выразительные отложения в осадочном чехле. Учитывая такие отложения, в нашей работе дается оригинальное доказательство, что в каменноугольном периоде палеосутки составляли десятки тысяч лет. В ней дается также общая характеристика изменения суток во времени с нижнего протерозоя по антропоген. Из работы следует, что длительное состояние палеосутки и их изменение во времени выступали как очень эффективный фактор экзогенных геологических процессов и эволюции биосферы в целом.

Эта гипотеза утверждает, что вращение планеты находилось в прошлом в основном (или исключительно) под контролем приливного торможения и постепенно замедлялось. Но, как показано в работах, это утверждение не соответствует действительности. На самом деле скорость вращения Земли в геологическом прошлом претерпевала значительные изменения, которые выходят за рамки данной гипотезы. Соответствующие им изменения суток тоже были значительными и сыграли исключительную роль в осадконакоплении, палеоклимате и эволюции органического мира. При этом в течение сравнительно большого промежутка времени геологической истории земные солнечные сутки (далее – сутки) оказались довольно длинными. Для того чтобы доказать существование длительных суток на Земле в прошлом, необходимо сделать некоторые предварительные комментарии. Исследование известной проблемы космогонии Солнечной системы о генезисе вращения Солнца и планет в свете ОТО приводит к

заклучению, что нынешняя скорость ротации Земли, скорее всего, накопилась в процессе её перемещения по геодезической в гравитационном поле за геологическое время. Теория Эйнштейна исходит из того, что распределение и движение материи, электромагнитные поля и некоторые другие дополнительные условия определяют геометрию пространства, которая сама уже предписывает траектории свободно перемещающимся в космическом пространстве телам как линии (геодезические), не зависящие от строения тел и представляющие собой характеристики пространства. Небесные тела рассматриваются как материальные точки, движение которых происходит по геодезическим линиям. Но эти тела состоят из множества частиц. И при этом каждая частица протяженного тела обладает стремлением к перемещению по своей собственной геодезической линии в любой момент времени. Но сцепление и противостояние между частицами приводят во взаимодействие силы, приложенные к разным точкам. В результате этого и в зависимости от структуры искривленного пространства равнодействующая сил, приложенных ко всем частицам, может создавать вращающий момент вокруг оси, проходящей через центр массы тела. Для протяженных небесных тел, имеющих достаточно большие конечные размеры, этот эффект может быть существенным. В частности, он мог сыграть важную роль в возникновении прямого вращения Солнца и планет. Подтверждением этому служит то, что все планеты Солнечной системы и большинство спутников движутся по орбитам в одном (прямом) направлении. Собственное вращение Солнца и планет в подавляющем большинстве случаев происходит в том же направлении вокруг почти параллельных друг другу осей. Ни одна из теорий космогонии Солнечной системы не дает возможности вписать эти особенности ротации и орбитального обращения в процессы стадии формирования Солнечной системы или дальнейшей её эволюции. Отсюда естественно предположить, что в околосолнечном пространстве действует некий вращающий момент в направлении прямого вращения членов Солнечной системы, который оказывал свое влияние на накопление нынешней скорости ротации Земли. О возможности существования в природе этого вращающего момента говорится ниже. А здесь отметим, что нынешняя сравнительно быстрая скорость собственной ротации Земли и некоторых других планет является результатом действия и иных факторов – сжатие, внутреннее гравитационное перераспределение масс и т. д.

Вопрос о существовании в природе вращающего момента, отмеченного выше, можно прояснить, исследуя движение по геодезической в гравитационном поле. В ходе такого исследования в некоторых работах М. М. Аксировым решены следующие две проблемы ОТО:

1. Выявлена структура релятивистского ускорения в гравитационном поле. Данная проблема была поставлена А. Эйнштейном. При ее решении выявлены все естественные составляющие релятивистского ускорения, а также скорректированы и неточности в ее прежнем истолковании. А глав-

ное – среди полученных составляющих оказался и неизвестный ранее компонент, который возникает в результате взаимодействия гравитации и сложного движения. Именно этот компонент может выступать в качестве источника вращающего момента, о котором идет речь.

2. Впервые получено точное решение дифференциальных уравнений геодезических в гравитационном поле. Решение включает и релятивистские соотношения, адекватные трем законам Кеплера. Кроме того, доказано, что источником вращающего момента может выступать и инерция. Все это указывает на то, что нынешняя скорость ротации Земли, скорее всего, аккумулировалась в ходе геологического времени в результате ее перемещения по геодезической. А это означает, что в истории планеты было время, когда она вращалась значительно медленнее, чем ныне. Отсюда следует, что в геологическом прошлом эта ротация была ускоренной. Два эти аспекта – медленное вращение Земли и ускоренное его состояние – непременно должны были оставлять весьма специфические отпечатки в осадконакоплении. Когда, исходя из этого заключения, мы обратились к недрам планеты за информацией, все наши ожидания оправдались с лихвой: в осадочном чехле действительно заключён огромный массив фактических данных, который характеризует основные особенности истории ротационного режима Земли. Используя это обстоятельство, удалось выявить и доказать основные свойства изменения скорости вращения планеты за геологическое время. В работе даются эти свойства и оригинальное доказательство существования длительных суток в геологическом прошлом, исходя из сравнительно небольшой совокупности фактов.

Евгений ЛИСТОПАДОВ

Полеты во сне и наяву

Он летал, как и большинство детей. Ежедневно, во сне. Люди, взрослые, летают все реже. А этот все летал и летал. Как только глаза сомкнул, так сразу и полетел. Как-то, уже к зрелости, ну когда человеку еще сорока нету, а тридцать лет уже миновало, – дай-ка, думает, наяву взлететь попробую. Но днем неловко все же. Увидит кто и скажет: «Вот дурак! Чего это он руками как крыльями размахался. Псих, что ли, недолеченный?»

Выбрал ночь темную. И за полночь, когда народ утомленный трудовым бдением и любовью, крепко засыпает. Выключены уличные фонари, в окнах домов свет потушен. Тихо вокруг. Он пробрался на взлетно-посадочную полосу местного аэродрома. И с того самого места, которого лайнер при посадке касается колесами, начал разбег. В середине полосы, теряя силы, задыхаясь, уже намереваясь спотыкнуться и рухнуть на шершавую и твердую поверхность бетона... Но!.. Сконцентрировав всю свою волю и остатки энергии, на остром желании – воспарить! В прыжке! Вытянув руки! И – оттолкнувшись ногами от земли, он медленно, тяжело, натужно... Взлетел!

Дрожь в коленях распространилась по всему телу. Он дрожал от напряжения и перегрузок. Но, оторвавшись от земли, поднимался все выше и выше!

Пять метров. Десять. Тридцать. Заложив крутой вираж, он пролетел над крышами домов потухшего и уснувшего города. Набрал высоту, меняя скоростные режимы, полетел куда глаза глядят.

Из-за горизонта выползла полная луна и окрасила в золотистый цвет окружающий и обволакивающий его восторгом мир рек и озер, холмов, лесов и полей. Обозначились ленты магистральных и сельских дорог. Крупными геометрическими фигурами шелестели спелые посевы хлебов. Вспыхивали и затухали золотистые шляпки подсолнуха. Он полетел над неширокой петляющей в неровностях земли речкой.

Слезы восторга, удивление, неудержимая радость мешали в полной мере насладиться фантастическим ощущением свободного полета. Не в силах совладать с собой и боясь, как бы чего в голове не повредить, – он вернулся и приземлился на балконе своей холостяцкой квартиры. Затем это у него вошло в привычку – днем спать, а ночью совершать полеты.

Он постепенно справился со своим безудержным восторгом, заменив его на любопытное созерцание, на шаловливые поступки вроде головокружительных цирковых кульбитов в воздухе и без страховки.

Человек уже давно оторвался от земли и с помощью парашютов, дельтапланов и на самолете совершает полеты, но он все же в зависимости от двигателя и других приспособлений. А тут!.. Ноги он складывал в позу китайского божка и, сложив руки на животе, медленно плыл по воле воздушного потока. Либо, скрестив ноги и подложив руки под голову, поднимался все выше и выше, любуясь звездной россыпью, и только холодные потоки воздуха возвращали его к земле.

Однажды он так-то вот, в полете на заре, и задремал. Когда открыл глаза, то через стекло кабины пассажирского лайнера увидел искаженные удивлением и страхом лица первого и второго пилотов. Успел увернуться. Но впредь был начеку. Понял, что дело идет к этому, что скоро на земле человеку и автомобилю станет уже тесно, да и на небе без светофора будет не разминуться. Летчики, посадив самолет на автопилоте, доложили начальству: «Мы видели голого мужика, парящего на облаке». От полетов их освободили, поместив в институт имени Сербского. Но они и там больным и медперсоналу упорно твердили: «Голого мужика!.. на облаке!..»

В другой раз во время полетов в сложных метеоусловиях он совершил вынужденную посадку. Приземлился на узкой круговой площадке пятидесятиметровой кирпичной трубы. Неожиданно разразившаяся гроза с молнией и громом его туда и загнала.

А поскольку взлетать он мог только с разбегу (вертикальный взлет еще не освоил), пришлось ему спускаться вниз по вмурованным в кирпичную кладку железным скобам, основательно покрытым толстым слоем окаменевшей копоти. Когда он, насквозь промокший, оказался на земле, руки его болели и кровоточили.

Как-то, уклоняясь от преследовавшей его стаи пернатых хищников, он залетел на лоджию десятиэтажного дома. В квартире веселая компания отмечала какое-то событие. Мужики вышли на лоджию перекурить. Он ничего умнее не успел придумать, кроме как:

– Извините, граждане, господа! Но, понимаете, какое дело? Я тут у вашей соседки наверху был. Ничего такого... Но неожиданно муж вернулся из командировки. Пришлось к вам сигать.

– Да понимаем. Сочувствуем. Заходи. Гостем будешь. Сто грамм за здоровье хозяйки дома, а? Именинница она. Нет? Спешешь? Ну и ладушки!

Проводили весело через сообщающуюся с лоджией спальню. Чтобы, значит, гости именинницы не поняли, откуда такой визитер появился.

И только на другой день хозяин квартиры, опохмелившись, спрашивает у жены:

– Нинон, у нас дом десятиэтажный?

– Вася, ты не пей сегодня больше. Десятиэтажка, конечно. Ты чего?

Но Вася, перепохмелившись, продолжал допытываться у Нинон:

– Но если мы живем на десятом, то куда подевалась наша соседка вместе с одиннадцатым этажом?

Много других приключений с ним произошло. Да и сам он совершал всякого рода шалости и залетные подвиги в городе и округе. По стране, не земле, улучшил, например, все мировые рекорды по легкой атлетике.

Стометровую дистанцию пробегал за три секунды, в три прыжка. В высоту, в длину, на турнике, на кольцах, на брусках, – совершал уму непостижимые достижения. Разумеется, в одиночку, без зрителей. А уж когда он возбудил дремавшие другие ощущения – перед и за теми, пятью: острее стал видеть, слышать, осязать, глубже дышать... Обострились чувства любви к ближнему и дальнему, радости и огорчения, справедливость, честь, совесть. Проявились необыкновенно глубокие и высокие душевные порывы, возникли неведомые ранее нравственные потребности, научили не только высоко взлетать, но и глубоко нырять!.. Он понял: на этой земле ему места нет. Его способности и потребности становятся и непонятными и опасными.

И, несмотря на просвещенный век, его по требованию озверелой толпы могут сжечь на костре, либо потребуют служить военным целям.

На земле во все времена так было. Любое изобретение или открытие, могущее облегчить жизнь человеческую, – засекречивали и использовали в военных целях.

Он решил: пора смываться на другие, не освоенные землянами планеты. Потому что даже необитаемых островов, где бы не было ни Бога, ни дьявола, с их раем и адом, где можно было бы спрятаться от оголтелых политиков и вороватых чиновников, уже не осталось. Да и кислороду становится все меньше и меньше. Леса вырубают, моря и реки загрязняют. Дышать скоро будет нечем. Даже мечтать человечество перестало. А без мечты, малой ли, великой, лишь употребляя больше того, что природа может человеку дать, он, человек, обречен. Всем или одному, но улетать надо! Улетать!

20 лучших советов для здоровья

1. От ревматизма

При растяжении мышц и ревматизме поможет мешочек с вишневыми косточками. Разогрейте их и приложите в мешочке к больному месту.

2. Плохо спите?

Капните на подушку 5 капель розового масла. Его запах вас быстро успокоит, и вы блаженно уснете.

3. Зарядка для мышц таза

Упражнение для укрепления мочевого пузыря (особенно рекомендует-ся дамам после 50). Лягте на спину, разведите ноги, слегка приподнимите таз, напрягите мышцы. На счете 10 расслабьтесь. Повторите 5 раз.

4. Потеют ноги?

Два раза в неделю делайте теплую ванночку с заваренным зеленым чаем: 1 ст. чая на литр воды. Затем присыпьте ступни тальком.

5. Примите контрастный душ

Он укрепляет иммунитет и улучшает циркуляцию крови в сосудах.

6. Болят мышцы?

Сходите в баню или примите горячую ванну, а после плавно и медленно потянитесь. Улучшится кровообращение, и мышцы быстрее восстановятся.

7. Профилактика тромбоза

Раз в день по 2 мин. Делайте упражнение: встаньте на носочки, опуститесь. И вообще, чаще ходите на носках ног.

8. При похмелье

Поможет стакан подсоленного томатного сока. Он восстановит солевой баланс и приведет желудок в норму.

9. От стресса

Заведите домашнее животное. Общение с ним еще и нормализует давление.

10. У вас жар?

Оботрите все тело тряпочкой, смоченной в холодной воде, дайте слегка обсохнуть – и сразу в постель.

11. Зарядка для уставших глаз

Закройте глаза, руки положите на веки на 3 минуты – это снимет напряжение глазных мышц.

12. Сжигаем жир

В чесноке содержится аллицин – он помогает сжигать жир. Но ешьте не больше зубчика в день.

13. От изжоги

Съешьте тонкий ломтик сырой картошки.

14. Витаминная помощь

Самый лучший коктейль, чтобы избежать авитаминоза: смешайте свежесжатый сок морковки с апельсиновым.

15. Если сильно волнуетесь

Нажмите сильно на мочки уха. Это поможет вам успокоиться перед важной встречей или публичным выступлением.

16. Массаж для прилива энергии

Разотрите одну о другую ладони, положите их на лицо и энергично растирайте его в течение минуты.

17. Икры сводит судорогой?

Для профилактики судорог ешьте больше молочных продуктов, орехи и бананы.

18. Высокий холестерин?

Его снизят сырые семечки подсолнуха.

19. При ожоге

Сделайте компресс с облепиховым маслом. При несильном ожоге приложите разрезанную пополам сырую картофелину.

20. Пахнет изо рта?

Пожуйте шалфей или прополощите рот холодным зеленым чаем.

В номере:

<i>Аскер Додуев.</i> Человечность и вечность. <i>Статья</i>	3
<i>Борис Кудаяев.</i> Баро ром. <i>Рассказ</i>	8
<i>Мусса Байдаев.</i> <i>Стихи</i>	13
<i>Мухамед Нафедзов.</i> Сроки счастья. <i>Глава из повести</i>	16
<i>Татьяна Подыман.</i> <i>Стихи</i>	31
<i>Фатима Махотлова.</i> Хроники амазонок. <i>Глава из повести</i>	34
<i>Альберт Ноткин.</i> <i>Стихи</i>	43
<i>Анзор Апишев.</i> Затворник. <i>Глава из романа</i>	45
<i>Мадина Бора.</i> <i>Стихи</i>	58
Памятные даты. <i>Шаков Таусултан, Шогенцуков Али, Гуртуев Берт, Шомахов Амирхан, Будаев Азрет, Куашев Бетал, Утижьев Борис</i>	71
Страницы памяти. К 70-летию композитора Абдина Байчекуева. <i>Хусейн Занкишиев.</i> Музыка – как журчание ручья. <i>Очерк</i>	73
<i>Руслан Карчаев.</i> <i>Стихи</i>	77
<i>Сафарби Загаштоков.</i> <i>Стихи</i>	79
<i>Аслангери Бербеков.</i> <i>Стихи</i>	80
<i>Эльдар Карданов.</i> <i>Стихи</i>	82
<i>Амина Казиева.</i> <i>Стихи</i>	83
<i>Заира Хачетлова.</i> <i>Стихи</i>	84
<i>Мариям Узденова.</i> <i>Стихи</i>	85
<i>Анатолий Сытник.</i> <i>Стихи</i>	86
Наши юбиляры. <i>Петр Кажсаров</i>	87
<i>Кашиф Эльгаров</i>	88
<i>Анатолий Парпара.</i> <i>Стихи</i>	89
<i>Абдуллах Бегиев</i>	91
<i>Мария Винюжеева.</i> <i>Стихи</i>	92
<i>Салих Эфендиев.</i> Природный талант. <i>Очерк</i>	95
<i>Людмила Гурова.</i> Не привыкай к любви... <i>Очерк</i>	99
<i>Фатима Тазова.</i> Руководить – призвание. <i>Очерк</i>	103
<i>Фатима Дударова.</i> Танец Хаужан всегда был яркий, живой. <i>Очерк</i>	107
<i>Александр Пряжников.</i> Три события одного сезона. <i>Очерк</i>	113
<i>Лариса Шадуева.</i> Художник, у которого не было уничтоженных работ. <i>Очерк</i>	118
<i>Людмила Маремкулова.</i> «Заново открываю красоту...» <i>Очерк</i>	123
<i>Али Курашинов.</i> Патриарх учителей математики КБР. <i>Очерк</i>	127
Медицинский центр «Врач-пациенту». <i>Очерк</i>	129
Ваше здоровье – в ваших руках! <i>Очерк</i>	135
<i>Али Сафар.</i> Краткий обзор новейшей отечественной литературы. <i>Статья</i>	137
<i>Анжела Эльмураева.</i> Концепт мира в творчестве К. Мечиева. <i>Статья</i>	147
<i>Фатимет Хауко.</i> Лирическая повесть А. Кушхаунова в современной северокавказской прозе. <i>Статья</i>	151
<i>Жаухар Аппаева.</i> Апшеронские мотивы. <i>Статья</i>	157
<i>Султан Пишибиев.</i> Патриотическое воспитание – священный долг каждого ветерана. <i>Статья</i>	161
<i>Рита Алокова.</i> Информация о состоянии духовно-нравственного воспитания в образовательных учреждениях республики в 2010 г. <i>Статья</i>	163
<i>Хазеши Бецуков, Анзор Бецуков.</i> Иск марксизму за подлог. <i>Статья</i>	167
<i>Диана Шулумба.</i> Эвтаназия – преступление или благо. <i>Статья</i>	171
<i>Ирина Темркова.</i> О формировании прозаических жанров в кабардинской литературе начала XX века. <i>Статья</i>	173
<i>Эдуард Битиров.</i> Письма о Кавказе и Крыме... <i>Статья</i>	176
<i>Мадина Князева.</i> Природа и мы. <i>Статья</i>	178
<i>Фоза Ошнокова.</i> «Карахалк» – газета мира и согласия. <i>Статья</i>	180
<i>Мухамедхан Аксиров, Петр Иванов.</i> Новый взгляд на историю ротационного режима Земли. <i>Статья</i>	183
<i>Евгений Листопадов.</i> Полеты во сне и наяву. <i>Юмористический рассказ</i>	187
<i>Красота. Здоровье. Жизнь</i>	172

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
«Кубанское управление Россвязьохранкультуры»
ПИ № ФС 14-0743 от 20.08.07 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.09.10. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12.

Тираж 2100 экз. Заказ № 148. Свободная цена

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».

КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5), с приложением копии на электронном носителе и личных данных (копии: ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, Сбернижка «Сбербанк РФ», номер контактного телефона), а также – при одобрении редакцией произведения – составляется двухсторонний договор и акт приема-передачи.
